

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ**

**История Востока:
религия, политика, международные связи**

2021 Том 13 № 4

**DOI 10.22363/2312-8127-2021-13-4
<http://journals.rudn.ru/world-history>**

**Научный журнал
Издается с 2009 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61173 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

Воронин С.А., д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, директор Центра исторической экспертизы и государственного прогнозирования, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Ответственный секретарь

Попова Е.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории РУДН, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: popova-ea@rudn.ru

Члены редколлегии

Бакри Абу аль-Хассан Мусса, кандидат исторических наук, профессор Каирского университета, г. Гиза, Египет

Варику Кулбхушан, профессор Университета имени Джавахарлала Неру, г. Дели, Индия
Гвоздева И.А., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ, г. Москва, Российская Федерация

Губайдуллина М.Ш., доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета имени аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан

Дуткевич П., доктор философских наук, директор Центра государственного управления Университета Карлтона, действительный член Центра цивилизационных и региональных исследований Российской академии наук, г. Оттава, Канада

Ларин Е.А., доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром Латиноамериканских исследований Института всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Ли Нарангоа, профессор Австралийского Национального университета, г. Канберра, Австралия

Пономаренко Л.В., доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений, заместитель декана факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Смоленский Н.И., доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой новой, новейшей истории и методологии МГОУ, г. Москва, Российская Федерация

Стефанидис И.Д., профессор Университета имени Аристотеля, г. Салоники, Греция

Хазанов А.М., доктор исторических наук, профессор Института всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 выпуска в год

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки elibrary.ru, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история» – периодическое международное рецензируемое научное издание в области исторических исследований. Целью журнала является распространение и апробация современных методов и новейших достижений исторической науки.

Журнал предназначен для публикаций результатов самостоятельных оригинальных научных исследований ученых в виде статей, обзорных материалов, научных сообщений, библиографических обзоров по определенным темам и научным направлениям.

Тематика публикаций в журнале охватывает все области изучения исторического процесса с древности до современности. В рамках журнала ключевое значение имеет проблематика, связанная с социально-политическим и культурным развитием мировых цивилизаций Востока и Запада с древности до сегодняшнего времени; также значительное внимание уделяется публикации исследований по проблемам стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 07.00.00 Исторические науки и археология. Специальности: 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.07 Этнография, этнология и антропология, 07.00.09 Историография, источниковедение и методы научного исследования, 07.00.15 История международных отношений и внешней политики.

Основные рубрики журнала: из истории исторической науки, идеи и политика в истории, Восток – Запад: диалог цивилизаций, античный мир, политическая история Востока и Запада, из истории ислама, из истории Китая, археологические исследования и др.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству специалистов, работающих в русле вышеуказанных направлений, по подготовке специальных тематических выпусков.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/world-history>

Электронный адрес: histj@rudn.ru

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка: *Ю.Н. Ефремова*
Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала
«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история»:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Подписано в печать 28.10.2021. Выход в свет 08.11.2021. Формат 70×100/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 9,43. Тираж 500 экз. Заказ № 1146. Цена свободная
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2021

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY

**History of the East:
religion, politics, international relations**

2021 VOLUME 13 NUMBER 4

DOI 10.22363/2312-8127-2021-13-4

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Scientific journal

Founded in 2009

Editor in Chief

Sergey A. Voronin

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation

E-mail: voronin-sa@rudn.ru

Executive Secretary

Elena A. Popova

Peoples' Friendship University of Russia,
Moscow, Russian Federation

E-mail: popova-ea@rudn.ru

Members of Editorial Board

Aboualhassan Bakry, Ph.D. in History, Professor, Cairo University, El Giza, Egypt

Inna A. Gvozdeva, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of the Ancient History, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Mara Gubaidullina, Doctor of Science (History), Professor, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Piotr Dutkiewicz, Ph.D. in Philosophy, Director of the Center of Public Administration, Carleton University, Ottawa, Canada, member of Center for Civilization and Regional Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Evgeniy A. Larin, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Center for Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Narangoa Li, Professor in Australian National University, Canberra, Australia

Lyudmila V. Ponomarenko, Doctor of Science (History), Professor of the Theory and History of International Relations Chair, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Kulbhushan Warikoo, Professor, University Jawaharlal Nehru, Delhi, India

Nikolay I. Smolenskiy, Doctor of Science (History), Professor, Head of the Chair of modern and contemporary history and methodology, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Ioannis Stefanidis, Aristotle University of Thessaloniki, Thessaloniki, Greece

Anatoliy M. Khazanov, Doctor of Science (History), Professor, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF WORLD HISTORY
Published by Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, the Russian Federation

ISSN 2312-8127 (Print); ISSN 2312-833X (Online)

4 issues per year

<http://journals.rudn.ru/world-history>

Languages: Russian, English.

Materials of the Journal are placed on the platform of Russian Index of Science Citation (eLIBRARY.RU), Electronic Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, Dimensions, EBSCOhost.

Aims and Scope

RUDN Journal of World History is a periodic peer-reviewed international scientific journal publishing articles and book reviews on world history. The goal of the journal is the dissemination and approbation of modern methods and the latest achievements of historical science.

RUDN Journal of World History is committed to the publication of original research covering a broad range of historical subjects and approaches from antiquity to modern times. The journal has a special focus on socio-political and cultural development of Western and Eastern civilizations from ancient times to modernity. It also focuses on actual problems of African, Asian and Latin American studies.

General journal sections: History of historical science, Ideas and policy in history, East and West: the dialogue of civilizations, The Ancient world, Political history of East and West, Islamic studies, Chinese studies, Archeological studies, etc.

In addition to research articles, the journal also welcomes book reviews, conference reports and research project announcements. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/world-history>

E-mail: histj@rudn.ru

Review Editor *K.V. Zenkin*

Layout Designer *Yu.N. Efremova*

Address of the editorial office:

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of World History:

10/2 Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 434-12-12; e-mail: histj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

"Peoples' Friendship University of Russia" (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation

Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), 2021

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

- Жантиев Д.Р.** Религиозная политика султана Абдул-Хамида II в сирийских вилайетах Османской империи (1876–1909): методы и символы 347
- Краюшкин Н.Р.** Споры вокруг дозволенности курения табака среди улемского сообщества османской Сирии 363
- Медведко С.Л.** Положение сирийских христиан в контексте событий «арабской весны» 374
- Савичева Е.М., Катеренчук Д.В., Рыжов И.В.** Российско-ливанские отношения: поиск путей взаимодействия 384

ВОСТОК – ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

- Дробышев Ю.И.** Цели монгольских захватчиков согласно европейским источникам середины XIII в. Часть 2 398
- Китинов Б.У.** Миграции ойратов в первой четверти XVII в. накануне возвращения в Джунгарию 420

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ

- Ибрайымов Г.В.** Большая игра в Передней и Центральной Азии в XIX веке: историография вопроса 431
- Al-Mahmadava Shahad Rissan Krabuit.** Top-level diplomacy in the relations between Russia and the UAE (**Аль-Махмадава Шахад Риссан Крабуит.** Дипломатия на высшем уровне в отношениях России и ОАЭ) 446

CONTENTS

RELIGION AND POLITICS IN THE MIDDLE EAST

- Zhantiev D.R.** Religious policy of Sultan Abdul-Hamid II in the Syrian vilayets of the Ottoman Empire (1876–1909): methods and symbols 347
- Krayushkin N.** Disputes over the permissibility of tobacco smoking among the ulama of Ottoman Syria 363
- Medvedko S.L.** The situation of Syrian Christians in the context of the Arab Spring events 374
- Savicheva E., Katerenchuk D., Ryzhov I.** Russian-Lebanese relations: search for ways of interaction 384

EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

- Drobyshev Yu.I.** The goals of the Mongol invaders according to European sources of the middle of the XIII century. Part 2 398
- Kitinov B.U.** Migration of the Oirats in the first quarter of the 17th century on the eve of returning to Dzungaria 420

YOUNGS SCHOLARS REPORTS

- Ibrahimov G.V.** The Great Game in Front and Central Asia in the XIX century: historiography of the question 431
- Al-Mahmadava Shahad Rissan Krabuit.** Top-level diplomacy in the relations between Russia and the UAE 446

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА В СТРАНАХ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА RELIGION AND POLITICS IN THE MIDDLE EAST

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-347-362

Научная статья / Research article

Религиозная политика султана Абдул-Хамида II в сирийских вилайетах Османской империи (1876–1909): методы и символы

Д.Р. Жантиев

Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова,
125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1
zdimitry@yandex.ru

Аннотация. Автор рассматривает религиозно-политический курс османского султана Абдул-Хамида II (1876–1909), направленный на укрепление единства османского государства и общества на основе принципов ислама и реализацию данной стратегии в сирийских провинциях Османской империи. Исследование опирается на сообщения современников, а также научные работы на русском и английском языках. Особое внимание уделяется стратегической роли османской Сирии (включая Ливан и Палестину) в контексте стратегии укрепления религиозного авторитета султана как халифа всех мусульман и привлечению на службу султану видных идеологов и сторонников исламского традиционализма из сирийских вилайетов. Автор особо рассматривает роль личности и деятельности двух представителей мусульманской интеллектуальной элиты Сирии: суфийского шейха Абу-л-Худы ас-Сайяди как влиятельного приближенного султана, оказывавшего протекцию консервативно настроенным улама, а также Ахмада Иззет-паши ал-Абида, ставшего главным вдохновителем проекта строительства Хиджазской железной дороги. Также в статье выявлены особенности государственной политики османских властей в отношении религиозных меньшинств (как мусульманских, так немусульманских) и миграционных процессов в сирийских провинциях с учетом этноконфессионального фактора. В условиях ослабления международных позиций Османской империи и усиления иностранного вмешательства в ее внутренние дела Сирия давала пример относительно успешной модернизации с опорой на исламскую традицию. Конфессиональное самосознание при этом продолжало доминировать над этническим, а формировавшиеся чувства арабского и сирийского странового патриотизма не вступали в противоречие с принципом исламского единства подданных султана-халифа.

Ключевые слова: Османская империя, Абдул-Хамид II, ислам, Сирия, Ливан, Палестина, модернизация, традиционализм

© Жантиев Д.Р., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: Поступила в редакцию: 26.06.2021. Принята к публикации: 28.07.2021.

Для цитирования: *Жантиев Д.Р.* Религиозная политика султана Абдул-Хамида II в сирийских вилайетах Османской империи (1876–1909): методы и символы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 4. С. 347–362. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-347-362

Religious policy of Sultan Abdul-Hamid II in the Syrian vilayets of the Ottoman Empire (1876–1909): methods and symbols

D.R. Zhantiev

Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University,
11, building I, ul. Mokhovaya, Moscow, Russian Federation, 125009
zdimitry@yandex.ru

Abstract. The author examines the religious and political course of the Ottoman Sultan Abdul Hamid II (1876–1909), aimed at strengthening the unity of the Ottoman state and society based on the principles of Islam, and the implementation of this strategy in the Syrian provinces of the Ottoman Empire. The research is based on reports of contemporaries, as well as research works in Russian and English. Particular attention is paid to the strategic role of Ottoman Syria (including Lebanon and Palestine) in the context of strengthening the religious authority of the Sultan as the caliph of all Muslims and recruiting prominent ideologues and supporters of Islamic traditionalism from the Syrian vilayets to serve the Sultan. The author especially examines the role of two representatives of the Muslim intellectual elite: the Sufi sheikh Abu-l-Huda al-Sayyadi as a close associate of the Sultan who provided patronage to the conservative ulama, as well as Ahmad Izzet Pasha al-Abid, who became the main inspirer of the Hejaz Railway. The article also reveals the features of the state policy towards religious minorities (both Muslim and non-Muslim) and migration processes in the Syrian provinces. With the weakening of the international positions of the Ottoman Empire and the strengthening of foreign interference, Syria set an example of relatively successful modernization based on Islamic tradition. At the same time, confessional identity continued to dominate over ethnicity, and the emerging feelings of Arab and Syrian patriotism did not conflict with the principle of Islamic unity of the subjects of the Sultan-Caliph.

Key words: Ottoman Empire, Abdul-Hamid II, Islam, Syria, Lebanon, Palestine, modernization, traditionalism

Article history: Received: 26.06.2021. Accepted: 28.07.2021.

For citation: Zhantiev DR. Religious policy of Sultan Abdul-Hamid II in the Syrian vilayets of the Ottoman Empire (1876–1909): methods and symbols. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(4):347–362. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-347-362

Введение

Началу правления османского султана Абдул-Хамида II (1876–1909) предшествовала драматичная череда государственных дворцовых переворотов. В мае 1876 г. группа реформистски настроенных министров, вдохновляемая бывшим садразамом (великим везирем) Мидхат-пашой, свергла султана

Абдул-Азиза и возвела на престол его племянника Мурада V. Новый султан, оказавшийся душевнобольным, спустя три месяца также был отстранен от власти и заменен своим младшим братом Абдул-Хамидом II. Молодой султан под влиянием Мидхат-паши и его либерально настроенных сторонников 23 декабря 1876 г. согласился провозгласить конституцию (*канун-и эсаси*). Этот шаг, однако, не смог остановить нараставший к тому времени процесс иностранного вмешательства в дела османской державы, начавшийся на фоне восстаний христиан в Боснии и Герцеговине (1875–1877 гг.) и в Болгарии (апрель–май 1876 г.). Летом 1876 г. Сербия и Черногория воспользовались политическим кризисом в Османской империи и начали против нее войну при поддержке русских добровольцев. Отказ османского правительства предоставить автономии Боснии, Герцеговине и Болгарии привел к дальнейшему обострению ситуации и к вступлению России в войну против Османской империи весной 1877 г. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. завершилась для османского государства тяжелым поражением, несмотря на некоторое смягчение ее последствий в ходе Берлинского конгресса 1878 г. Утрата значительных территорий на Балканах с преимущественно христианским населением явным образом проявляла неспособность османских властей сохранять территориальную целостность своей державы в конфликте с Россией. Появление на карте Европы Болгарии как автономного княжества (а фактически самостоятельного государства), австрийская оккупация Боснии и Герцеговины, а также британская оккупация Кипра означали значительное переустройство региона и указывали на переход Великобритании и Австро-Венгрии от стратегии сохранения статус-кво и защиты Османской империи от России к частичному разделу османских владений.

Конституция 1876 г. декларировала равные гражданские права для всех османских подданных в качестве единой политической нации (*османлы*) вне зависимости от этнической принадлежности и вероисповедания. Тем не менее, в 1878 г. на фоне неудач в Русско-турецкой войне конституционный процесс был прерван в результате бессрочного роспуска парламента (*Меджлис-и Умуми*), который султан не созывал вновь вплоть до 1908 г. Руководители либерально-конституционного движения из среды высшей османской бюрократии, в том числе Михдат-паша (вновь занимавший пост садразама с декабря 1876 по февраль 1877 гг.) после 1878 г., подверглись опале и репрессиям. Возложив вину за поражение в войне на своих министров и полководцев, в последующие три десятилетия султан Абдул-Хамид правил самовластно при поддержке группы верных приближенных и советников. Разочарование султана в либерально-конституционных методах правления естественным образом подталкивало монарха и его новое консервативно настроенное окружение к легитимизации султанской власти с использованием традиционных исламских принципов и символов. В государственной печати и пропаганде, в образовательной системе на всех уровнях стал подчеркиваться священный характер власти султана как халифа всех мусульман, повелениям которого подданные обязаны безоговорочно подчиняться. Важно отметить, что данные принципы четко соответствовали тексту конституции 1876 г.,

третья статья которой гласила о том, что верховная османская власть (султанат) включает в себя «великий исламский халифат» (*хилияфет-и кубра-йи исламийе*). Согласно Статье 4 падишах в качестве халифа являлся защитником религии ислама; Статья 5 устанавливала, что личность падишаха является священной (*мукаддас*) и неподотчетной (*гейр-и месъуль*) [1. Р. 341].

Закрепление статуса султана Абдул-Хамида II в качестве халифа с точки зрения концепции «изобретенных традиций»

Закрепление сакрального характера власти султана как халифа в конституции представляется возможным рассматривать в контексте концепции «изобретенных традиций» (по Э. Хобсбауму). Как отмечал Э. Хобсбаум, «в том, что касается связи с историческим прошлым, специфика «изобретенных» традиций заключается в том, что их связь с ним по большей части фиктивная. Коротко говоря, эти традиции представляют собой ответ на новые ситуации, принимающий форму отсылки к старым ситуациям» [2. Р. 2]. Британский исследователь, анализируя использование традиционных принципов и символов в процессе строительства наций и национальных государств в XIX в., обращал внимание на то, что «такие большие социальные общности явно не были органическими системами (*Gemeinschaften*) или даже системами общепринятых рангов» [2. Р. 9]. В конкретном случае с Османской империей претензии на халифат возводились к событиям завоевания Египта султаном Селимом I в 1517 г. и возникшему (возможно, гораздо позднее, в XVIII в.) представлению о том, что султану в то время были переданы полномочия халифа всех мусульман от ал-Мутаваккиля III – последнего номинального носителя халифского титула из династии Аббасидов, жившего при дворе мамлюкских султанов в Каире. Столетия спустя в контексте Восточного вопроса претензии османских султанов на халифат (и, следовательно, покровительство в отношении всех мусульман) были актуализированы в качестве ответной реакции на попытки Российской империи установить свое покровительство по отношению к православным османским подданным. Еще одной «изобретенной традицией» в данном контексте можно считать принцип османского гражданства, установленный в соответствии с законом от 1869 г. и закрепленный в конституции 1876 г., в соответствии с которым османское гражданство не зависело от религиозной или этнической принадлежности.

В своем стремлении сохранить османскую державу от дальнейшей дезинтеграции Абдул-Хамид II считал себя политическим наследником своего деда, султана Махмуда II, чье правление (1808–1839) было ознаменовано консервативными военно-административными преобразованиями с опорой на традицию сильной султанской власти, ставшими предвестником реформ эпохи Танзимата. В своем меморандуме, обращенном к османским министрам в августе 1901 г., султан Абдул-Хамид обращал особое внимание на четыре основополагающих принципа османской государственности, которые, по его убеждению, ни в коем случае не должны подвергаться сомнению или пересмотру в ходе любых государственных преобразований. На первое

место падишах ставил ислам как универсальную основу легитимности османского государства, следующим называл незыблемость династии Османов; третий принцип заключал в себе покровительство «двум благородным святыням» (*ал-Харамайн аш-Шарифайн*) в исламе – Мекке и Медине, а четвертый предполагал неизменность статуса Стамбула как столицы Османской империи [3. Р. 346].

Будучи глубоко верующим мусульманином и абсолютистом по убеждениям, султан Абдул-Хамид II при этом был сторонником модернизации как средства укрепления османской государственности и единства мусульман. По верному замечанию К. Карпата, султан «нередко восхищался Европой и ее цивилизацией, но не ее „культурой“» [4. Р. 15]. Он надеялся на то, что мусульманские общества с помощью выборочного заимствования научно-технических и политико-административных достижений со временем смогут усиливаться, подобно тому, как это удалось Западу, но при этом сохранят приверженность исламу как универсальной основе мировоззрения и этики. В правление Абдул-Хамида II получило импульс частное предпринимательство, ускорилось введение государственных земель в коммерческий оборот на основе османского земельного кодекса 1858 г. [5. Р. 103–108], мусульманская буржуазия начала расти сначала в аграрном, а затем в коммерческом секторе. Абдул-Хамид II не только сохранил результаты преобразований его предшественников в военно-административной и правовой сферах, но и поощрял (разумеется, в рамках цензурных ограничений) издательскую деятельность, публицистику, литературу, образование и науку, что способствовало расширению интеллектуальных горизонтов образованных слоев османского общества. Заявляя о приоритете исламской цивилизации, султан в то же время продолжал открывать ее для Запада. Что же касается минимизации пагубных (с точки зрения султана и его сподвижников) воздействий западной культуры, то основную роль в укреплении исламского сознания в этих целях были призваны играть не только государственная система образования и печать, но и традиционные исламские институты. Не ограничиваясь личным контролем за деятельностью правительственных ведомств и губернаторов (*вали*) провинций, султан стремился установить прямые связи с влиятельными провинциальными исламскими учеными (*улама*) и шейхами суфийских братств, с тем чтобы привлечь их к реализации государственной политики по укреплению общественной и интеллектуальной роли ислама в османском обществе.

Не испытывая особого доверия к османской бюрократии в целом, султан уделял особое внимание подбору кадров для своей личной дворцовой канцелярии (*мабейн*), служившей эффективным посредником между султаном и правительством (*Баб-и Али*, Высокая Порта) [6. Р. 1–5]. Подозрения относительно лояльности как либеральных бюрократов, одержимых конституционными идеями, так и высшего религиозного истеблишмента (прежде всего шейх-уль-ислама) с учетом трагического опыта дворцовых переворотов 1876 г. побуждали султана заручаться прямой поддержкой деятелей, влиятельных на провинциальном уровне, но не имевших прежде связей в столичных кругах. На протяжении трех десятилетий султан Абдул-Хамид II и

относительно небольшой штат его приближенных во дворце Йылдыз управляли все еще весьма обширной империей, владения которой простирались на трех континентах. Взяв на себя всю полноту власти, султан и его приближенные, благодаря распространению телеграфных сообщений с провинциями, оперативно получали информацию с мест и отдавали прямые распоряжения множеству должностных лиц, оставив лишь часть исполнительных полномочий во второстепенных вопросах великому везиру (*садразаму*) и другим министрам. Можно сказать, что централизация власти во время правления Абдул-Хамида II достигла наивысшего возможного уровня за всю историю Османской империи.

Роль и место сирийских вилайетов в контексте стратегии укрепления религиозного авторитета султана-халифа

Особое внимание султан и его сподвижники уделяли сирийским провинциям (*вилайетам*), которые в стратегическом плане служили своего рода связующим звеном между Анатолией, Ираком и, что особенно важно, Хиджазом – областью священных городов (Мекки и Медины). Кроме того, Дамаск традиционно воспринимался как «преддверие Мекки» и являлся отправным пунктом священного каравана хаджа, а Иерусалим (Аль-Кудс) также обладал особым статусом в исламе как третья по значимости исламская святыня. Османская Сирия в целом (включая Ливан и Палестину) в эпоху правления Абдул-Хамида II оставалась одной из наиболее стабильных частей османской державы, несмотря на свою конфессиональную пестроту и наличие, наряду с мусульманским суннитским большинством, значительных по численности конфессиональных и этно-конфессиональных меньшинств шиитов, друзов и алавитов, а также арабоязычных христианских общин (православных, греко-католиков (мелькитов), маронитов, сиро-яковитов и др.).

Уже ко времени начала правления Абдул-Хамида II османская элита вполне осознавала опасность дальнейшего европейского вмешательства в дела Османской империи под лозунгом защиты христианских подданных султана. Этот процесс напрямую затронул Сирию в период французской интервенции 1860–1861 гг. в Ливане, вызванной трагическими событиями друзо-маронитской резни и антихристианского погрома в Дамаске летом 1860 г. Растущая активность западных миссионеров (как католиков, так и протестантов) в прибрежных городах на сиро-ливанском побережье (особенно в Бейруте), которые действовали под покровительством правительств Франции, Великобритании и США, также вызывала опасения у османских властей. Британская оккупация Египта (1882 г.) после подавления восстания Ораби-паши не только не прекратилась, но приняла фактически бессрочный характер, создавая особую угрозу для османского суверенитета. Султан и его окружение вполне справедливо опасались того, что любая дестабилизация ситуации в османских владениях может быть использована той или иной западной державой (или даже коалицией держав) как повод для вмешательства и даже военной интервенции. Сохранение стабильности и территориальной

целостности становилось в сложившейся ситуации вопросом существования для османской державы.

В этих целях приоритетное внимание дворца к сирийским вилайетам, естественным образом приводило к привлечению на службу и возвышению тех исламских религиозных деятелей и представителей знатных семейств, которое были способны содействовать укреплению авторитета султанской власти на провинциальном уровне. Особое значение в контексте данной стратегии приобрело возвышение и вхождение в число ближайших приближенных и советников султана двух энергичных выходцев из Сирии – суфийского шейха братства рифайя Абу-л-Худы ас-Сайяди (1850–1909) и представителя знатного дамасского семейства ал-Абид-Ахмада Иззет-паши ал-Абида (1855–1924). Выходец из уважаемой провинциальной семьи сейидов (потомков пророка Мухаммада) в вилайете Халев (Алеппо), шейх Абу-л-Худа был не только видным суфийским деятелем, но и красноречивым оратором, прекрасным памфлетистом и убежденным сторонником идеи исламского единства во главе с османским султаном-халифом. Степень его личного влияния на Абдул-Хамида II трудно определить, но важно отметить, что ни один сирийский алим или суфийский шейх ни до, ни после него не достигал такого особого положения среди султанского окружения в столичном дворцовом комплексе Йылдыз. Занимая одновременно должности шейха суфийского братства рифайя и шейх аль-машаиха (главы всех суфийских шейхов), Абу-л-Худа ас-Сайяди сформировал обширную патронажно-клиентельскую сеть, и фактически без его протекции или рекомендации в Сирии не могло состояться ни одно назначение на алимскую должность [7. Р. 131–140]. Используя как устную агитацию в среде суфийских братств (*турук*), так и печать, Абу-л-Худа ас-Сайяди и его единомышленники распространяли идею мистической сакральности султанской власти как непрерывной цепи духовной преемственности, соединяющей через десятки поколений ныне здравствующего султана с самим пророком Мухаммадом в качестве руководителя и защитника исламской общины (*Умма*).

Ахмад Иззет-паша ал-Абид в правление Абдул-Хамида II стал деятелем общегосударственного масштаба и одним из тех приближенных султана, которые пользовались его особым доверием. Прекрасно образованный представитель знатной землевладельческой семьи из Дамака, он приобрел известность как публицист и юрист, сделал карьеру на государственной службе, стал одним из личных секретарей султана (что в рамках структуры мабейн считалось особенно важной должностью), получил титул паши и особенно прославился в качестве главного организатора и руководителя проекта строительства Хиджазской железной дороги [8. Р. 195–197]. Данный проект приобрел особую значимость в контексте религиозной политики Абдул-Хамида II. Морские коммуникации в Восточном Средиземноморье и Красном море были фактически подконтрольны британцам со времени начала функционирования Суэцкого канала (1869 г.), а со времени британской оккупации Египта (1882 г.) военное присутствие Британской империи вблизи Хиджаза стало постоянным. В условиях такой уязвимости области священных городов

железная дорога, связывающая Дамаск с Мединой, была призвана стать не только стратегической магистралью для перевозки мусульманских паломников и (при необходимости) османских войск, но и своего рода материальным воплощением общих интересов мусульман под эгидой османского султана как покровителя ал-Харамайн аш-Шарифайн.

Хиджазская железная дорога как символ единения мусульман под властью Абдул-Хамида II

Абдул-Хамид II объявил о начале строительства Хиджазской железной дороги 2 мая 1900 г., но фактические работы начались в сентябре того же года. Чтобы подчеркнуть исламский характер грандиозного для своего времени замысла и, одновременно, его выгоды для османской Сирии, султан поручил общее руководство проектом Ахмаду Иззет-паше ал-Абиду. Возглавляемый им небольшой наблюдательный совет в Стамбуле был подотчетен лично султану, а основные финансовые обязанности были возложены на Центральную комиссию по строительству в Дамаске. Движущей силой проекта стали чиновники из числа сирийских арабов, кандидатуры которых были представлены Ахмадом Иззет-пашой либо согласованы с ним. Абдул-Хамид II лично содействовал реализации проекта строительства дороги и выделил для нее немалые средства из своей личной казны. Таким образом, в новых условиях и с использованием новых технических средств эпохи модернизации султан-халиф актуализировал тот стратегический курс, который еще в XVI в. был заложен его дальним предком Селимом I. Сбор средств на строительство Хиджазской железной дороги, проходивший как в самой Османской империи, так и за ее пределами, привлекал широкое общественное внимание к заботе султана и османских властей в целом об организации хаджа. С другой стороны, кампания по сбору средств, широко освещаемая в османской прессе, символизировала поддержку политики султана и признание первостепенной роли османов во главе Уммы. В Мекке ежегодная смена священного покрывала (*кисва*) Каабы с вышитым на нем именем султана проходило в пышной атмосфере и широко освещалось в прессе. Новое полотно доставлялось в Мекку, а старое – обратно в Стамбул через Дамаск с огромным караваном паломников, численность которого достигала 60 тыс. человек со всего мира. Дамаск, так же как Мекка и Медина, во время хаджа становился важным центром сбора и общения мусульман из различных стран и краев, а большую часть расходов на защиту и различные услуги паломникам несло правительство Османской империи. В 1906 г. султан отмечал, что его мечта о прокладке железной дороги из Сирии в Хиджаз становится реальностью: «Железная дорога (...) продемонстрировала, что мы [мусульмане] по-прежнему обладаем способностью к развитию и способностью противодействовать англичанам, которые использовали все средства для противодействия этой инициативе» [4. Р. 254]. Опасения в отношении способности британцев блокировать, при необходимости, Суэцкий канал для перевозки османских войск и грузов тем самым, парировались теми преимуществами, которые дорога давала османам как в военном, так и в коммерческом отношении.

Зримыми символами укрепления религиозного компонента османской власти в Сирии в правление Абдул-Хамида II также стало строительство мечетей, медресе и суфийских обителей (*завий*). Особое внимание, которое султан уделял делам Сирии, во многом объяснялось его опасениями в отношении процесса зарождения и роста местного сирийско-арабского надконфессионального самосознания, которое постепенно (хотя и довольно медленно) развивалось в течение позднего периода Танзимата среди растущего среднего класса в ряде крупных городов, особенно в Бейруте. По убеждению султана, чувство религиозного единства мусульман должно было превалировать над территориально-страновым патриотизмом. Султан считал, что идеи этнической «нации» и «расы» проповедовалась британцами для того, чтобы разделить турок и арабов и со временем спровоцировать восстания в Аравии и, возможно, в Сирии против османского владычества. В силу подобных опасений султан и его приближенные призывали мусульман «отдавать приоритет вере и любви к халифу и отодвинуть *хубб-уль-ватан* (любовь к территориальной родине) на второй план. Религиозная политика султана в Сирии (как и в других арабских вилайетах) очевидным образом была связана с поощрением образования и распространения печатного слова, но при этом центральная властная структура усиливала усилия по противодействию росту местного и регионального партикуляризма. Соответственно, частью государственной политики становилась поддержка консервативного идейно-религиозного течения среди сирийских суннитских улама – приверженцев как «общегосударственного» ханафитского, так и более распространенного в Сирии шафиитского мазхабов. По рекомендациям шейха Абу-л-Худы ас-Сайяди и Ахмада Иззет-паша ал-Абида султан охотно предоставлял выгодные должности и финансовые пособия тем авторитетным сирийским алимам и суфийским шейхам, которые, подобно известному шейху Йусуфу ан-Набхани (1849–1832), были готовы проводить курс на сохранение традиции и пропаганду священного характера султанской власти не только для османских подданных, но и для всего пространства исламского мира (*дар ал-ислам*). При этом факт поддержки со стороны султанского двора не исключал самостоятельности исламского традиционализма как значимого идеологического курса. Шейх Йусуф ан-Набхани, как наиболее яркий представитель данного консервативного течения среди своих современников, в силу своих убеждений, считал сложившуюся в Средние века систему исламских наук вполне совершенной и универсальной. Он подвергал жесткой критике тех улама, которые осмеливались призывать к возвращению практики самостоятельной рациональной деятельности богословов-законоведов с опорой непосредственно на Коран и Сунну (*иджтихад*) [9]. Крупнейшие медресе Дамаска оставались на рубеже XIX и XX веков цитаделью исламского традиционализма и консерватизма в тесной связи с суфизмом. Открытое выражение реформаторских взглядов на ислам, как правило, не считалось османскими властями поводом для преследований того или иного алима. Однако носителям таких взглядов был закрыт путь к получению султанской протекции, в то время как попавшие в сферу внимания султана энергичные традиционалисты-консерваторы, готовые аргументировать и отстаивать письменно и устно

сакральный характер султанской власти и османского халифата, могли рассчитывать на пенсии и награды [10. Р. 223–228]. В качестве одного из примеров можно привести успешную карьеру дамасского шейха Салиха ал-Мунайира, который, благодаря протекции Абу-л-Худы ас-Сайяди, был приглашен в Стамбул, получил награды от имени султана и занял считавшуюся весьма почетной должность преподавателя хадисов при Омейядской мечети. В своих трудах Салих ал-Мунайир приводил аргументы в поддержку сакральности власти султана с опорой на тексты Корана и Сунны [11. Р. 125–126]. Ключевой тезис его рассуждений представляется возможным выразить следующей формулировкой: «Подчинение султану равносильно подчинению самому пророку, а сопротивление воле султана равносильно сопротивлению воле самого пророка» [12. Р. 105].

Политика османских властей в отношении конфессиональных меньшинств в сирийских вилайетах

Отождествление исламской уммы с суннитским большинством среди мусульман, с точки зрения османских властей, ставило вопрос об отношении к несуннитским меньшинствам среди османских поданных – шиитам-имамитам, исмаилитам, друзам и алавитам. Принадлежность к суннизму и, особенно, к господствующему ханафитскому мазхабу подчеркивалась как проявление лояльности султану. До последней четверти XIX в. наличие несуннитских мусульманских общин в Сирии само по себе не вызывало беспокойства у османских властей. Более того, применительно к Горному Ливану султан и его правительство видели в лице друзской общины эффективный противовес претензиям маронитов на особые политические права. Что касается алавитской общины, компактно проживавшей в горных районах на северо-западе Сирии, то неопределенность и спорность конфессионального статуса алавитов в сочетании с активностью иностранных миссионеров в их среде стали недопустимым явлением в глазах султана и Порты. В качестве ответных действий османские наместники получали из Стамбула указания о строительстве суннитских мечетей и государственных школ в населенных алавитами местностях в целях распространения среди них суннитского ислама ханафитского мазхаба. Восприятие алавитов как «невежественных» мусульман, а не отдельной самобытной этноконфессиональной общины в правление султана Абдул-Хамида II стало доминантой в деятельности османских властей в Сирии. Распространение суннизма среди сирийских алавитов приняло характер последовательной государственной политики в вилайете Сирия и в северных округах вилайета Бейрут (после его создания в 1888 г.). Возведение за счет государственных средств десятков мечетей и школ, в которых алавитов воспринимали как обычных мусульман, сопровождалось донесениями провинциальной администрации о массовом переходе алавитов в суннитский ислам. Указанный процесс затронул не только округа (*санджаки*) Латакия и Триполи вилайета Бейрут, но также северные районы Горного Ливана и соседний санджак Хама вилайета Сирия. Тем не менее, дальнейший ход событий позволяет

сделать вывод о достаточно формальном (или даже фиктивном) характере обращения алавитов в суннизм и о сохранении алавитской общиной своего особого самосознания и религиозных практик. Регистрируясь в ходе османских переписей населения и получая османские удостоверения личности в качестве мусульман, алавиты получали возможность легально совершать сделки с недвижимостью и выступать свидетелями в османских судах, но на деле не меняли свою традиционную самоидентификацию [13. Р. 215–217]. Попытки султанских властей распространить среди алавитов суннизм также способствовали росту грамотности и социальных возможностей общины, прежде ведшей достаточно замкнутый образ жизни, и переселению части алавитов их горных районов в Латакию и прибрежные равнинные окрестности. Еще одним последствием строительства мечетей и школ для алавитов при участии османских властей стало более тесное общение представителей алавитской общины со своими соседями из числа мусульман-суннитов. Османские власти даже получали просьбы от местных жителей (алавитов) в горных районах санджака Латакия о строительстве мечетей и обучению их основам ислама [14. Р. 15].

Распространение среди алавитов османской системы государственного образования, в котором исламский компонент занимал весьма существенное место, может служить одним из многих примеров консервативной модернизации и унификации в отношении населения османской Сирии. За время правления Абдул-Хамида II число государственных учебных заведений разных уровней выросло в несколько раз. На рубеже XIX и XX вв. во всех сирийских вилайетах и отдельных санджаках насчитывалось в общей сложности свыше тысячи государственных начальных и средних школ, в стенах которых обучалось около 50 тыс. учеников [15. Р. 32].

Ремонт имеющихся и возведение новых мечетей в различных городах и провинциях Сирии также символизировало укрепление общественного порядка и эффективность политики султана в защиту ислама. «Двадцать лет тому назад я был убежден, что ислам в Турции приходит в упадок и едва ли хоть одна новая мечеть будет построена на этой земле, – сообщал находившийся в то время в Бейруте американский миссионер Генри Джессап. – Теперь из окон моего дома видны одновременно целых пять новых мечетей, возведенных за последние два десятилетия. <...> Несомненно, мы являемся свидетелями настоящего исламского возрождения» [цит. по: 16. Р. 182].

Одним из наиболее распространенных стереотипов, относящихся ко времени правления Абдул-Хамида II, является суждение о якобы дискриминационном и репрессивном отношении османских властей к представителям религиозных меньшинств. На материалах сирийских провинций указанный стереотип, однако, не выдерживает критики. Положение христианских общин Сирии в целом не ухудшилось в период правления Абдул-Хамида. Османские власти, за редкими исключениями, не противодействовали работе иностранных миссионеров в отношении местных христианских общин Сирии, Ливана и Палестины и созданию новых миссионерских учебных заведений (протестантских, католических и православных). Русские школы Православного

Палестинского Общества (создано в 1882 г.) к началу XX в. стали успешно конкурировать с западноевропейскими и американскими миссионерскими школами и колледжами.

Некоторые сирийские христиане именно в рассматриваемый период заняли видные административные посты как на провинциальном, так и на столичном уровнях. Особую известность приобрели представители маронитской семьи Мальхама. Селим Мальхама-паша (1851–1937) в 1893–1908 гг. занимал важный пост министра сельского хозяйства, лесов и шахт, а также выполнял важные дипломатические миссии. Его младший брат Наджиб Мальхама (1856–1927), также удостоенный титула паши, сделал карьеру на дипломатической службе, а с 1902 г. был назначен членом Государственного совета и, войдя в круг ближайших доверенных лиц и советников султана, выполнял конфиденциальные поручения Абдул-Хамида в сфере безопасности [17. Р. 13–15].

Вместе с тем на страницах консульских донесений и воспоминаний современников того времени, как и раньше, нередко встречаются примеры взаимных враждебных действий представителей различных религиозных общин. В 1895–96 гг. районы компактного проживания армян в северных округах вилайета Алеппо (юго-восток Анатолии) стали ареной ожесточенных вооруженных столкновений и резни, число погибших исчислялось тысячами. Однако трагические перипетии «армянского вопроса» в то время не отразились на положении армянских и других христианских общин в остальных районах Сирии. Как сообщал в 1896 г. российский консул в Дамаске А.П. Беляев, «в сирийском вилайете, например, за весь последний период времени злосчастных событий в Турции христиане пользовались совершенным спокойствием» [18]. Османские вали в сирийских провинциях, будучи, как отмечал Г. Джессап, «людьми разумными и опытными» [19. Р. 586], как правило, старались не допускать конфликтов в межконфессиональных отношениях.

Конфессиональный аспект миграционных процессов в османской Сирии в правление Абдул-Хамида II

Важным аспектом религиозной и социальной политики Абдул-Хамида II в сирийских провинциях было размещение десятков тысяч мусульманских переселенцев (*мухаджиров*) с Северного Кавказа. «Черкесская» (северокавказская) иммиграция в Османскую империю способствовала росту мусульманского населения сирийских вилайетов, освоению ранее неиспользуемых земель на пустынных юго-восточных рубежах (территории современных Иордании и Сирии) и созданию десятков новых населенных пунктов. Будучи хорошо вооруженными и проявляя при этом лояльность по отношению к османским властям, северокавказские мухаджиры стали опорой для османской администрации, противодействовали набегам арабских кочевых племен, обеспечивали порядок и безопасность [20. С. 60–69].

В то же время приезд значительного числа немусульманских переселенцев в Сирию воспринимался османским правительством с настороженностью.

В последней четверти XIX – начале XX вв. продолжался приток в Палестину немецких протестантских переселенцев из общины «Храмовое общество» (Tempelgesellschaft, «темплеры»), которые создали ряд земледельческих поселений в районах Яффы, Хайфы и Назарета. Из-за политического сближения с Германией и доброжелательных личных отношений между султаном Абдул-Хамидом II и кайзером Вильгельмом II османские власти не оказывали противодействия переселенческому движению немецких «темплеров». Иным было отношение султана и Высокой Порты к притоку еврейских переселенцев, начавшемуся в 1882 г. Османские власти стремились ограничить данный процесс, чтобы избежать в перспективе возникновения еще одного национального вопроса в своих владениях, способного привести к иностранному вмешательству. В 1882 г. османское правительство проинформировало иностранных подданных иудейского вероисповедания, желавших иммигрировать в османские владения, о том, что им не разрешается селиться в Палестине, а в других частях империи они могут селиться на постоянной основе только при условии отказа от иностранного подданства и принятия османского [21, Р. 313]. Позднее, в 1888 г., под давлением западноевропейских держав ограничения были смягчены: было объявлено, что они будут затрагивать только крупные группы еврейских переселенцев, но не коснутся тех, кто приезжает индивидуально.

В правление Абдул-Хамида II другим заметным миграционным процессом, охватившим сирийские вилайеты, стала эмиграция христиан (в основном из Горного Ливана и прибрежных районов Сирии и Ливана), принявшая к началу XX в. массовый характер. Данный процесс определялся, в первую очередь, экономическими причинами – заинтересованностью в относительно высоких заработках в странах Нового Света, куда и направлялась основная масса сиро-ливанских эмигрантов из Османской империи. Но многие эмигранты-марониты (составлявшие подавляющее большинство среди уезжающих) и христиане других конфессий опасались возобновления межконфессиональных столкновений с друзами, а также возможного призыва в османскую армию. Султанское правительство не препятствовало оттоку христианских подданных из своих владений, воспринимая уезжающих как потенциально беспокойный элемент.

Заключение

К началу XX столетия Сирия (*Билад аш-Шам*) представляла собой один из наиболее спокойных в политическом отношении и прочно связанных с имперским центром регионов Османской империи. Этому способствовал достаточно высокий уровень общественной безопасности и коммуникаций, развитие внешней торговли, рост образованности и постепенная интеграция местных элит (как мусульман, так и христиан) в османские государственные и социальные механизмы. Султан и его правительство демонстрировали терпимое отношение к немусульманским меньшинствам Сирии при условии их лояльности и возвышали тех чиновников из числа христиан, которые проявляли

способности и рвение на государственной службе. Примечательно, что сам султан и его сановники, подчеркивая исламский характер османского государства, использовали в качестве инструментов своей религиозной политики ряд заимствований из опыта, символики и риторики европейских держав. Например, широкое распространение приобрела демонстрация османского герба и исполнение османских гимнов, сочиненных в XIX в. при участии европейцев на османской службе. Весь комплекс утвержденных государственных практик и символов султан и его правительство стремились закрепить как незыблемую исламскую традицию, подчеркивающую священный характер османского правления. Положение Сирии в системе османских владений наглядно показывало, что процесс ослабления и территориальной дезинтеграции Османской империи в эпоху правления Абдул-Хамида II (1876–1908) не был линейным. Наряду с утратой большинства владений и политического влияния на Балканах, в азиатской части империи на протяжении XIX – начала XX вв. происходил параллельный процесс имперской консолидации. Во многом этому способствовало то обстоятельство, что арабоязычные мусульманские элиты сирийских вилайетов не только сохраняли свои земельные владения и высокий общественный статус, но и практически беспрепятственно инкорпорировались в османский государственный аппарат [22. P. 146–160]. Подавляющее большинство сирийских интеллектуалов воспринимали османское правление как полностью законное, и многие из них выступали в качестве апологетов религиозной политики Абдул-Хамида II [23. P. 7]. Османская Сирия при всем ее конфессиональном и этническом многообразии, уникальной истории и культуре давала пример относительно успешной модернизации с опорой на исламскую традицию, а развивающееся арабское национальное самосознание к началу XX в. не вступало в открытое противоречие с принципами османского подданства и исламского единства подданных султана-халифа.

Библиографический список

- [1] The Basic Law [Kanūn-ı Esāsī] of the Ottoman Empire of 23 December 1876 – Scientific English Translation // *Grote, Rainer; Röder, Tilmann J.* Constitutionalism in Islamic Countries: Between Upheaval and Continuity. New York: Oxford University Press, 2012. P. 341–359.
- [2] *Hobsbawm E., Ranger T.* The Invention of Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- [3] *Deringil Selim.* Legitimacy Structures in the Ottoman State: The Reign of Abdulhamid II (1876–1909) // *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 23, No. 3 (Aug., 1991). P. 345–359.
- [4] *Karpat Kemal H.* The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State. New York: Oxford University Press, 2001.
- [5] *Kark R.* Consequences of the Ottoman Land Law: Agrarian and Privatization Processes in Palestine, 1858–1918 // *Chand R., Nel E., Pelc S. (eds).* Societies, Social Inequalities and Marginalization. Perspectives on Geographical Marginality. Cham: Springer International Publishing, 2017. P. 101–120.
- [6] *Wasti S. Tanvir.* The Last Chroniclers of the Mabeyn // *Middle Eastern Studies*. Vol. 32, No. 2 (Apr., 1996), P. 1–29

- [7] *Abu-Mahheh B.* Sultan Abdulhamid II and Shaikh Abulhuda Al-Sayyadi // *Middle Eastern Studies*. 1979. Vol. 15. P. 131–153.
- [8] *Farah C.* Arab Supporters of Sultan Abdulhamid II: Izzet al-Abid // *Archivum Ottomanicum*. 15 (1997). P. 195–197.
- [9] *Haddad G.F.* The Righteous Life and Blessed Works of the Poet of the Holy Prophet, the Pious Erudite Imām al-Qādī Yūsuf al-Nabhānī(1265/1849–1350/1932). Available from: https://www.livingislam.org/ir/d/nbh_e.pdf [Accessed 15.06.2021].
- [10] *Weismann I.* Between Sufi Reformism and Modernist Rationalism: A Reappraisal of the Origins of the Salafiyya from the Damascene Angle // *Die Welt des Islams, New Ser.*, Vol. 41, Issue 2 (Jul., 2001). P. 206–237.
- [11] *Weismann I.* Taste of Modernity: Sufism, Salafiyya, and Arabism in Late Ottoman Damascus. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000.
- [12] *Commins D.D.* Islamic Reform. Politics and Social Change in Late Ottoman Syria. New York: Oxford University Press, 1990.
- [13] *Winter S.* A History of the Alawis: from medieval Aleppo to the Turkish republic. Princeton: Princeton University Press, 2016.
- [14] *Deringil S.* The Invention of Tradition as Public Image in the Late Ottoman Empire, 1808 to 1908 // *Comparative Studies in Society and History*, Vol. 35, No. 1 (Jan., 1993), P. 3–29.
- [15] *Issawi Ch.* The Fertile Crescent, 1800–1914. New York: Oxford University Press, 1988.
- [16] *Tibawi A.L.* A Modern History of Syria, including Lebanon and Palestine. New York: St Martin's Press, 1969.
- [17] *Makzume Erol.* Sultan II. Abdülhamid'in Hizmetinde Selim Melhame Paşa ve Ailesi. İstanbul: MD Basımevi, 2019.
- [18] АВПРИ, ф. 151 “Полиитархив”, опись 482, д.752. Дамаск, 1896 г., л.127.
- [19] *Jessup H.H.* Fifty-three years in Syria. Volume II. New York, 1910.
- [20] *Бадерхан Ф.* Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). М.: ИВ РАН, 2001.
- [21] *Mandel, Neville J.* Ottoman Policy and Restrictions on Jewish Settlement in Palestine: 1881–1908: Part I // *Middle Eastern Studies* 10 no. 3, 1974. P. 312–332.
- [22] *Roded Ruth.* Social Patterns Among the Urban Elite of Syria During the Late Ottoman Period (1876–1918) // *Palestine in the Late Ottoman Period Political, Social and Economic Transformation*. Ed. by David Kushner. Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi Press, 1986. P. 146–171.
- [23] *Masters Bruce.* The Arabs of the Ottoman Empire, 1516–1918. A Social and Cultural History. New York: Cambridge University Press, 2013.

References

- [1] The Basic Law [Kanūn-ı Esāsī] of the Ottoman Empire of 23 December 1876 – Scientific English Translation. In: Grote, Rainer; Röder, Tilmann J. *Constitutionalism in Islamic Countries: Between Upheaval and Continuity*. New York: Oxford University Press; 2012, p. 341–359.
- [2] Hobsbawm E., Ranger T. *The Invention of Tradition*. Cambridge: Cambridge University Press; 1983.
- [3] Deringil Selim. Legitimacy Structures in the Ottoman State: The Reign of Abdulhamid II (1876–1909). *International Journal of Middle East Studies*. 1991;(3):345–359.
- [4] Karpaz Kemal H. *The Politicization of Islam: Reconstructing Identity, State, Faith, and Community in the Late Ottoman State*. New York: Oxford University Press; 2001.
- [5] Kark R. Consequences of the Ottoman Land Law: Agrarian and Privatization Processes in Palestine, 1858–1918. In: Chand R., Nel E., Pelc S. (eds). *Societies, Social Inequalities and Marginalization. Perspectives on Geographical Marginality*. Cham: Springer International Publishing; 2017, p. 101–120.

- [6] Wasti S. Tanvir. The Last Chroniclers of the Mabeyn. *Middle Eastern Studies*. 1996;(2):1–29.
- [7] Abu-Mahheh B. Sultan Abdulhamid II and Shaikh Abulhuda Al-Sayyadi. *Middle Eastern Studies*. 1979;(15):131–153.
- [8] Farah C. Arab Supporters of Sultan Abdulhamid II: Izzet al-Abid. *Archivum Ottomanicum*. 1997;(15):195–197.
- [9] Haddad GF. The Righteous Life and Blessed Works of the Poet of the Holy Prophet, the Pious Erudite Imām al-Qādī Yūsuf al-Nabhānī (1265/1849–1350/1932). Available from: https://www.livingislam.org/ir/d/nbh_e.pdf [Accessed 15.06.2021].
- [10] Weismann I. Between Sufi Reformism and Modernist Rationalism: A Reappraisal of the Origins of the Salafīyya from the Damascene Angle. *Die Welt des Islams*. 2001;41(2):206–237.
- [11] Weismann I. *Taste of Modernity: Sufism, Salafīyya, and Arabism in Late Ottoman Damascus*. Leiden; Boston; Köln: Brill; 2000.
- [12] Commins DD. *Islamic Reform. Politics and Social Change in Late Ottoman Syria*. New York: Oxford University Press; 1990.
- [13] Winter S. *A History of the Alawis: from medieval Aleppo to the Turkish republic*. Princeton: Princeton University Press; 2016.
- [14] Deringil S. The Invention of Tradition as Public Image in the Late Ottoman Empire, 1808 to 1908. *Comparative Studies in Society and History*. 1993;35(1):3–29.
- [15] Issawi Ch. *The Fertile Crescent, 1800–1914*. New York: Oxford University Press; 1988.
- [16] Tibawi AL. *A Modern History of Syria, including Lebanon and Palestine*. New York: St Martin's Press; 1969.
- [17] Makzume Erol. *Sultan II. Abdülhamid'in Hizmetinde Selim Melhame Paşa ve Ailesi*. İstanbul: MD Basımevi; 2019.
- [18] Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Collection 151 “Political Archve”, aids 482, folder 752. Damascus; 1896, 127 p.
- [19] Jessup HH. *Fifty-three years in Syria*. Volume II. New York; 1910.
- [20] Baderhan F. *Severokavkazskaya diaspora v Turcii, Sirii i Iordanii (vtoraya polovina 19-go – pervaya polovina 20-go veka)*. [North Caucasian diaspora in Turkey, Syria and Jordan (second half of the 19th – first half of the 20th century)]. Moscow: Institut Vostokovedeniya RAN; 2001. (In Russ.)
- [21] Mandel Neville J. Ottoman Policy and Restrictions on Jewish Settlement in Palestine: 1881–1908: Part I. *Middle Eastern Studies*. 1974;10(3):312–332.
- [22] Roded Ruth. Social Patterns Among the Urban Elite of Syria During the Late Ottoman Period (1876–1918). In: *Palestine in the Late Ottoman Period Political, Social and Economic Transformation*. Ed. by David Kushner. Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi Press; 1986, p. 146–171.
- [23] Masters Bruce. *The Arabs of the Ottoman Empire, 1516–1918. A Social and Cultural History*. New York: Cambridge University Press; 2013.

Информация об авторе:

Жантеев Дмитрий Рустемович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, 125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1, e-mail: zdimitry@yandex.ru

Information about the author:

Zhantiev Dmitry Rustemovich – candidate of sciences (history), associate professor department of Middle and Near East History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, 11, building 1, ul. Mokhovaya, 125009, Moscow, Russian Federation, e-mail: zdimitry@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-363-373

Научная статья / Research article

Споры вокруг дозволенности курения табака среди улемского сообщества османской Сирии

Н.Р. Краюшкин

Институт востоковедения Российской академии наук,
107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, д. 12
kranr@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется история табакокурения в Великой Сирии XVII – середины XVIII столетий. Потребление тютюна, завезенного европейскими купцами в Османскую империю из Нового света, стало быстро распространяться среди различных групп общества, включая женщин и детей. Популярность новой привычки вызвала настороженное отношение со стороны османских богословов из турецкого движения кадизадели. В середине XVII в. им удалось добиться значительного влияния на двор султана и запретить на некоторое время курение табака в Османской империи. Однако после инициированной кадизаделитами неудачной военной кампании турок под Веной 1683 г. ханафитские «пуритане» ислама были изгнаны из столицы. На этот раз в качестве одного из главных оплотов движения они избрали Великую Сирию. В Дамаске вопрос о правомерности курения табака с точки зрения норм исламского права защищали суфии под предводительством сирийского мистика ‘Абд ал-Гани ан-Наблуси. В итоге споров кадизаделиты потеряли свое влияние в Сирии, что отчасти способствовало дальнейшему неприятию жителями региона другого движения «пуританского» характера в исламе, которое возглавил Мухаммад ибн ‘Абд ал-Ваххаб.

Ключевые слова: кадизадели, ‘Абд ал-Гани ан-Наблуси, Османская империя, Великая Сирия, табакокурение, улемский корпус

История статьи: Поступила в редакцию: 03.07.2021. Принята к публикации: 06.08.2021.

Для цитирования: Краюшкин Н.Р. Споры вокруг дозволенности курения табака среди улемского сообщества османской Сирии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 4. С. 363–373. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-363-373

© Краюшкин Н.Р., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Disputes over the permissibility of tobacco smoking among the ulama of Ottoman Syria

N.R. Krayushkin

Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences,
12/1 Rozhdestvenka street, Moscow, Russian Federation, 107031
kranr@mail.ru

Abstract. The article analyzes the history of tobacco smoking in Great Syria of the 17th – mid-18th centuries. The consumption of tobacco, brought to the Ottoman Empire by European merchants from the New World, began to spread rapidly among various groups of society, including women and children. The popularity of the new habit caused a wary attitude to it of the Ottoman theologians from the Turkish Kadizadeli movement. In the middle of the 17th century, they managed to achieve significant influence on the sultan’s court and banned tobacco smoking in the Ottoman Empire for a while. However, after the unsuccessful military campaign of the Turks initiated by the Kadizadeli near Vienna in 1683, the Hanafi “Puritans” of Islam were expelled from the capital. This time, they chose Greater Syria as one of the main strongholds of the movement. In Damascus, the question of the legality of tobacco smoking from the point of view of the norms of Islamic law was defended by Sufis under the leadership of the Syrian mystic ‘Abd al-Ghani al-Nablusi. As a result of the disputes, the Kadizadeli lost their influence in Syria, which partly contributed to the further rejection by the inhabitants of the region of another “Puritanical” movement in Islam, led by Muhammad ibn ‘Abd al-Wahhab.

Key words: kadizadeli, ‘Abd al-Ghani al-Nablusi, Ottoman Empire, Greater Syria, tobacco smoking, Syrian ulama

Article history: Received: 03.07.2021 Accepted: 06.08.2021.

For citation: Krayushkin NR. Disputes over the permissibility of tobacco smoking among the ulama of Ottoman Syria. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(4):363–373. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-363-373

15 сентября 1633 г. (12 *раби ‘-л-аввал* 1043 г. по мусульманскому лунному календарю) в стамбульских районах Галата и Пера (совр. Бейоглу) вспыхнул неистовый огонь, уничтоживший до пятой части города (до 20 тыс. домов) [1. Р. 290]. Это событие вызвало глубокое возмущение среди различных слоев населения. Пожары не были редкостью для жителей османской столицы, однако на этот раз ответственность за возгорание сильного пламени была возложена на курильщиков табака. Их вина якобы заключалась в том, что вместо того, чтобы встречать в мечетях один из главных мусульманских праздников, день рождения пророка Мухаммада (*мавлид*), они проводили время, пируя в кофейнях (*маках*). На следующий день молодой султан Мурат IV (ему был тогда 21 год) подписал указ (*фирман*) о полном запрещении в Османской империи практики потребления табака и о закрытии всех кофеен. За употребление табака курильщикам отрезали губы, а тем, кто пользовался нюхательными смесями (*са ‘ут*), отсекали носы [2. С. 13, 67]. Для злостных нарушителей этого эдикта предусматривалось наказание смертной казнью. Незадолго до этого кофе и табак несколько раз официально запрещали

султаны Мурат III (1574–1595 гг.) и Ахмет I (1603–1617 гг.), хотя их указы не соблюдались и были отменены еще при их жизни. Эдикт Мурата IV, напротив, действовал до самой его смерти. Этот факт может быть во многом объяснен антитабачными настроениями, вызванными пожаром, разыгравшимся во время масштабных религиозных празднований.

Как правило, в честь дня рождения пророка Мухаммада жители городов и сел Османской империи совершали паломничество в близлежащие крупные религиозные центры. Празднество сопровождалось ярмарками, которые посещали купцы, пилигримы, фигляры и бродячие рассказчики. Главными событиями народных гуляний становились совместная ночная молитва *'иша'*, которой руководили представители местной религиозной элиты (*'илмийе'*), а также процессии и представления, организовывавшиеся членами суфийских братств. Празднества оканчивались проведением радений (*сама'*) и чтением под музыку стихов в честь дня рождения Мухаммада (*мавлид ан-наби*). Автором одного из первых маулидов стал халватийский шейх Сулайман Челеби (ум. в 1421 г.), придворный имам османского султана Байазита I (1389–1402 гг.). Таким образом, с момента зарождения этого праздника в начале X в. [3. С. 340–341] и вплоть до его окончательного официального установления в 1588 г. османским султаном Муратом III помпезную церемонию всегда сопровождал скромный праздник простых людей, полный искреннего благочестия в сочетании с народным воодушевлением и восторгом [4. С. 169]. Сильный пожар, разгоревшийся в Стамбуле в день торжеств из-за, как считалось, злоупотребления табаком, взбудоражил умонастроения жителей османской столицы.

Появление табака на Ближнем Востоке

Опираясь на трактат своего учителя – шафиитского муфтия Дамаска Наджм ад-Дина ал-Газзи (ум. в 1651 г.), сирийский богослов 'Абд ал-Гани ан-Наблуси (1641–1731) писал о том, что табак попал в мусульманский мир в конце X в. по хиджре (1590-е гг.), когда «англичане» (*инклиз*) впервые завезли его в страны Магриба. Из того же источника следует, что в Сирии тютюн появился позднее – в 1015 г. (1606/07 г.), а затем к 1020 г. (1611/12 г.) он получил распространение в Египте [2. С. 33; 5. С. 26]. Несмотря на эти свидетельства, точная датировка появления табака на той или иной территории арабского мира затруднительна. Согласно последним археологическим данным, табакокурение распространилось в Османской империи по двум основным путям: из Европы и из Западной Африки. В частности, вывод об африканском происхождении может быть сделан на основе сходства между курительными трубками двух регионов [6. Р. 149–151].

Тютюн, завезенный европейскими купцами в Османскую империю из Нового света, получил широкое распространение на Ближнем Востоке. Вследствие относительно быстрого роста потребительского спроса на табак в османском обществе наладилось производство собственных курительных смесей, особенно на черноморском побережье Малой Азии и вокруг Латакии

в Сирии. Серьезную конкуренцию турецкому тютюну создавал персидский табак, покупкой и перепродажей которых занималась отдельная группа мусульманских купцов – *тютюнджи*. Одним из центров их предпринимательской деятельности был построенный в Дамаске караван-сарай «Хан ат-тютюн», бесперебойно снабжавший табаком жителей Великой Сирии.

Популярность тютюна среди различных слоев населения объяснялась, прежде всего, дешевизной курительных смесей. Так, на всем протяжении XVIII века в Сирии цена за один *ратл* (1,85 кг) [7. С. 36] табака не поднималась выше 1,5 пиастра, тогда как за порцию кофе такого же веса платили от 3 до 6,5 пиастров [8. Р. 138–139, 151]. По воспоминаниям турецкого путешественника Эвлия Челеби (ум. ок. 1682 г.), один *ратл* тютюна можно было обменять в 1670-е годы на пути сирийского и египетского караванов паломников на 4–5 бурдюков питьевой воды [9. Р. 351]. За самую простую курительную трубку из обожженной глины или из плотных пород древесины необходимо было заплатить небольшую сумму в 1–2 пиастра. Вместе с тем различные типы кальянов (*хука*, *наргиле*, *шише*) могли позволить себе только представители наиболее обеспеченных слоев османского общества. Рядовые жители Великой Сирии предпочитали ходить в кофейни для того, чтобы воспользоваться более сложными приборами для курения табачных смесей с добавлением сладких сиропов или опиума. В отличие от Европы XVII–XVIII вв. нюхательный или жевательный табак (*снафф*) получил значительно меньшее распространение на Ближнем Востоке.

Исходя из доступных данных, оценить общее количество курильщиков в рассматриваемое время практически невозможно. Тем не менее анализ воспоминаний османских авторов и их европейских современников позволяет получить общее впечатление о широкой распространенности этой привычки среди различных групп населения. В частности, для описания уровня развития культуры табакокурения в Османской империи ‘Абд ал-Гани ан-Наблуси отмечал в 1682 г.: «Тютюн стал чрезвычайно известным во всех уголках мира ислама ... Люди самого разного происхождения употребляют табак на рынках и дома: те, которые известны своим благочестием (т. е. суфии); муфтии, судьи, учителя и студенты; военачальники, имамы, проповедники, муэдзины, наместники городов и, наконец, простые люди (*амма*), солдаты и рабы ... Однажды я видел даже курящих на улице пятилетних детей» [2. С. 32].

В 1749 г. современник ан-Наблуси цирюльник Ахмад ал-Будайри отмечал, что к середине XVIII в. «курение стало одним из самых страшных бедствий в Дамаске» [10. С. 140]. «Мужчины, женщины и даже девочки не раз пробовали тютюн», – ужасался он. Более того, однажды во время прогулки у речушки Барада ал-Будайри заметил группу женщин, которые «так же, как и мужчины», ели, пили кофе и курили трубки на людях. Употребление табака в публичных местах ставило под сомнение многие общепринятые нормы морали и основу социальных отношений, базировавшихся на традиционных ценностях исламской религии. По словам современного американского исследователя Джеймса Грехема, появление табака и кофе произвело настоящий переворот в повседневной жизни Османской империи, особенно в

области получения удовольствия [8. Р. 154–155]. Местным властям и мусульманскому ученому сообществу нужно было теперь найти новые подходы к определению дозволенных с точки зрения норм исламского религиозного закона способов проведения досуга.

Споры вокруг дозволенности курения

Сразу после появления тютюн был запрещен в различных частях мусульманского мира. На первых порах в качестве особо непримиримых противников табакокурения выступил ряд маликитских и ханафитских законовевдов. В Хиджазе ханафитские ученые Мекки и Медины несколько раз подписывали фетвы о запрете курения в ответ на проповеди йеменского суфия Ибн ас-Сакафа (ум. в 1635 г.) [11. С. 136]. Кроме того, еще в первой четверти XVII в. маликитский муфтий Каира Ибрахим ал-Лакани (ум. в 1631 г.) подписал *фетву* о запрете употребления табака. С каирским ученым не согласились многие шафииты, в том числе муфтий Каира ‘Али ал-Халаби аш-Шафи‘и (ум. в 1635 г.), а также суфийские подвижники Магриба. Малийский «святой» (*вали*) Ахмад Баба ал-Малики вступил в полемику с каирским муфтием, а после того, как тот перестал отвечать на его письма, проклял египетского законоведа [12. С. 429].

В отличие от Магриба, Египта и Хиджаза обострение борьбы за «чистоту нравов» в османской Сирии было связано главным образом с деятельностью мусульманских богословов из стамбульского движения кадизадели (*тур. Kadizadeliler*), названных так позднее в честь одного из их самых активных лидеров – османского проповедника Кадизаде («Сына кади») Мехмета-эфенди (ум. в 1635 г.). Представители этого течения считали курение непозволительным «нововведением» (*бид‘а*), которое должно было подлежать немедленному запрету. Вступив в полемику с главными защитниками табака – суфиями, кадизаделиты в качестве основного аргумента приводили слова пророка Мухаммада. В частности, они вспоминали хадис, в котором утверждалось, что благочестивый мусульманин не должен ничего выпивать разом, «как верблюд», но разделять питье на два или три приема (ат-Тирмизи, 1885) (1). В свою очередь, в трактате «Путь Мухаммада» («ат-Тарика ал-мухаммадийя») одного из идейных вдохновителей кадизаделитского движения ханафитского имама Биргиви (ум. в 1573 г.) отмечалось, что Пророк призывал не дуть на напиток, как это делают язычники, и принимать пищу дома, чтобы не искушать полуголодных нищих на улице [13. Р. 302]. По мнению имама Биргиви, любое «нововведение» следовало признать пагубными, если оно не согласовывалось с утвержденными в Коране и сунне моральными принципами, а также не было единогласно принято мусульманскими богословами (*иджма‘*) [13. Р. 73–74]. Современный американский исследователь Майкл Кук, давая оценку спорам вокруг курения табака, утверждал, что свои взгляды по отношению к неблагочестивым верующим Мехмет-эфенди высказывал «ревностно, почти фанатично .., в противоположность господствующей в ханафитском мазхабе атмосфере согласия» [14. Р. 324–325]. Схожей позиции

придерживался и историк М.Д. Баер, отметивший что до Биргиви «запрещение предосудительного» и принуждение придерживаться определенных правил не было характерно для османского ханафизма [15. Р. 65] (2).

Радикально настроенные против курения табака кадизаделиты добились высокого положения при дворе молодого султана Мурата IV (1623–1640 гг.) и вскоре склонили его к принятию указа (*фирмана*) о закрытии кофеен, а также некоторых суфийских братств в центральных провинциях империи. За публичное употребление тютюна теперь полагалась смертная казнь. При этом, согласно воспоминаниям османского историка Катиб-челеби (ум. в 1657 г.), курение в стенах собственного дома считалось позволительным [16. Р. 52]. Тем не менее после смерти Мурата IV *шейх-уль-ислам* Баха'и-эфенди (1649–1651, 1652–1654 гг.) отменил указ, после чего местные власти ввели высокую пошлину на продажу табака в Стамбуле. Налог в 20 пиастров за *окку* (1,28 кг) [7. С. 33] тютюна позволял пополнить казну на 100 млн акче в год. Такая политика привела к существенному росту цен на табачные изделия в центральных провинциях, что, однако, не смогло помочь снизить спрос на тютюн. Популярность табакокурения достигла таких масштабов, что деятельность представителей движения кадизадели в Стамбуле, направленная на запрет табака и кофе, уже не могла увенчаться успехом. Последним ударом по их популярности стала инициированная кадизаделитами неудачная военная кампания под Веной, после которой в 1683 г. ханафитские «пуритане» ислама были изгнаны из столицы.

Борьба с кадизаделитами в Сирии

Несмотря на поражение движения кадизаделитов в Стамбуле, развитая система интеллектуального и культурного обмена в среде мусульманских богословов позволила идеям Кадизаде достаточно быстро распространиться по исламскому миру. Теперь одним из оплотов турецких «пуритан» ислама стала Великая Сирия, где под влиянием ригористических представлений употребление табака попадало под запрет в 1699 и 1749 гг. Кадизаделиты долгое время занимали ряд важных постов в Дамаске. К примеру, ярый противник табакокурения будущий *шейх-уль-ислам* 'Ата Алла-эфенди в 1690-е годы несколько раз становился главным судьей (*кади ал-кудат*) сирийской столицы, подчиняясь только наместнику (*вали*) провинции. Взгляды 'Ата Алла-эфенди нашли острое неприятие у 'Абд ал-Гани ан-Наблуси. Дамасский суфий посвятил критике деятельности главного судьи Дамаска отдельный трактат, получивший грозное название «Прочно вошедшее острие в выю кади 'Ата Алла» («ас-Сайф ал-мади фи 'унк 'Ата Алла ал-кади»). Эта полемика стоила ан-Наблуси в 1713 г. увольнения из дамасской школы ас-Салимийя. По-видимому, в том числе для того, чтобы уберечься от деятельности османского судьи, ан-Наблуси совершил незадолго до этого четыре путешествия по Великой Сирии, Египту и Хиджазу, во время которых он стремился распространить среди местного населения истинное, по его мнению, понимание ислама.

Анализ трактатов ‘Абд ал-Гани, содержащих описание его странствий, позволяет заключить, что, хотя проблема допустимости с точки зрения норм мусульманского закона употребления табака и кофе обсуждалась всего в 1–2% от общего количества бесед, этот вопрос продолжал будоражить умы разных слоев населения. Так, в 1693 г. в Сайде в беседе с османским делопроизводителем (*катиб*) Лутфи-челеби ан-Наблуси обсуждал стихи богослова Камал-эфенди, который считал курение недозволительным «новшеством», призванным «завлечь всех мусульман в адское пекло» [12. С. 94]. Основываясь на том, что эту практику распространили «неверные» (*куффар*), он настаивал на запрете курения. Несмотря на то, что в трактатах ‘Абд ал-Гани не осталось указаний на то, какую позицию по данному вопросу занимал его собеседник, очевидно, что тема имела принципиальное значение для Лутфи-челеби, так как этот вопрос был единственным предметом их разговора.

Дамасский суфий обсуждал и другие стихи турецких противников табакокурения, в которых утверждалось, что курильщики – это невежественные «еретики» (*занадик*), подобно суфиям считавшие, будто в табаке «скрыта божественная тайна» [12. С. 105]. В частности, эта тема поднималась в Наблусе с саййидом Хасаном [17. С. 235] и в Иерусалиме с неким маликитским богословом Мусой из Магриба [12. С. 104–105]. Последний был слушателем (*муджавир*) в иерусалимской школе ал-мадраса ал-кадирийя и, скорее всего, принадлежал к этому суфийскому братству [17. С. 207; 18. С. 936].

Отдельно стоит отметить, что ан-Наблуси стремился найти точки соприкосновения в спорах с турецкими богословами. Так, в трактате 1682 г., посвященном проблеме курения, он делал акцент на том, что тоже стремится «сохранить чистоту религиозного закона» (*мухафаза ‘ала ахкам аш-шари‘а ал-мутаххира*) [2. С. 5]. Кроме того, дамасский богослов отмечал, что его позиция в полемике не продиктована каким-либо личным пристрастием к табаку. Суфий впервые попробовал тютюн, лишь посетив известный своим табаком сирийский городок Джабла в возрасте пятидесяти двух лет (1693 г.) [2. С. 48; 12. С. 58–59].

С точки зрения ‘Абд ал-Гани, курение следовало считать *мубах* – дозволенным действием, которое напрямую не разрешается, но и не запрещается мусульманским законом. Богослов аргументировал свою позицию важностью намерения в любом поступке человека, что подкреплял хадисом «иннама ал-‘амал би-н-нийат» («воистину, нет действия без намерения») (Муслим, 1907). Дамасский суфий даже провел несколько лекций, посвященных этим словам пророка Мухаммада, в Иерусалиме и Рамле в присутствии представителей разных слоев османского общества (*мин ал-хасс ва-л-‘амм*) [12. С. 132–133, 142].

Ан-Наблуси не оставил без ответа и заявления представителей движения кадизадели о неизбежном вреде табака для здоровья и рассудка человека. Согласно сирийскому богослову, подобные упреки были не чем иным, как проявлением «фанатизма» (*та‘ассуб*). Суфий приводил длинный список болезней, при которых курение могло иметь терапевтический эффект. В частности, тютюн использовался как анальгетик, а также для снятия заложенности носа и ушей [2. С. 51–52]. Употребление табака в медицинских

целях действительно не было редкостью во времена ‘Абд ал-Гани. Так, ханбалитский ученый Хасан ат-Таббах (ум. в 1728 г.) из Алеппо, изначально рьяный критик курения, которого возмущало употребление студентами табака на занятиях, изменил точку зрения после того, как врач прописал ему тютюн в качестве болеутоляющего [19. С. 32].

Этот аргумент ан-Наблуси использовал и во время обсуждения вопроса с главным ага (*ага ал-кабби*) Триполи Мустафа-агой. Кроме того, дамаский суфий привел в пример *фетву* авторитетного каирского богослова ‘Али ал-Халаби аш-Шафи‘и (ум. в 1635 г.). Согласно аш-Шафи‘и, «дозволенное (*халал*) не запрещают .., потому как запрещенное (*харам*) подтверждается тем вредом, которое оно причиняет телу (*бадан*) и разуму (‘*акл*) каждого человека [без исключения]» [20. С. 79]. По этой причине каирский богослов приходил к выводу о том, что у мусульманских ученых не было достаточных оснований для запрета табакокурения [20. С. 79–81].

Заключение

Таким образом, осуждая курение, наиболее настойчивые противники этой практики связывали пагубное влияние табака с деятельностью христианских торговцев. Если кофе тоже считалось недозволенным «нововведением», то, по их мнению, оно хотя бы зародилось в мире ислама, в то время как табак попал в Османскую империю из других стран. Среди такого рода критиков особенно выделялся муфтий ал-Лакани, который считал распространение табакокурения результатом некоего христианского заговора против ислама. Он предостерегал верующих, что европейские купцы могли даже вымачивать листья табака в свином жире или вине, чтобы заставить мусульман невольно нарушить религиозные запреты.

Тем не менее чисто религиозный фактор был не единственным предметом беспокойства богословов и местных властей. Времяпрепровождение за курением и распитием кофе осуждалось еще и из страха перед расшатыванием общественных устоев и, как следствие, нестабильности в социуме. В кофейнях часто собирались и вели беседы не только мусульманские ученые, судьи и учителя, но также и османские янычары, что до определенной степени размывало иерархические границы между различными группами населения. Особое возмущение даже у немусульманских богословов вызывало то, что в общественных местах наравне с мужчинами стали курить и пить кофе женщины. Так на просторах Великой Сирии и других областей Османской империи еще до начала европейского колониального проникновения происходила постепенное обновление повседневной жизни региона, базировавшееся преимущественно на принципах мусульманской религии.

Вместе с тем у табакокурения были и свои сторонники, в особенности среди суфиев. ‘Абд ал-Гани ан-Наблуси отвергал аргументацию турецких противников тютюна, ссылавшихся на то, что он завозился из «неверной» Европы». Согласно дамаскому богослову, объявлять обычай предосудительным было нельзя, если они прямо не шли вразрез с религиозными нормами

[2. С. 85]. Дамасский мистик подчеркивал, что на протяжении истории многие подобные новшества не запрещались. Так, употребление в быту различных растений (таких как ладан и др.) суфий считал *мубах* – дозволенным действием [2. С. 135]. Интересно отметить, что, при всей полемике вокруг табака применение изменяющих состояние сознания наркотических веществ, таких как гашиш или опиум, не вызывало возмущения у османских авторов XVII в. Такое отношение, вероятно, было связано с долгой историей употребления опиатов на Ближнем Востоке. ‘Абд ал-Гани, в свою очередь, считал позволительным использование такого рода препаратов для утоления сильной боли [8. Р. 153] или в случае, когда резкая отмена могла нести угрозу для жизни человека [2. С. 39]. Отвечая на критику кадизаделитов, считавших табак опасным для здоровья, дамасский суфий приводил обширный список примеров медикаментозного применения тютюна и обвинял в «фанатизме» (*та ‘ассуб*) тех, кто закрывал глаза на потенциальную пользу вещества.

Привычка к применению табака так сильно укоренилась в обществе, что сыграла не последнюю роль в борьбе за влияние между различными религиозными движениями. Так, радикальное неприятие кадизаделитами табакокурения стало одним из основных факторов, обусловивших потерю их влияния в Сирии в первой половине XVIII в. Более того, история до определенной степени повторилась и чуть позже, когда ваххабиты также не смогли утвердиться на этой территории. Мухаммад ибн ‘Абд ал-Ваххаб (ум. в 1791 г.), связанный по линии ученической преемственности с кадизаделитами, был таким же рьяным противником употребления кофе и табака, что тоже вызвало отторжение местного населения.

Примечания

- (1) Напомним, что в эту эпоху считалось, что табак пьют, а не курят.
- (2) Тем не менее критика суфизма в ханафитской ученой среде велась и ранее. Среди самых авторитетных авторов, оспаривавших дозволенность суфийских представлений, были Молла Араб Мехмет (ум. в 1531 г.), Хафиз ад-Дин ал-Курдари ал-Баззази (ум. в 1424 г.) и ал-Паздави (ум. в 1089 г.) [1. Р. 269–278].

Библиографический список

- [1] *Curry J.* The Transformation of Muslim Mystical Thought in the Ottoman Empire: The Rise of the Halveti Order, 1350–1650. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2010.
- [2] *Ан-Наблуси ‘Абд ал-Гани.* Ас-Сулх байн ал-ихван фи хукм ибахат ад-духан [Примирение между братьями в вопросе дозволенности курения табака]. Дамаск: Ни-нава ли-д-дираса ва-н-нашр, 2015.
- [3] *Мец А.* Мусульманский Ренессанс. М.: ВиМ, 1996.
- [4] *Тримингэм Дж.С.* Суфийские ордены в исламе. М.: Наука, 1989.
- [5] *Ан-Наблуси ‘Абд ал-Гани.* Хуллат аз-захаб ал-ибриз фи рихлат Ба‘лабакк ва-ль-Бика‘ ал-‘азиз [Золотые одеяния о путешествии в Баальбек и священную долину Бекаа] [рукопись на арабском языке]. Режим доступа: <https://www.alukah.net/library/0/125052/> (дата обращения: 05.12.19).
- [6] *Baram Uzi.* Entangled Objects from the Palestinian Past: Archaeological Perspectives for the Ottoman Period, 1500–1900 // A Historical Archaeology of the Ottoman

- Empire: Breaking New Ground. New York: Kluwer Academic Publishers, 2002. P. 137–160.
- [7] *Хинц В.* Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М.: Наука, 1970.
- [8] *Grehan J.* Everyday Life and Consumer Culture in 18th Century Damascus. Seattle: University of Washington Press, 2007.
- [9] An Ottoman Traveller: Selections from the Book of Travels of Evliya Çelebi. Transl. and comment. by Robert Dankoff and Sooyong Kim. London: Eland, 2011.
- [10] *Ал-Будайри Ахмад.* Хавадис Димашк ал-йавмийа [Ежедневные события Дамаска]. Каир, 1959.
- [11] *Ал-Мухибби Мухаммад Амин.* Хуласат ал-асар фи а'йан ал-карн ал-хади 'ашар [Жизнеописание благородных лиц одиннадцатого века по мусульманскому летоисчислению]. Т. 1. Бейрут: Дар ал-кутуб ал-'илмийа, 2006.
- [12] *Ан-Наблуси 'Абд ал-Гани.* Ал-Хакика вал-л-маджаз фи-р-рихла ила билад аш-Шам ва Миср вал-л-Хиджаз [Достоверное и образное описание путешествия по Великой Сирии, Египту и Хиджазу]. Ал-Кахира: Марказ Таусик ат-турас, ал-Хайа ал-мисрийа ал-'амма ли-л-китаб, 1986.
- [13] *Birgivi Imam.* The Path of Muhammad (al-Tariqah al-Muhammadiyah): A Book on Islamic Morals and Ethics. Bloomington: World Wisdom, 2005.
- [14] *Cook M.* Commanding Right and Forbidding Wrong in Islamic Thought. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- [15] *Baer M.D.* Honored by the Glory of Islam: Conversion and Conquest in Ottoman Europe. Oxford: Oxford University Press, 2008.
- [16] *Çelebi Kâtip, Hacı Halife.* The Balance of Truth. Trans. Geoffrey L. Lewis. London: George Allen and Unwin, 1957.
- [17] *Ан-Наблуси 'Абд ал-Гани.* Ал-Хадра ал-унсийа фи-р-рихла ал-кудсийа [Дружеское сообщение о Иерусалимском путешествии]. Бейрут: ал-Масадер, 1990.
- [18] *Каххала 'Умар Руда.* Му'джем ал-му'алифин: тараджим мусаннифи ал-кутуб ал-'арабийа [Биографический словарь арабских авторов]. Бейрут: Му'ассасат ар-рисала, 1993.
- [19] *Ал-Муради Халил.* Силк ад-дурар фи а'йан ал-карн ас-сани 'ашар [Жемчужный путь знатных лиц двенадцатого века]. Т. 2. Булак: ал-Матба'а ал-мисрийа ал-'амира би-Булак, 1884.
- [20] *Ан-Наблуси 'Абд ал-Гани.* Ат-Тухфа ан-наблусийа фи-р-рихла ат-тарабулусийа [Наблусский подарок о триполлийском путешествии]. Бейрут: Мактабат ас-сакафа ад-динийа, б/г.

References

- [1] Curry J. *The Transformation of Muslim Mystical Thought in the Ottoman Empire: The Rise of the Halveti Order, 1350–1650.* Edinburgh: Edinburgh University Press; 2010.
- [2] Al-Nablusi 'Abd al-Ghani. *Al-Sulh bayn al-ihwan fi hukm ibahat al-duhan* [Reconciliation between brothers on the issue of the permissibility of tobacco smoking]. Damascus: Ninawa li-l-dirasa wa-l-nashr; 2015. (In Arab.).
- [3] Mez A. *Musulmanskii Renessans* [The Muslim Renaissance]. Moscow: ViM; 1996. (In Russ.).
- [4] Trimmingham JS. *Sufiiskie ordeni v islame* [The Sufi Orders in Islam]. Moscow: Nauka; 1989. (In Russ.).
- [5] Al-Nablusi 'Abd al-Ghani. *Hullat al-zahab al-ibriz fi rihlat Ba 'labakk va-l'-Bika' al-'aziz* [Golden robes of a trip to Baalbek and the sacred Bekaa Valley] (manuscript). Available from: <https://www.alukah.net/library/0/125052/> [Accessed 05.12.2019]. (In Arab.).

- [6] Baram Uzi. Entangled Objects from the Palestinian Past: Archaeological Perspectives for the Ottoman Period, 1500–1900. *A Historical Archaeology of the Ottoman Empire: Breaking New Ground*. New York: Kluwer Academic Publishers; 2002, p. 137–160.
- [7] Hinz W. *Musulmanskie mery i vesa s perevodom v metriceskuyu sistemu* [Muslim measures and weights with translation into the metric system]. Moscow: Nauka; 1970. (In Russ.).
- [8] Grehan J. *Everyday Life and Consumer Culture in 18th Century Damascus*. Seattle: University of Washington Press; 2007.
- [9] *An Ottoman Traveller: Selections from the Book of Travels of Evliya Çelebi*. Transl. and comment. by Robert Dankoff and Sooyong Kim. London: Eland; 2011.
- [10] Al-Budairi Ahmad. *Hawadith Dimashk al-iawmiia* [Daily events of Damascus]. Kair; 1959. (In Arab.).
- [11] Al-Muhibbi Muhammad Amin. *Hulasat al-athar fi a'jan al-karn al-hadi 'ashar* [Biographies of noble persons of the 11th century according to the Muslim chronology]. Vol. 1. Beirut: Dar al-qutub al-'ilmiyya; 2006. (In Arab.).
- [12] Al-Nablusi 'Abd al-Ghani. *Al-Haqiqa va-l-madhaz fi-l-rihla ila bilad al-Sham va Misr va-l-Hidhaz* [A reliable and imaginative description of a journey through Great Syria, Egypt and the Hejaz]. Cairo: Markaz Tausik al-turas, al-Haja al-misriiia al-'amma li-l-kitab; 1986. (In Arab.).
- [13] Birgivi Imam. *The Path of Muhammad (al-Tariqah al-Muhammadiyah): A Book on Islamic Morals and Ethics*. Bloomington: World Wisdom; 2005.
- [14] Cook M. *Commanding Right and Forbidding Wrong in Islamic Thought*. Cambridge: Cambridge University Press; 2004.
- [15] Baer MD. *Honored by the Glory of Islam: Conversion and Conquest in Ottoman Europe*. Oxford: Oxford University Press; 2008.
- [16] Çelebi Kâtip, Hacı Halife. *The Balance of Truth*. Trans. Geoffrey L. Lewis. London: George Allen and Unwin; 1957.
- [17] Al-Nablusi 'Abd al-Ghani. *Al-Hadra al-unsiiia fi-l-rihla al-kudsiia* [A friendly message about the Jerusalem trip]. Beirut: al-Masader; 1990. (In Arab.).
- [18] Kahhala 'Umar Rida. *Mu'dzham al-mu'allifin: taradhim musannifi al-kutub al-'arabiia* [Biographical dictionary of Arabic authors]. Beirut: Mu'assasat al-risala; 1993. (In Arab.).
- [19] Al-Muradi Halil. *Silk ad-durar fi a'jan al-karn as-sani 'ashar* [The Pearl Way of the nobles of the 12th century]. Vol. 2. Bulak: al-Matba'a al-misriia al-'amira bi-Bulak; 1884. (In Arab.).
- [20] Al-Nablusi 'Abd al-Ghani. *Al-Tuhfa al-nablusiia fi-l-rihla al-tarabulusiia* [The Nablus Gift of the trip to Tripoli]. Beirut: Maktabat al-thaqafa al-diniia, n/y. (In Arab.).

Информация об авторе:

Краюшкин Никита Романович – канд. истор. наук, научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения Российской академии наук, г. Москва, e-mail: kranr@mail.ru

Information about the author:

Krayushkin Nikita Romanovich – PhD in History, Research Fellow, Center for Arabic and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, e-mail: kranr@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-374-383

Научная статья / Research article

Положение сирийских христиан в контексте событий «арабской весны»

С.Л. Медведко

Российский государственный гуманитарный университет,
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
smedvedko@mail.ru

Аннотация. На основе информации, опубликованной в иностранных и российских источниках, в СМИ, а главное – благодаря собранным материалам, полученным в результате проведенных собственных изысканий, интервью и исследований в Сирийской Арабской Республике (САР), автор рассматривает положение сирийских христиан в свете происшедших там с 2011 года событий «арабской весны». В этом заключается научная новизна темы. Работа посвящена тем проблемам, которые не просто коснулись, но самым драматическим образом повлияли на жизнь христиан Сирии, а они традиционно составляли не менее десяти процентов населения страны (а в прошлом – значительно больше) и являются, можно сказать, представителями «самой коренной» религии в Сирийской Арабской Республике – христианства. В статье прослеживается также роль представителей этой конфессии в истории и общественно-политической жизни Сирии, анализируется современная ситуация, в которой оказалось сегодня христианское население данной арабской страны, дается анализ событий последних лет и соответствующие выводы. В частности, автор считает, что «арабская весна» привела не только к колоссальным человеческим и экономическим потерям, но и к серьезным этноконфессиональным структурным изменениям в обществе САР. С уходом этой исконно сирийской части населения, проживавшей здесь задолго до прихода в 7 веке ислама и представлявшей в те времена почти всех жителей того края, республика может лишиться не только 12 процентов самой образованной и активной части своего населения, но и потерять в глазах всего мира туристическую привлекательность как страны – колыбели христианства и утратить репутацию одного из самых толерантных государств арабского мира.

Ключевые слова: Сирия, христиане, экстремизм, арабская весна, Башар Асад

История статьи: Поступила в редакцию: 28.05.2021. Принята к публикации: 05.08.2021.

Для цитирования: Медведко С.Л. Положение сирийских христиан в контексте событий «арабской весны» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 4. С. 374–383. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-374-383

© Медведко С.Л., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

The situation of Syrian Christians in the context of the Arab Spring events

S.L. Medvedko

Russian State University for the Humanities,
125993, Moscow, Miusskaya ploschad, 6
smedvedko@mail.ru

Abstract. The article is based on the information published in foreign and Russian sources and media, as well as on the basis of the author's own research and interviews carried out in Syria. The aim of the work is to study the situation of Syrian Christians after the events of the Arab Spring-2011. This is the scientific novelty of the topic. The article is devoted to the problems that not only touched, but most dramatically affected the life of Christians in Syria, who traditionally presented at least 12% of its population (and much more in the past). They are representatives of the "most indigenous" religion in the Syrian Arab Republic (SAR). The work also traces the role of Christians in the history and socio-political life of Syria, analyzes their current situation, evaluates the events of recent years and draws appropriate conclusions. In particular, the author believes that the Arab Spring led not only to huge human and economic losses, but also to serious ethno-confessional structural changes in the society of the SAR. With the possible disappearance of this native part of the Syrian population, who lived here and represented almost all the inhabitants of that region before the Islam, the republic may lose not only 12 percent of the most educated and active part of its population, but also its tourist attractiveness in the eyes of the whole world. Although Syria has always been considered the cradle of Christianity it could lose its reputation as one of the most tolerant countries of the Arab world.

Keywords: Syria, Christians, extremism, the Arab Spring, Bashar al-Assad

Article history: Received: 28.05.2021. Accepted: 05.08.2021.

For citation: Medvedko SL. The situation of Syrian Christians in the context of the Arab Spring events. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(4):374–383. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-374-383

Введение

Нынешнее положение христианского населения после начала в Сирии так называемой «арабской весны» вызывает обоснованную тревогу не только в этой арабской стране, но и во всем цивилизованном мире. Именно поэтому и была выбрана эта тема. К сожалению, пока не существует достаточно публикаций, посвященных данному вопросу. По этой причине в качестве источников были использованы немногочисленные статьи иностранных авторов и информация в основном из российских и иностранных СМИ и интернет-ресурсов, а также собственные материалы автора, полученные им в результате поездки в Сирию и общения с гражданами этой страны.

Цель исследования – изучение тех процессов и изменений, которые были вызваны событиями «арабской весны» и затронули жизнь христианского населения Сирии.

Феномен сирийской истории

Сирийская земля – родина трех мировых монотеистических религий. Кроме того, она подарила человечеству первый в мире алфавит. Глиняная табличка с буквами из финикийского города Угарит сегодня – достояние Национального музея Дамаска. В Сирии сохранились памятники-шедевры почти всех мировых цивилизаций: ассирийской, вавилонской, финикийской, эллинистической, персидской, древнеримской, византийской, арабо-исламской, европейской времен крестовых походов... Недаром, знаменитый французский археолог Андрэ Парро, проработавший многие года в Сирии и ставший затем директором Лувра, писал: «У каждого цивилизованного человека есть две родины. Одна – где он родился, другая – Сирия» [1].

Что же говорить о нас – русских, в большинстве своем православных? Все знают, что Русь в 988 году приняла крещение при князе Владимире. А кто был первым митрополитом или архиепископом Руси – знают не все. А им стал святитель Михаил Сирий. Имя говорит само за себя – родом этот византийский монах был из Сирии.

До начала так называемой «Арабской весны» каждый восьмой гражданин Сирии был приверженцем христианской веры, причем большей частью ортодоксальной, то есть православной. А до прихода сюда в 7 веке арабов-мусульман практически все население Сирии и Палестины составляли христиане. Дамаск, как и Иерусалим, – колыбель христианства. Отсюда началось распространение христианства по миру – благодаря апостолу Павлу, который прозрел и крестился в Дамаске от старца Анания. Сирия буквально пропитана библейскими сюжетами. Не зря же Дамаск 23 раза упомянут в Библии [2].

Христиане в истории Сирии

Христиане всегда играли особую роль в сирийском обществе на протяжении двух тысяч лет, то есть со времени появления христианства. Не зря в этой стране десятки монастырей и храмов, относящихся к первым векам нашей эры. Еще с византийских времен приверженцы этой новой тогда религии были активны в духовной, политической, экономической, культурной жизни этого края.

Среди сирийских выдающихся деятелей христианской мысли можно назвать святителя Иоанна Златоуста, который в Антиохии и в сирийской пустыне написал свои богословские произведения. Не менее известны и такие деятели, как св. Симеон Столпник, Ефрем и Исаак Сирий, Дорофей Газский, Иоанн Мосх. Еще в эпоху Омейядского халифата был широко известен богослов, философ и поэт Иоанн Дамаскин. Он стал приближенным лицом халифа Язида. Однако затем Иоанн подался в один из иерусалимских монастырей, где и провел последние 30 лет жизни, написав философские и богословские работы, обессмертившие его имя. В своих трудах Иоанн Дамаскин выступал против несторианской ереси и иконоборчества [3]. Православная церковь причислила Иоанна Дамаскина к лику святых. А поэт и писатель Алексей

Толстой посвятил ему поэму, которую назвал по имени ее героя: «Иоанн Дамаскин».

Сирия подарила христианству таких великих подвижников, как Иоанн Златоуст, Ориген, Иероним, Роман Сладкопеев, Евсевий и Прокопий Кесарийский. Именно на сирийской земле совершалось слияние античного наследия и новой христианской духовности. Этот симбиоз сыграл огромную роль в становлении и российской культуры, уходящей своими корнями в византийские традиции. Позже широкое распространение, в том числе и в Европе, получили идеи всемирно известных сирийских просветителей-христиан: аль-Кавакиби, Селима аль-Бустани, Насыфа и Ибрагима аль-Языджи, Бутруса аль-Бустани...

Среди христиан Сирии во все времена насчитывалось также много известных поэтов, ученых, философов, политиков. В новейшее время христиане выступали главными активистами в Национальном Блоке. То была партия (вернее, блок партий), которая в 30–40-х годах XX в. во время французского мандата внесла весомую лепту в дело получения независимости Сирии [4].

Сирийские христиане боролись в рядах сирийского вооруженного сопротивления против иностранной оккупации, в годы национально-освободительной борьбы. Еще, казалось бы, совсем недавно один из них – христианин Фарис аль-Хури не только дважды побывал премьер-министром Сирии, но в пятидесятые годы прошлого века также представлял свою страну в ООН. Многие из христиан назначались на высокие государственные должности после обретения независимости от Франции, затем в сложные годы египетско-сирийского государственного союза – Объединенной Арабской Республики в 1958–1961 гг.

Кроме того, в Сирии имел место беспрецедентный случай в истории исламского мира, когда после военного переворота в стране все полномочия президента, главы кабинета и парламента были возложены на христианина Саида Исхака [5]. Неудивительно, что среди основателей самых влиятельных в стране партий – сирийской Компартии и ставшей затем правящей партии Баас (ПАСВ) оказались также христиане. Отец-основатель Баас – Мишель Афляк принадлежал к греческой православной церкви и получил высшее образование в парижской Сорбонне. Афляк утверждал, что ислам – не столько вера, сколько культура, а Коран – не столько божественное откровение, сколько творение арабского гения, равноценное и для мусульман, и для арабов-христиан [6].

«Арабская весна» и сирийские христиане

Христиане в Сирии, можно сказать, непропорционально обширно присутствовали в сирийской элите, занимая важные посты в парламенте, правительстве, в армии. Кстати, через несколько месяцев после начавшейся в 2011 г. гражданской войны Президент Сирийской Арабской Республики (САР) Башар Асад назначил на пост министра обороны православного христианина генерала Дауда Раджиху. Сам по себе этот факт говорит о многом –

руководство Сирии считало христиан весьма надежной опорой и важным союзником внутри страны в борьбе с терроризмом. Однако в июле 2012 г. генерал Дауд погиб в результате теракта, осуществленного террористом-смертником [7].

Военнослужащие-христиане принимали активное участие в боях с исламистскими наемниками, многие погибли. При этом они предпочитали служить в подразделениях с мусульманами, считая, что у них общая родина, а значит и единая армия, и не формировать собственные монорелигиозные боевые единицы, как это, например, было в Ливане [5].

Особая тема – положение христианского населения Сирии после начавшейся в арабском мире, в том числе и в Сирии, так называемой «арабской весны».

Захлестнув сначала Тунис, затем Ливию, Алжир, Йемен и Египет, эта волна беспорядков, замешанная на экстремистских исламских лозунгах, к весне 2011 года докатилась и до САР, которая уже не одно десятилетие считалась весьма спокойной страной, даже несмотря на череду арабо-израильских войн в прошлом и 15-летнюю гражданскую войну в соседнем Ливане в 1974–1989 годах.

Сирия имеет свои особенности и специфику. Речь идет о довольно сложном межконфессиональном и национальном составе населения этой республики. Именно противоречия в этой сфере, которые активно начали разжигать противники нынешней власти в САР, стали одним из основных факторов, повлиявшим на ход событий сирийской «арабской весны». А она затянулась как минимум на долгих семь–восемь лет, вылившись на деле в полномасштабную гражданскую войну. В ней принимали участие десятки тысяч наемников из около ста государств практически всех континентов мира [8].

В годы «арабской весны» сирийская оппозиция (в основном из суннитской части мусульман) выступала, прежде всего, против внутренней политики властей, которых, естественно, олицетворяла с «президентом-еретиком» Башаром Асадом, ибо тот является представителем одного из направлений в шиитском исламе – алавитизма. Оппозиционеры всех мастей выступали против «засилья алавитов на руководящих постах». Уход Асада был главным условием оппозиционеров.

Второй же мишенью экстремистов и террористов стало христианское население Сирии. События последних лет в Сирии не только катастрофически подорвали экономику страны, но и привели к серьезным конфессионально-этническим столкновениям и, как следствие, к структурным изменениям в сирийском обществе, в том числе существенному сокращению христианского населения.

«Мы все – одной веры»

А между тем у христианства и ислама гораздо больше общего, чем различного. Даже самая знаменитая и грандиозная мечеть Сирии (а в свое время и всего арабского мира) – мечеть Омейядов в Дамаске разместилась под сводами византийского собора Святого Закарии. Там в большом зале находится

гробница Св. Иоанна Крестителя (он же пророк Яхья в мусульманской традиции). Здесь покоится голова святого, найденная в 705 г. в одном из подземных склепов при перестройке базилики в мечеть.

В этом месте, где история христианства и ислама словно объединились, побывали многие главы государств. В том числе в дни Рождества 2020 года мечеть осмотрел и Президент РФ Владимир Путин, посетивший тогда Дамаск [9]. Но самым необычным посетителем мечети за всю ее историю, на мой взгляд, стал в мае 2001 года глава Ватикана Папа Иоанн Павел Второй. Высший чин римской католической церкви переступил порог древнейшей мусульманской святыни. В прогулке по мечети понтифика сопровождал другой старец – мой давний знакомый покойный верховный муфтий Сирии шейх Ахмед Кафтаро. Это была их уже не первая встреча. Муфтий ранее бывал в Ватикане. Однажды, как рассказывал мне сам шейх, понтифик признался мусульманскому коллеге, что ежедневно читает Коран, на что муфтий продемонстрировал, что знает наизусть целые главы из Библии. Во время экскурсии по мечети Омейядов Ахмед Кафтаро сообщил гостю о том, что в первые годы ислама здесь мусульмане и христиане молились под общей крышей своему единому общему Богу. Да и сам пророк Мухаммед, как известно, разрешал христианам совершать молитву в своей мечети.

«Ведь главное заключается в том, – говорил мне верховный муфтий Ахмед Кафтаро во время одной из встреч, – что все религии – это одна вера. Мы все – одной веры. Так учил пророк Мухаммед. Цель любой веры – совершенствовать человека, его душу, вести от худшего к лучшему, от невежества к просвещению, к добру и любви. Коран был ниспослан пророку Мухаммеду в подтверждение учений Моисея и Христа, а не в опровержение их. Ислам не противоречит христианству. Он вбирает в себя все, чему поклоняются христиане, и вместе с тем открывает новые горизонты. Так что мечеть, – сказал муфтий, – является одновременно и христианским храмом» [10]. «Настало время серьезного изучения заветов пророков и активизации обширного диалога между двумя конфессиями, развития взаимопонимания и поиска точек соприкосновения на основе общих принципов наших мировых религий. Я говорю мусульманам: подлинный ислам никогда не отрицал и не разрушал то, что было создано до него. Новая религия пришла совершенствовать, дополнить и исправить то, что испортило время. Цель каждого мусульманина должна заключаться в том, чтобы творить добро, помогать всем рабам Божьим, независимо от их убеждений. Скажу и христианам: нет мусульманина, который не верил бы в Христа и его мать деву Марию, в Священную Библию. Более того, ислам – религия мусульман – не будет полной, если не верить во всех библейских пророков. И пусть христиане поверят в пророка Мухаммеда, равно как все мусульмане изначально верят в Христа, да святится имя его и всех других пророков» [11]. Настало время христианам и мусульманам протянуть руку в знак признания друг друга.

Такой же философии придерживается и нынешний верховный муфтий САР Ахмад Бадр эд-Дин Хассун, с которым мне также довелось беседовать в Дамаске в 2017 году.

Неудивительно, что такие мусульманские деятели, проповедующие братство между мусульманами и христианами, становятся в прямом и переносном смысле мишенью со стороны исламистских экстремистов и террористов не в меньшей степени, чем сами сирийские христиане.

Итоги «весенней» жатвы

Среди 22 членов Лиги Арабских государств (ЛАГ) Сирия после Ливана в процентном отношении занимает второе место по доле проживающих в стране христиан. До событий «арабской весны» этот показатель, по некоторым статистическим данным, утверждениям многих христиан и даже конфиденциальным признаниям ряда государственных чиновников, составлял от 12 до 15 процентов от общего числа населения. Сегодня он сократился вдвое, а по некоторым данным, даже в три и более раз. Более миллиона христиан бежали с насиженных мест в соседние страны или в Европу. Тысячи погибли и были казнены бандитами, называвшими себя «борцами за чистоту ислама» и «возрождение халифата».

Неудивительно, что прямым следствием разрушительных действий так называемых исламистов из различных организаций стало уничтожение памятников, храмов и других архитектурных сооружений, имеющих отношение к христианству и его истории. Там халифатчики устраивали огневые точки, но чаще их разрушали просто потому, что, по их разумению, христианам не место в арабском мире. Сирийская сеть по правам человека в докладе «Христианские святыни под прицелом», опубликованном в 2015 году, задокументировала 63 храма, подвергшихся обстрелам и нападениям лишь только в первые три года войны. Причем разрушителями выступали, увы, вольно или невольно, практически все вовлеченные в конфликт стороны [12].

Город Маалюля – единственное место в мире, где до сих пор сохранился арамейский язык, на котором говорил Христос. Там с момента разразившегося в 2011 г. конфликта население пыталось сохранить нейтральную позицию. Однако исламисты из «Ан-Нусра» (организация, деятельность которой запрещена на территории РФ) в сентябре 2013 года захватили город, убив там 20 христиан [13], они разрушили многие дома и храмы, в том числе нанесли ущерб древнейшему храму Святого Сергия. Кстати, именно имя этого сирийского святого в 14 веке взял игумен земли русской Сергей Радонежский. Многие жители и служители культа Маалюли были убиты. А в декабре 2013 года в той же Маалюле террористы похитили 13 монахинь из старейшего в мире женского монастыря Мар Текла (Святой Феклы – ученицы апостола Павла). Сестер удерживали в качестве заложников в течение трех месяцев. Усилиями многих людей и благодаря международному вмешательству монахини были освобождены. Пленницы вернулись в свой монастырь. Но их обитель – часть мирового и сирийского и национального достояния оказался разрушен и осквернен халифатчиками. Под руинами храмов погибли архивные документы, ценные иконы и церковное имущество [14]. Что говорить о менее известных местах и христианских памятниках? Но главное это, конечно, люди. И прежде всего, мирное население.

В Сирии родители-христиане так воспитывали детей, что многие из них даже перед угрозой смерти отказывались отречься от своей веры. Наиболее активными в расправах над «иноверцами» были запрещенные в РФ террористические группировки «Исламское государство» и «Джебхат ан-Нусра».

В последние несколько лет процесс миграции христиан резко ускорился из-за вооруженного конфликта. Хотя официальной статистики нет, но по некоторым оценкам, число сирийских христиан сократилось с 15% от общей численности населения в начале 1980-х годов до 4,8% в 2008 году [15]. А сейчас этот показатель оценивается не более чем в 2%. В Алеппо, Хаме и Хомсе резко сократилось число христианских жителей. Христианские общины в Дамаске, Латакии и Вади ан-Насаре часто принимали перемещенных христиан из других городов [16]. По словам священника из Алеппо и представителя Национального евангелического Синода Сирии и Ливана Ибрагима Нусейра, сокращение числа христиан в Сирии – это надолго, и неизвестно, смогут ли местные общины пережить эту войну [17].

Согласно, например, американским данным, лишь только в одном 2015 году Сирию покинули более 700 тысяч христиан [13]. Кстати, именно тогда Москва и приняла решение о направлении в эту страну своих ВКС с целью оказания военной поддержки Дамаску. Темпы исхода христиан стали снижаться. После разгрома при содействии России бандитских формирований процесс выезда из страны христиан прекратился. Отрадно, что многие уехавшие в годы боевых действий семьи стали возвращаться в освобожденные правительственными войсками районы. «Арабский весенний» исход прекратился. Но вот вернутся ли на родину все те, кто ее покинул, особенно молодежь? На это вопрос мы узнаем ответ только со временем.

Заключение

События «арабской весны» в Сирии привели не только к колоссальным человеческим и экономическим жертвам, но и к серьезным этноконфессиональным структурным изменениям в обществе. В результате боевых действий и разгула насилия от рук исламских фундаменталистов погибли тысячи сирийских христиан, более двух миллионов из них покинули свои дома и родину. Разрушенными и уничтоженными оказались сотни памятников христианской архитектуры, а также византийской, древнеримской, эллинистической и других эпох. С уходом исконно сирийской части христианского населения, проживавшего здесь задолго до прихода в 7 веке ислама и представлявшего в те времена почти всех жителей того края, страна может лишиться 12 процентов самой образованной и активной части своего населения, потерять свою туристическую привлекательность как колыбели христианства, а также утратить репутацию одного из самых толерантных государств арабского мира. Не допустить исчезновения христиан с земли Сирии – задача не только самих сирийцев и властей этой республики, но и всего цивилизованного мира.

Библиографический список

- [1] *Basma Qaddour*. Adnan Azzam Unmasks Hidden Face of War on Syria before French Public Opinion // *The Syria Times*. 07.03.2018. URL: <http://syriatimes.sy/index.php/syria-past-present/culturt/35274-adnan-azzam-unmasks-hidden-face-of-war-on-syria-before-french-public-opinion> (дата обращения: 09.07.2020).
- [2] Библия онлайн. Дамаск. URL: <https://bible.by/symphony/word/5/106/> (дата обращения: 10.06.2020)
- [3] *Сахаров Н.* Иеродиакон // Альманах “Альфа и Омега”. 2001, № 28. URL: <https://www.pravmir.ru/o-prichinah-ikonoborcheskih-sporov-soglasno-traktatu-prepodobnogo-ioanna-damaskina-pervoe-zashhitelnoe-slovo-protiv-otvergayushhih-svuatyie-ikonyi/> (дата обращения: 10.06.2020).
- [4] Pierre Guingamp. Hafez El Assad et le Parti Baath en Syrie. Editions L’Harmattan, 1996.
- [5] *Стремидловский С.* Христианство в Сирии – кому оно помешало? ИА Regnum 1 октября 2015. URL: https://news.rambler.ru/articles/31498385/?utm_content=news&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 11.06.2020).
- [6] *Млечин Л.М.* Путин, Буш и война в Ираке. URL: <http://litrus.net/book/read/95166?p=15> (дата обращения: 11.06.2020).
- [7] Теракт в Дамаске. URL: <https://www.newsru.com/world/18jul2012/terakt.html> (дата обращения: 11.06.2020).
- [8] *Исмаил Будаия Ф.* Интервью // *Maraya International*. 12. 2018. № 50.
- [9] Путин подарил Большой мечети Дамаска Коран XVII века. РИА Новости. 07.01.2020. URL: <https://ria.ru/20200107/1563170432.html> (дата обращения: 07.11.2020).
- [10] *Медведко С.Л.* Переступить порог // Литературная газета № 21 (5834) 23–29 мая 2001 г. URL: http://old.lgz.ru/archives/html_arch/lgz212001/polit/art12.htm (дата обращения: 10.06.2020).
- [11] *Медведко С.Л.* Надежда – в вере и любви // ЛГ-Досье № 7 1991 г. С. 6.
- [12] Syrian Network for Human Rights. Targeting Christian places of worship in Syria. 2015. URL: http://sn4hr.org/wp-content/pdf/english/Targeting_churches_in_Syria_en.pdf (дата обращения: 10.06.2020).
- [13] *Chapman M.W.* CNSNews, 31.10.2016. URL: <https://www.cnsnews.com/news/article/michael-w-chapman/2011-christians-syria-125-million-2016-christians-syria-less-500000> (дата обращения: 19.07.2020).
- [14] Syria crisis: Nuns freed by rebels arrive in Damascus. 2014, March 10. *BBC*. URL: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-26510202> (дата обращения: 25.07.2020).
- [15] *Kawakibi S.* The migration of Syrian Christians. Middle East Institute. 2010, April 19. URL: <http://www.mei.edu/content/migration-syrian-christians> (дата обращения: 16.07.2020).
- [16] *Oehring O.* Christians in Syria: Current Situation and Future Outlook. Konrad Adenauer Stiftung. 2017. URL: http://www.kas.de/wf/doc/kas_47863-544-2-30.pdf?170711155133 (дата обращения: 16.07.2020).
- [17] *Ефимова М.* Крест Востока. РИА Новости. 03.02.2018. URL: <https://ria.ru/20180203/1513695386.html> (дата обращения: 19.07.2020).

References

- [1] *Basma Qaddour*. Adnan Azzam Unmasks Hidden Face of War on Syria before French Public Opinion. *The Syria Times* 07.03.2018. Available from: <http://syriatimes.sy/index.php/syria-past-present/culturt/35274-adnan-azzam-unmasks-hidden-face-of-war-on-syria-before-french-public-opinion> [Accessed 09.07.2020].

- [2] The Bible on line. Damascus. Available from: <https://bible.by/symphony/word/5/106/> (In Russ.).
- [3] Sakharov N. Hierodeacon. Almanac “*Alpha and Omega*”. 2001, № 28. Available from: <https://www.pravmir.ru/o-prichinah-ikonoborcheskih-sporov-soglasno-traktatu-prepodobnogo-ioanna-damaskina-pervoe-zashhititelnoe-slovo-protiv-otvergayushhih-svyatyie-ikonyi/> (In Russ). [Accessed 10.07.2020].
- [4] Pierre Guingamp. *Hafez El Assad et le Parti Baath en Syrie*. Editions L’Harmattan, 1996.
- [5] Stremidlovsky S. Christianity in Syria – who has it prevented? IA Regnum 01.10.2015. Available from: https://news.rambler.ru/articles/31498385/?utm_content=rnews&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (In Russ.). [Accessed 11.06.2020].
- [6] Mlechin LM. Putin, Bush and the war in Iraq. Available from: <http://litrus.net/book/read/95166?p=15> (In Russ.). [Accessed 11.06.2020].
- [7] Terror act in Damascus. Available from: <https://www.newsru.com/world/18jul2012/terakt.html> (In Russ.). [Accessed 11.06.2020].
- [8] Ismail Boudaya F. Interview. *Maraya International*. 2018;12(50):1. (In Russ.).
- [9] Putin presented the 17th century Koran to the Grand Mosque of Damascus. RIA Novosti. 07.01.2020. Available from: <https://ria.ru/20200107/1563170432.html> [Accessed 07.11.2020]. (In Russ.).
- [10] Medvedko SL. Cross the threshold. *Literaturnaya Gazeta*. 2001, May 23–29:21. Available from: http://old.lgz.ru/archives/html_arch/122001/polit/art12.htm [Accessed 10.06.2020]. (In Russ.).
- [11] Medvedko SL. Hope is in faith and love. *LG-Dosye*; 1991 (7):6. (In Russ.).
- [12] Syrian Network for Human Rights. Targeting Christian places of worship in Syria. 2015. Available from: http://sn4hr.org/wp-content/pdf/english/Targeting_churches_in_Syria_en.pdf [Accessed 10.07.2020].
- [13] Chapman MW. CNSNews, 31.10.2016 Available from: <https://www.cnsnews.com/news/article/michael-w-chapman/2011-christians-syria-125-million-2016-christians-syria-less-500000> [Accessed 19.07.2020].
- [14] Syria crisis: Nuns freed by rebels arrive in Damascus. 2014, March 10. *BBC*. Available from: <http://www.bbc.com/news/world-middle-east-26510202> [Accessed 25.07.2020].
- [15] Kawakibi S. The migration of Syrian Christians. Middle East Institute. 19.04.2010. Available from: <http://www.mei.edu/content/migration-syrian-christians> [Accessed 16.07.2020].
- [16] Oehring O. Christians in Syria: Current Situation and Future Outlook. Konrad Adenauer Stiftung. 2017. Available from: http://www.kas.de/wf/doc/kas_47863-544-2-30.pdf?170711155133 [Accessed 16.07.2020].
- [17] Efimova M. The Cross of the East. RIA Novosti. 03.02.2018. Available from: <https://ria.ru/20180203/1513695386.html> [Accessed 19.07.2020]. (In Russ.).

Информация об авторе:

Медведко Сергей Леонидович – старший научный сотрудник, канд. истор. наук, доцент кафедры международной безопасности факультета международных отношений и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), Москва, Россия, e-mail: smedvedko@mail.ru

Information about the author:

Medvedko Sergei Leonidovich – PhD (History), Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, e-mail: smedvedko@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-384-397

Научная статья / Research article

Российско-ливанские отношения: поиск путей взаимодействия

Е.М. Савичева¹✉, Д.В. Катеренчук¹, И.В. Рыжов²

¹Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

²Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского,
603005, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, д. 2
✉savicheva@mail.ru

Аннотация. Почти за 30-летний период, прошедший после завершения гражданской войны в Ливане и подписания Таифских соглашений в 1989 г., а также роспуска СССР в 1991 г. и становления новой России, двусторонние российско-ливанские отношения оставались партнерскими и дружественными и демонстрировали тенденцию укрепления взаимовыгодного сотрудничества. Тем не менее, проблематика российско-ливанского взаимодействия на современном этапе – в XXI веке остается малоизученной. Статья посвящена комплексному изучению российско-ливанских отношений в политико-дипломатической, торгово-экономической и культурной сферах; акцент делается на 2000-е гг. Статья содержит количественный анализ контактов официальных лиц России и Ливана (2006–2020 гг.), а также анализ структуры товарооборота двух стран.

Ключевые слова: Россия, Ливан, Ближний Восток, внешняя политика, отношения, сотрудничество

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-014-00039 на тему «Модели и риски сотрудничества в регионе Ближнего и Среднего Востока в первой четверти XXI века».

История статьи: Поступила в редакцию: 21.04.2021. Принята к публикации: 05.06.2021.

Для цитирования: Савичева Е.М., Катеренчук Д.В., Рыжов И.В. Российско-ливанские отношения: поиск путей взаимодействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 4. С. 384–397. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-384-397

Russian-Lebanese Relations: Searching for Ways of Interaction

E.M. Savicheva¹✉, D.V. Katerenchuk¹, I.V. Ryzhov²

¹Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklay str., Moscow, Russian Federation, 117198

²National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
2, Ulyanov str., Nizhny Novgorod, Russian Federation, 603005
✉savicheva@mail.ru

Abstract. For almost 30 years since the end of the civil war in Lebanon, signing of the Taif agreements in 1989 and the dissolution of the USSR in 1991 with the emergence of new Russia, the bilateral Russian-Lebanese relations remained partnership and friendly. They have reflected the trend of strengthening mutually beneficial cooperation. Nevertheless, Russian-Lebanese relations at the present stage (21st century) have remained partially unexplored. The article is devoted to a comprehensive study of Russian-Lebanese relations in the political, diplomatic, economic and cultural spheres; the focus is made on the 2000s. The research contains a quantitative analysis of Russian-Lebanese official contacts (2006–2020), as well as a review of the commodity structure of the countries' turnover.

Keywords: Russia, Lebanon, Middle East, foreign policy, relations, cooperation

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR according to the research project number 20-014-00039 “Models and Risks of Cooperation in the Middle East region in the First Quarter of the XXI Century”.

Article history: Received: 21.04.2021. Accepted: 05.06.2021.

For citation: Savicheva E.M., Katerenchuk D.V., Ryzhov I.V. Russian-Lebanese relations: search for ways of interaction. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(4):384–397. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-384-397

Введение

У России достаточно давние связи с Ливаном. В 1839 г. (а тогда Ливан находился под контролем Порты) в Бейруте начало работать российское консульство, преобразованное вскоре в Генеральное консульство, активно действовавшее до Первой мировой войны. Затем Ливан попал в орбиту деятельности Императорского православного палестинского общества (ИППО), созданного в 1882 г., на средства которого в стране было открыто около двух десятков православных школ [1].

В основе российско-ливанских отношений лежит наработанная годами нормативно-правовая база – достигнутые двусторонние соглашения в различных областях [2]: Соглашение о воздушном сообщении 1966 г., Торгово-платежное соглашение 1970 г., Соглашение о торговле и экономическом сотрудничестве 1995 г., О создании межправительственной комиссии по торговле и экономическому сотрудничеству 1997 г., О сотрудничестве в области

культуры, науки и образования 1997 г., О поощрении и взаимной защите капиталовложений 1997 г., Об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы 1997 г., О сотрудничестве в области туризма 1998 г., О военно-техническом сотрудничестве 2010 г., а также Соглашение о передаче лиц, осужденных к лишению свободы 2014 г. Особо выделим протокол 2018 г. О внесении изменений в договор 2010 г. о военно-техническом сотрудничестве, в который был добавлен пункт об «оказании военно-технической помощи» [3].

Таким образом, два договора советского периода свидетельствовали о том, что двусторонние связи не отличались особой близостью. С распадом СССР наблюдался спад в активности российской дипломатии на Арабском Востоке, что было обусловлено, прежде всего, внутренними процессами, происходившими в России. Тогда она фактически лишилась статуса великой державы в глазах арабских партнеров. Постепенно Москва пришла к обновленной концепции своей внешней политики, базирующейся на национальных интересах и прагматизме, на создании многополярного мироустройства и поддержании двусторонних отношений со всеми государствами на паритетной основе [4. С. 24–25]. 1995–1998 гг. стали свидетелями шести российско-ливанских соглашений, а последнее десятилетие отмечено активизацией российско-ливанского диалога в военно-технической области.

На пути к взаимовыгодному сотрудничеству: нахождение точек соприкосновения

После израильского вторжения в Ливан в 2006 г. по просьбе ливанского правительства Министерство обороны России направило в страну строительный 100-й отдельный мостовой батальон, который занимался восстановлением разрушенной инфраструктуры, дорог и мостов. Менее чем за два месяца было возведено около десятка мостов. Более того, Россия передала Ливану часть привезенной военной техники и оборудования, которые были использованы для строительства [5. С. 286–288].

Помимо чудовищных разрушений война обострила и без того напряженную политическую ситуацию в стране и усилила размежевание в ливанском обществе. Возникший после убийства в 2005 г. экс-премьера Рафика Харири и вывода сирийских войск раскол (антисирийская коалиция «14 марта» и просирийская коалиция «8 марта») значительно обострился. Страна на несколько лет погрузилась в политический кризис, выйти из которого удалось лишь в 2008 г.

На фоне нормализации политической обстановки 25 мая 2009 г. Ливан посещает министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров. В ходе визита российский дипломат встретился с Президентом Мишелем Слейманом, спикером парламента Набихом Берри и премьер-министром Фуадом Синьорой. Стороны обсудили обстановку на юге Ливана в контексте выполнения и соблюдения резолюции 1701 СБ ООН, а также отметили важность

возобновления переговоров по урегулированию арабо-израильского конфликта на всех треках [6].

В 2010 г. Президент Ливана Мишель Слейман совершил первый в истории двусторонних отношений визит в Москву, где встретился с Президентом России Д.А. Медведевым. Слейман обозначил три основные задачи своего визита: «заручиться поддержкой России в решении наиболее сложных проблем, которые стоят перед Ливаном», а также – «наращивание и улучшение двусторонних отношений в культурной, экономической, торговой и других областях», «координация с Россией как с постоянным членом Совета Безопасности ООН всех вопросов, касающихся Ливана» [7].

В начале 2011 г. в Ливане вновь разразился внутривосточный кризис. «Масло в огонь» подливала гражданская война и контртеррористическая операция в соседней Сирии, участие «Хизбаллы» в сирийском конфликте на стороне Башара Асада. На этом фоне контакты Москвы и Бейрута значительно сократились (см. *диагр. 1*). Вместе с тем двусторонние контакты поддерживались, свидетельством чему стал заход в 2013 г. в порт Бейрута отряда кораблей Военно-морского флота РФ. Это был первый за последние 150 лет визит российских боевых кораблей в Ливан.

К апрелю 2014 г. Ливан ощутил приближение нового кризиса, но на этот раз – президентского. Парламентарии не могли прийти к согласию по поводу кандидатуры на пост главы государства вплоть до осени 2016 г. Показательным стал визит в Ливан специального представителя президента России по Ближнему Востоку, заместителя министра иностранных дел М.Л. Богданова. Он провел в Ливане около 3 дней, после чего посетил Турцию, Сирию и снова Ливан. За это время российский посланник встретился с более чем двадцатью представителями различных политических партий, многие из которых соперничали еще со времен гражданской войны. Было сделано около 10 заявлений, касающихся ситуации в Сирии и регионе в целом, ядерной сделки с Ираном и политической обстановки в Ливане. Но, как отмечает ливанский журналист Жан Азизи, «не было сделано ни одного четкого заявления о ситуации в Ливане..., а каждая сторона слышала то, что должна была услышать» [8]. Эта неоднозначность породила множество предположений и слухов о настоящей цели визита российского дипломата в Бейрут.

По мнению ряда экспертов, на ливанском направлении Москва придерживалась политики «свободы рук», не делая четких заявлений и тем самым освобождая себя от каких-либо конкретных обязательств, что было не безосновательным, учитывая фрагментированное и турбулентное ливанское политическое пространство. Однако такая тактика оставляла Россию как бы в стороне от решения важных вопросов. Но, вместе с тем, это открывало возможность сотрудничества с Бейрутом в тех сферах, где нейтральная позиция не вызывала вопросов, в частности, в разведке нефтегазовых месторождений на шельфе в Восточном Средиземноморье. Ливан сохраняет важность для России в геополитическом плане еще и потому, что здесь пересекаются интересы ведущих внерегиональных игроков.

Дипломатия на высшем и высоком уровнях

Как уже отмечалось, Россия поддерживает регулярные связи с различными политическими силами ливанского общества, что «является заметным стабилизирующим фактором, играющим в пользу сохранения межконфессионального и гражданского мира в Ливанской Республике» [9]. Так, в Россию нанесли визиты президент Ливана М. Слейман, премьер-министры С. Харири и Н. Микати, министры иностранных дел А. Мансур и Дж. Бассиль; здесь побывали многие депутаты ливанского парламента, политические и общественные деятели. В Бейруте принимали министра иностранных дел России Сергея Лаврова, его заместителя, Представителя Президента России по Ближнему Востоку М. Богданова, делегации Федерального Собрания и крупных общественных организаций РФ.

Российско-ливанские отношения активизировались в 2016 г. Так, в апреле прошла встреча на уровне министров обороны России и Ливана в рамках «V Московской конференции по международной безопасности», на которой ливанская сторона акцентировала внимание на роли в борьбе с терроризмом [10].

В том же году российскую столицу посетили многие влиятельные ливанские функционеры. Лидер политического движения «Мустакбаль» С. Харири неоднократно встречался с С.В. Лавровым. М.Л. Богданов провел переговоры с министром сельского хозяйства республики Акрамом Шхейбом, министром финансов Али Хасаном Халилем, целью которого было заключение соглашения по сотрудничеству в области сельского хозяйства.

Практически двукратный рост числа официальных встреч с 2015 по 2018 гг. (рис. 1) был предопределен, в первую очередь, успехом военной операции РФ в Сирии, начатой 30 сентября 2015 г., и закреплением за Россией статуса влиятельной силы в регионе. Ливанская политическая элита в сложившихся условиях вынуждена была адаптироваться к новым политическим реалиям и расстановке сил в регионе [11].

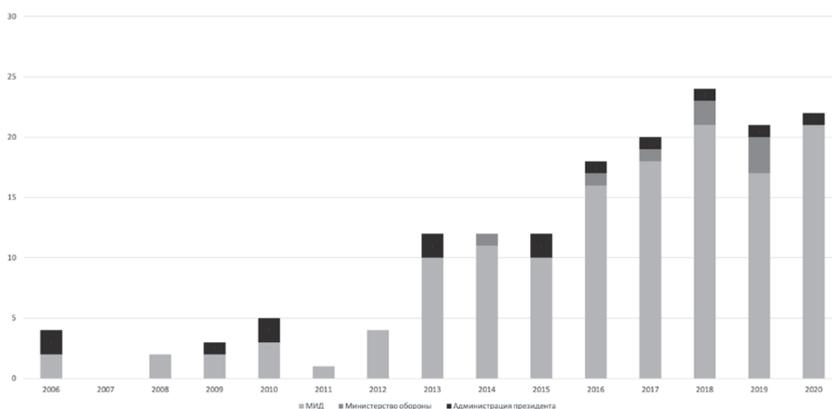

Рис. 1. Ивент-анализ российско-ливанских отношений (2006–2020 гг.)
Составлено авторами по: <https://www.mid.ru>; <http://mil.ru>; <http://www.kremlin.ru>

Fig. 1. Event Analysis of Russian-Lebanese Relations (2006–2020)

Made by authors: <https://www.mid.ru>; <http://mil.ru>; <http://www.kremlin.ru>

Важное значение для двустороннего диалога имел визит министра обороны Ливана Яакуба Ас-Саррафа в Москву в августе 2017 г., в ходе которого он встретился с российским коллегой Сергеем Шойгу в рамках военно-технического форума «Армия-2017». В тот же день Ас-Сарраф в своем интервью агентству «Спутник» заявил, что ливанская сторона запросила у России военной помощи в борьбе с террористической организацией ИГИЛ (запрещена в РФ) [12]. Более того, стороны выразили намерение заключить широкоформатное соглашение о военно-техническом сотрудничестве, подразумевающее более тесное взаимодействие силовых структур, включая проведение совместных военных учений.

В марте 2018 г. М.Л. Богданов принял участие во второй «Международной конференции в поддержку ливанской армии и сил внутренней безопасности» в Риме. В своем выступлении он, в частности, подчеркнул, что часть продукции военного назначения была передана российской стороной на безвозмездной и что Россия выступает за «прекращение разного рода практик нарушения суверенитета Ливанской Республики Израилем, авиация которого регулярно вторгается в ливанское воздушное пространство» [13].

2018 год стал рекордным по количеству контактов между Москвой и Бейрутом (см. рис. 1). Российскую столицу посетили многие влиятельные политики. Так, только представитель премьер-министра страны С. Харири – Жорж Шаабан совершил не менее 4 визитов. Как отмечает ливанский журналист Муханнад Аль-Хадж Али, Москва сыграла важную посредническую роль во внутриванском урегулировании [14].

В 2019 г. исполнилось 75 лет установления дипломатических отношений между Россией и Ливаном, а 26 марта в Москве прошла встреча президентов двух стран – В.В. Путина и М. Ауна. В совместном заявлении, сделанном по итогам переговоров, подчеркивалась необходимость соблюдения всех положений резолюции 1701 СБ ООН, намерение углублять политический диалог между Россией и Ливаном и расширять связи в различных областях. Также затрагивались вопросы международной повестки, такие, как конфликт в Сирии, проблема возвращения сирийских беженцев, ядерная программа Ирана [15].

Сближающим фактором в российско-ливанских отношениях стала проблема сирийских беженцев. После начала военно-политического конфликта в Сирии на территории Ливана, по различным данным, нашли приют около 1,5 млн сирийских беженцев. Являясь один из ключевых участников конфликтного урегулирования в САР, Москва прилагает значительные усилия для возвращения сирийских беженцев и перемещенных лиц на родину. На территории Сирии действует российский Центр по примирению враждующих сторон и контролю за перемещением беженцев. По его данным, с 18 июля 2018 г. по 27 марта 2021 г. из Ливана в Сирию вернулись 257092 чел. [16]. Более того, Россия оказывает гуманитарную помощь Ливану на нужды беженцев через Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев, а также путем прямого направления гуманитарных грузов самолетами МЧС России.

Однако проблема возвращения беженцев это лишь часть сложного процесса урегулирования и напрямую связана с постконфликтным восстановлением Сирии. А вот в подходах к этой проблеме у ведущих игроков, вовлеченных в сирийский конфликт, имеются существенные различия. Так, США, ЕС отказываются предоставлять столь необходимую для восстановления разрушенной экономики и инфраструктуры финансовую помощь, без чего возвращение беженцев становится весьма затруднительным.

Позиции Москвы и Бейрут в этом вопросе схожи. Беженцы из соседней страны оказывают серьезное давление на и без того подорванную ливанскую экономику, не говоря уже о конфликтном потенциале (нарушение этноконфессионального баланса и возможность проникновения на территорию страны нежелательных элементов) [17. С. 123]. Министр иностранных дел Ливана Дж. Бассиль заявил, что «условия в Сирии изменились, больше нет основания для нахождения беженцев, и это облегчает политическое урегулирование, а не наоборот» [18]. Нельзя отрицать положительную динамику числа возвращающихся на родину сирийцев, однако темпы все еще очень малы, чтобы говорить о приближении полного решения проблемы.

В октябре 2019 г. Ливан в очередной раз погрузился в политический кризис, когда тысячи ливанцев вышли на улицы, выражая свое недовольство попыткам властей повысить налоги. В феврале 2020 г. к политическим проблемам добавились и экономические – протестная активность, объявление карантина и закрытие границ из-за распространения вируса Covid-19 привели к сильнейшему экономическому кризису. На этом фоне Россия оказала Ливану гуманитарную помощь в виде отправки тест-систем для выявления вируса Covid-19.

4 августа 2020 г. в порту ливанской столицы прогремел мощнейший взрыв, в результате которого погиб 171 человек и свыше 5 тыс. человек пострадали. Городу был нанесен многомиллиардный ущерб. Российская сторона уже на следующий день начала подготовку к отправке в Ливан гуманитарной помощи, а уже 6 августа на месте начал работу аэромобильный госпиталь МЧС России [19].

Примечательно, что во время кризисных ситуаций, в том числе и в 2019–2020 гг., интенсивность контактов между Россией и основными ливанскими политическими силами оставалась на достаточно высоком уровне (см. рис. 1).

Торгово-экономические отношения

Развитию торгово-экономических отношений в значительной степени способствует деятельность Межправительственной российско-ливанской комиссии по торговле и экономическому сотрудничеству, а также Российско-ливанского делового совета в рамках Торгово-промышленной палаты России. Несмотря на то, что делегации стран проводят регулярные ежегодные встречи, выражая поддержку и заинтересованность в сотрудничестве, в динамике товарооборота за последние годы просматривается тенденция к падению (рис. 2).

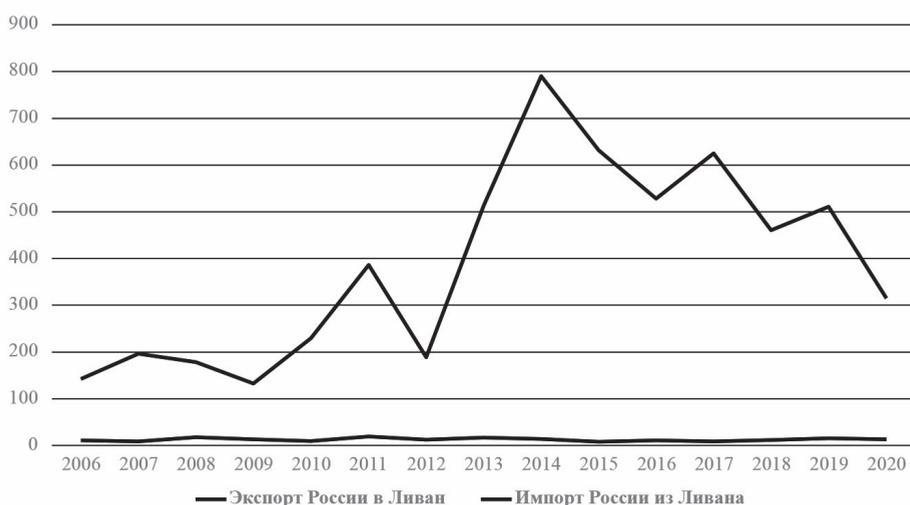

Рис. 2. Товарооборот России с Ливаном (2006–2020 гг.) (млн долл. США)
 Составлено авторами по: <http://stat.customs.gov.ru/analysis>; <https://russian-trade.com>
Fig. 2. Russia's Trade Turnover with Lebanon (2006–2020) (million USD)
 Made by authors: <http://stat.customs.gov.ru/analysis>; <https://russian-trade.com>

В 2020 г. товарооборот России с Ливаном составил 327,9 млн долл. США, сократившись на 37,6% по сравнению с 2019 г. Экспорт России в Ливан составил 315 млн долл. США (–38%), импорт – 12,9 млн долл. (–14,6%) (рис. 3).

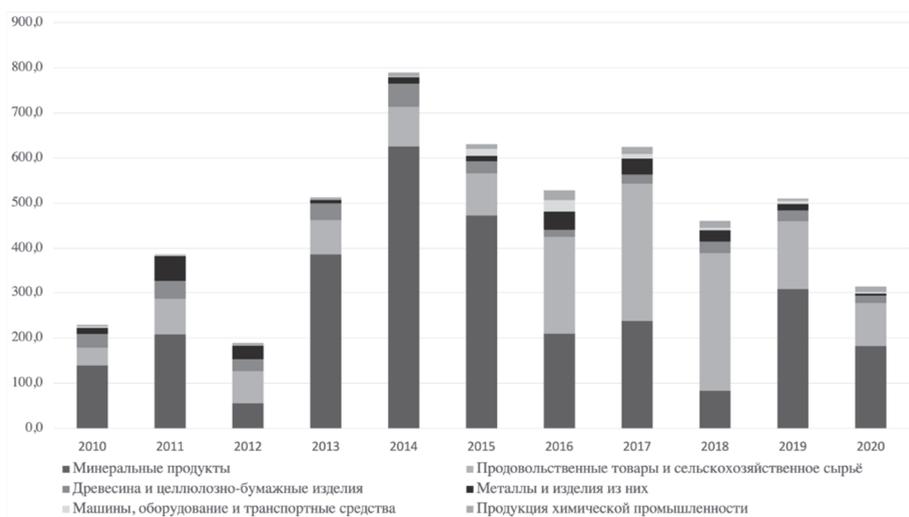

Рис. 3. Структура экспорта России в Ливан по товарным группам (2010–2020 гг.), млн долл. США
 Составлено авторами по: <https://russian-trade.com>; <http://stat.customs.gov.ru/analysis>
Fig. 3. Structure of Russia's Exports to Lebanon by Commodity Groups (2010–2020), million USD
 Made by authors: <https://russian-trade.com>; <http://stat.customs.gov.ru/analysis>

Из приведенных данных следует, что российско-ливанский товарооборот имеет довольно скромные объемы и характеризуется сильным перевесом в пользу России (доля российского экспорта в рассматриваемом периоде

составила более 95%). Импорт России из Ливана в среднем за год составил 13 млн долл., достигнув максимального значения 19 млн долл. в 2011 г.

Несмотря на то, что в 2014 г. товарооборот достиг рекордной отметки в 803,9 млн долл. США, в том числе экспорт в Ливан составил 790,2 млн долл. США, импорт – 13,7 млн долл. США, и Россия вошла в шестерку внешнеэкономических партнеров Ливана, к 2020 товарооборот между странами снизился, с небольшим ростом в 2017 и 2019 гг. на 59%.

Как видно из приведенных выше данных, до 2016 г. большую часть экспорта России составляли товары группы «минеральные продукты», такие, как топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества, воски минеральные. С 2016 г. произошел рост продаж в Ливан товаров группы «продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье» и одновременное сокращение поставок минеральных продуктов. Однако к 2019 г. продажи товаров этой группы снова стали расти, их доля от всего объема экспорта России в Ливан достигла 60% (307,6 млн долл. США), а доля продовольственных товаров снизилась до 29% (152 млн долл. США). В 2020 г. произошло общее снижение экспорта (–38%).

Что касается других товарных группы, то доля древесины и целлюлозно-бумажных изделий составила в среднем 6 % (28,5 млн долл. США) от всего экспорта России в Ливан в 2010–2020 гг., металлы и изделия из них – 4,8% (22,8 млн долл. США), машины, оборудование и транспортные средства – 1,5% (7 млн долл. США), продукция химической промышленности – 2% (9,5 млн долл. США).

Импорт России из Ливана в 2020 г. по основным товарным группам выглядит следующим образом: продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (8,4 млн долл. США, 65,4%) из которых основная доля пришлась на табак и его заменители (8 млн долл. США, 61,5%), продукция химической промышленности (1,8 млн долл. США, 13,7%), текстиль и изделия из него (0,6 млн долл. США, 4,4%), древесина и целлюлозно-бумажные изделия (0,5 млн долл. США, 4%), драгоценные металлы и камни (0,4 млн долл. США, 3,5%).

Важное значение для российско-ливанской деловой активности имеет участие российской газодобывающей компании НОВАТЭК в разработке ливанского шельфа Восточного Средиземноморья. В феврале 2018 г. НОВАТЭК, французская Total и итальянская Eni подписали с правительством Ливанской Республики соглашения о разведке и добыче углеводородов на шельфовых блоках 4 и 9 в восточной части Средиземного моря. Доля участия НОВАТЭК составляет 20%, доли Total и Eni – по 40%, оператором проекта является Total [20]. В данном событии, помимо чисто экономической составляющей, имеется серьезная политическая подоплека, так как 8-й и 9-й блоки располагаются на спорном участке ливано-израильской границы. Более того, проект соглашения о военно-техническом сотрудничестве между Россией и Ливаном, о котором упоминалось выше, был обнародован буквально за 6 дней до соглашения. Деятельность НОВАТЭК в Ливане – еще один фактор российско-ливанского сближения.

Культурные связи

Не менее значимой для российско-ливанских отношений является культурно-гуманитарная составляющая. У сторон имеется достаточно солидный опыт сотрудничества в образовательной сфере, начало которому было положено еще во времена Российской империи, когда на территории Палестины, Ливана и Сирии действовали школы и семинарии Императорского православного палестинского общества (ИППО). Подворье Русской православной церкви (РПЦ) существует в Ливане до сих пор. Оно оказывает не только духовную, но и материальную помощь ливанцам, оказавшимся в трудной житейской ситуации, и местная общественность неоднократно отмечала эти заслуги.

В Ливане действует Российский центр науки и культуры (РЦНК), расположенный в центре Бейрута. Центр имеет 9 филиалов в крупнейших городах Ливана и занимается распространением русского языка, продвижением достижений российской науки и культуры. В 2016 г. под эгидой МИД России и при участии РЦНК прошла первая неделя российского кино в Ливане, где были представлены отечественные документальные, художественные, короткометражные и анимационные фильмы на русском языке с арабскими субтитрами.

РЦНК организует курсы русского языка и способствует поступлению ливанцев в различные вузы России по линии Россотрудничества. В 2019 г. в Сирии и Ливане прошли выставки российских университетов в рамках «Второй ближневосточной выставки российских университетов», в Ливане ее посетили 3,5 тыс. человек (первая прошла в 2018 г.) [21].

В Ливане проживает самая большая православная община в регионе, однако точных данных о ее численности нет, а также довольно многочисленная русская диаспора. Как отмечает российский исследователь А.В. Сарабьев, «в основе своей русская диаспора в Бейруте произошла от русских православных паломников, которые совершали пешие путешествия в Иерусалим и проходили через прибрежные ливанские города. Очевидно, некоторые из них оставались как в Бейруте, так и в других районах на территории современного Ливана» [22]. По мнению Сарабьева, численность современной русскоязычной диаспоры в Ливане составляет, по разным оценкам, от 10 до 37 тыс. человек.

Заключение

Российско-ливанские отношения знали периоды подъема и падения, как например, в начале 2000-х гг., когда не было заключено ни одного соглашения, а уровень контактов официальных лиц оставался на довольно низком уровне. Активной фазой двустороннего диалога стало второе десятилетие нашего столетия (2010–2020 гг.), когда с ростом авторитета России на Ближнем Востоке происходит интенсификация связей и поиск путей взаимодействия по перспективным направлениям сотрудничества, в том числе в сфере обороны и безопасности. По объективным причинам, в числе которых турбулентное ливанское политическое пространство со сложной системой сдержек

и противовесов, а порой, и внешнее вмешательство, целый ряд серьезных инициатив остался на бумаге.

Однако в целом позиции России и Ливана совпадают по широкому кругу актуальных международных вопросов. Обе стороны привержены выполнению всех международных договоренностей, касающихся всеобъемлющего урегулирования палестино-израильского конфликта, роли ООН в стабилизации обстановки в регионе. И в Бейруте, и в Москве не склонны ассоциировать террористические группировки с определенными государствами или религиями.

Российская дипломатия активно работает на ливанском направлении, на что указывают множественные контакты с лидерами различных ливанских политических сил и конфессиональных общин, поддержка Ливана в рамках многосторонней дипломатии и регулярная гуманитарная помощь, оказываемая напрямую, а также по линии ООН.

Торгово-экономические отношения России с Ливаном носят довольно ограниченный характер, на что оказывает влияние нестабильная социально-экономическая ситуация в Ливане и негативные последствия событий регионального и глобального масштабов – «арабской весны» и пандемии коронавируса. За последние годы серьезно осложнилось состояние ливанской экономики, в том числе в таких традиционных сферах, как туризм, услуги, торговля, банковский сектор.

Таким образом, можно говорить, что в начале XXI века отношения между Россией и Ливаном вышли на новый уровень, основанный на схожести позиций по большинству международных проблем, разумном прагматизме и историческом диалоге. Вместе с тем обеим странам еще предстоит многое сделать, в первую очередь в экономической сфере. Укрепление же российско-ливанских отношений призвано стать залогом не только стабилизации внутривнутриполитической ситуации в Ливане, но и усиления престижа России на Арабском Востоке.

Библиографический список

- [1] *Воробьев С.А.* Русские в Ливане. М., 2010.
- [2] Двусторонние договоры Российской Федерации. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract (дата обращения: 15.12.2020).
- [3] Протокол о внесении изменения в соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Ливанской Республики о военно-техническом сотрудничестве от 25 февраля 2010 г. // Бюллетень международных договоров. 2018. № 9.
- [4] *Савичева Е.М.* Современная внешняя политика России в отношении стран Арабского Востока. М. : РУДН, 2018.
- [5] *Савичева Е.М.* Ливан: место в истории, роль в политике, ситуация в стране. Историко-хронологическое исследование. М. : РУДН, 2009.
- [6] О визите Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Бейрут // МИД России, 25.05.2009. URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/lb/-/asset_publisher/YIYV5tIrcKpw/content/id/292806 (дата обращения: 07.11.2020).

- [7] Визит президента Ливана // Актуальные комментарии, 25.02.2010. URL: https://actualcomment.ru/vizit_prezidenta_livana.html (дата обращения: 12.03.2021).
- [8] Aziz J. Did Bogdanov Come to Meet Nasrallah Only? // Al-Monitor, 11.12.2014. (In Arab.). URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/ar/originals/2014/12/lebanon-russia-diplomat-visit-hezbollah-syria.html> (дата обращения: 12.03.2021).
- [9] Российско-Ливанские отношения развиваются на всех направлениях, и их будущее является очень перспективным. 2014 // Посольство Российской Федерации в Ливанской Республике. 14.12.2014. URL: https://lebanon.mid.ru/ru/press-centre/news/rossiysko_livanskie_otnosheniya_razvivayutsya_na_vsekh_napravleniyakh_i_ikh_budushchee_yavlyaetsya_очень_perspektivnym_2014/ (дата обращения: 07.11.2020).
- [10] Министр обороны России встретился с главой военного ведомства Ливана. Министерство обороны Российской Федерации, 27.04.2016. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12084053@egNews (дата обращения: 25.11.2020).
- [11] Mohanad Hage Ali. Moscow Time? Carnegie Middle East Center, 07.09.2018. URL: <https://carnegie-mec.org/diwan/77192> (дата обращения: 25.11.2020).
- [12] The Lebanese Ministry of Defense Requests Military Aid from Russia to Fight “ISIS”. Sputnik, 23.08.2017. (In Arab.). URL: https://arabic.sputniknews.com/arab_world/201708231025786318-ливан-مساعدا-عسكرية-روسيا-201708231025786318/ (дата обращения: 20.04.2021).
- [13] Выступление М.Л. Богданова в ходе второй Международной конференции в поддержку ливанской армии и сил внутренней безопасности. Рим, 16.03.2018 // Новости / МИД России : официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3120947 (дата обращения: 01.12.2020).
- [14] Mohanad Hage Ali. Moscow Time? Carnegie Middle East Center, 07.09.2018. URL: <https://carnegie-mec.org/diwan/77192> [Accessed 25.11.2020].
- [15] Совместное заявление президентов В.В. Путина и М. Ауна о дальнейшем развитии и укреплении отношений дружбы и сотрудничества между Россией и Ливаном // Администрация Президента России, 26.03.2019. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5392> (дата обращения: 05.12.2020).
- [16] Информационный бюллетень Центра по примирению враждующих сторон и контролю за перемещением беженцев // Министерство обороны Российской Федерации, 27.03.2021. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12351122@egNews (дата обращения: 29.03.2021).
- [17] Савичева Е.М., Каур К.А. Сирийская миграция в Ливан: особенности и проблемы // Вестник Томского Государственного университета. Серия: История. 2019. № 60. С. 120–124.
- [18] Власть инвестиций: почему Россия добивается возвращения беженцев в Сирию. РБК, 20.08.2018. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/08/2018/5b7aa2849a7947dc5f4395b8> (дата обращения: 29.03.2021).
- [19] В Бейрут могут отправить дополнительную группу медиков из России // ТАСС, 08.08.2020. URL: <https://tass.ru/obschestvo/9151635> (дата обращения: 15.12.2020).
- [20] НОВАТЭК заключил соглашения о разведке и добыче в Ливане. НОВАТЭК, 09.02.2018. URL: http://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=2203 (дата обращения: 15.12.2020).
- [21] Почти 20 российских вузов приняли участие в образовательной выставке в Сирии и Ливане. ТАСС, 06.10.2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6967715> (дата обращения: 29.03.2021).
- [22] Сарабьев А.В. Российская диаспора в Ливане // Императорское православное палестинское общество, 19.06.2014. URL: <https://www.ippo.ru/ipporu/article/-rossiyskaya-diaspora-v-livane-a-sarabev--202274> (дата обращения: 15.12.2020).

References

- [1] Vorob'ev SA. Russkie v Livane [Russians in Lebanon]. М.; 2010. (In Russ.).

- [2] Dvustoronnie dogovory Rossijskoj Federacii. Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii [Bilateral treaties of the Russian Federation. Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. Available from: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract [Accessed 15.12.2020]. (In Russ.).
- [3] Protokol o vnesenii izmeneniya v soglasenie mezhdru pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i pravitel'stvom Livanskoj Respubliki o voenno-tehnicheskom sotrudnichestve ot 25 fevralya 2010 g. Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 2018. № 9. [Protocol on amending the agreement between the government of the Russian Federation and the government of the Lebanese Republic on military-technical cooperation dated February 25, 2010. Bulletin of international treaties. 2018. No. 9]. (In Russ.).
- [4] Savicheva EM. Sovremennaya vneshnyaya politika Rossii v otnoshenii stran Arabskogo Vostoka. [Contemporary Russian foreign policy towards the countries of the Arab East]. M., RUDN; 2018. (In Russ.).
- [5] Savicheva EM. Livan: mesto v istorii, rol' v politike, situaciya v strane. Istoriko-hronologicheskoe issledovanie [Lebanon: place in history, role in politics, situation in the country. Historical and chronological research]. M., RUDN; 2009. (In Russ.).
- [6] O vizite Ministra inostrannyh del Rossii S.V. Lavrova v Bejrut. MID Rossii 25.05.2009 [On the visit of the Minister of Foreign Affairs of Russia S.V. Lavrov to Beirut. Russian Foreign Ministry]. Available from: https://www.mid.ru/web/guest/maps/lb/-/asset_publisher/YIYV5tIrcKpw/content/id/292806 [Accessed 07.11.2020]. (In Russ.).
- [7] Vizit prezidenta Livana. Aktual'nye kommentarii 25.02.2010 [Visit of the President of Lebanon. Actual comments]. Available from: https://actualcomment.ru/vizit_prezidenta_livana.html [Accessed 12.03.2021]. (In Russ.).
- [8] Aziz J. Did Bogdanov Come to Meet Nasrallah Only? Al-Monitor, 11.12.2014. (In Arab.). Available from: <https://www.al-monitor.com/pulse/ar/originals/2014/12/lebanon-russia-diplomat-visit-hezbollah-syria.html> [Accessed 12.03.2021].
- [9] Posol'stvo Rossijskoj Federacii v Livanskoj Respublike. 2014 [Embassy of the Russian Federation in the Lebanese Republic] Available from: https://lebanon.mid.ru/ru/press-centre/news/rossijsko_livanskije_otnosheniya_razvivayutsya_na_vsekh_napravleniya_kh_i_ikh_budushchee_yavlyayetsya_o/ [Accessed 07.11.2020]. (In Russ.).
- [10] Ministr oborony Rossii vstretil'sya s glavoj voennogo vedomstva Livana. Ministerstvo oborony Rossijskoj Federacii. 27.04.2016 [The Russian Defense Minister met with the Lebanese Defense Minister. Ministry of Defense of the Russian Federation]. Available from: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12084053@egNews [Accessed 25.11.2020]. (In Russ.).
- [11] Mohanad Hage Ali. Moscow Time? Carnegie Middle East Center, 07.09.2018. Available from: <https://carnegie-mec.org/diwan/77192> [Accessed 25.11.2020].
- [12] The Lebanese Ministry of Defense Requests Military Aid from Russia to Fight "ISIS". Sputnik, 23.08.2017. (In Arab.). Available from: https://arabic.sputniknews.com/arab_world/201708231025786318-عسكرية-روسيا-لبنان-مساعداً [Accessed 20.04.2021].
- [13] Vystuplenie M.L. Bogdanova v hode vtoroj Mezhdunarodnoj konferencii v podderzhku livanskoj armii i sil vnutrennej bezopasnosti. Rim, 2018 goda. MID Rossii [Bogdanov's speech during the Second International Conference in Support of the Lebanese Army and Internal Security Forces. Rome, 2018. Russian Foreign Ministry]. Available from: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3120947 [Accessed 01.12.2020]. (In Russ.).
- [14] Mohanad Hage Ali. Moscow Time? Carnegie Middle East Center, 07.09.2018. Available from: <https://carnegie-mec.org/diwan/77192> [Accessed 25.11.2020].
- [15] Sovmestnoe zayavlenie prezidentov V.V. Putina i M. Auna o dal'nejshem razvitii i ukreplenii otnoshenij druzhby i sotrudnichestva mezhdru Rossiej i Livanom. Administraciya Prezidenta Rossii 26.03.2019. [A joint statement by the presidents V.V. Putin and M. Aoun on the further development and strengthening of relations of friendship and cooperation between Russia and Lebanon. Administration of the

- President of Russia]. Available from: <http://kremlin.ru/supplement/5392> [Accessed 05.12.2020]. (In Russ.).
- [16] Informacionnyj byulleten' Centra po primireniyu vrazhduyushchih storon i kontrolyu za peremeshcheniem bezhencev. Ministerstvo oborony Rossijskoj Federacii. 27.03.2021 [Information bulletin of the Center for Reconciliation of Warring Parties and Control of Refugee Movement. Ministry of Defense of the Russian Federation]. Available from: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12351122@egNews [Accessed 29.03.2021]. (In Russ.).
- [17] Savicheva EM., Kaur KA. Siriiskaya migraciya v Livan: osobennosti i problemy [Syrian migration to Lebanon: features and problems]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*. 2019;(60):120–124. (In Russ.).
- [18] Vlast' investicij: pochemu Rossiya dobivaetsya vozvrashcheniya bezhencev v Siriyu. RBK, 20.08.2018 [The Power of Investment: Why Russia Seeks the Return of Refugees to Syria]. Available from: <https://www.rbc.ru/politics/20/08/2018/5b7aa2849a7947dc5f4395b8> [Accessed 29.03.2021]. (In Russ.).
- [19] V Bejrut mogut otpravit' dopolnitel'nyu gruppu medikov iz Rossii. TASS, 08.08.2020 [An additional group of doctors from Russia may be sent to Beirut]. Available from: <https://tass.ru/obschestvo/9151635> [Accessed 15.12.2020]. (In Russ.).
- [20] NOVATEK zaklyuchil soglasheniya o razvedke i dobyche v Livane. NOVATEK, 09.02.2018 [NOVATEK signed agreements on exploration and production in Lebanon]. Available from: http://www.novatek.ru/ru/press/releases/index.php?id_4=2203 [Accessed 15.12.2020]. (In Russ.).
- [21] Pochti 20 rossijskih vuzov prinyali uchastie v obrazovatel'noj vystavke v Sirii i Livane. TASS, 06.10.2019 [Almost 20 Russian universities took part in the educational exhibition in Syria and Lebanon]. Available from: <https://tass.ru/obschestvo/6967715> [Accessed 29.03.2021]. (In Russ.).
- [22] Sarab'ev AV. Rossijskaya diaspora v Livane. Imperatorskoe pravoslavnoe palestinskoe obshchestvo, 19.06.2014 [Russian diaspora in Lebanon. Imperial Orthodox Palestinian Society]. Available from: <https://www.ippo.ru/ipporu/article/-rossiyskaya-diaspora-v-livane-a-sarabev--202274> [Accessed 15.12.2020]. (In Russ.).

Информация об авторах:

Савичева Елена Михайловна – канд. истор. наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, г. Москва, e-mail: savicheva@mail.ru. ORCID : 0000-0001-8617-3508

Катеренчук Даниил – магистрант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, г. Москва, e-mail: daniil.katerenchuk@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8513-3026

Рыжов Игорь Валерьевич – д-р истор. наук, профессор, заведующий кафедрой истории и политики России Института международных отношений и мировой истории, ННГУ им. Лобачевского, г. Нижний Новгород, e-mail: ivr@fmo.unn.ru. ORCID: 0000-0002-6417-1517

Information about the authors:

Savicheva Elena – PhD in History, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: savicheva@mail.ru. ORCID: 0000-0001-8617-3508

Katerenchuk Daniil – Master's student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: daniil.katerenchuk@yandex.ru. ORCID: 0000-0002-8513-3026

Ryzhov Igor – Doctor of Science (History), Professor, Head of the Department of History and Politics of Russia, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, e-mail: ivr@fmo.unn.ru. ORCID: 0000-0002-6417-1517

ВОСТОК – ЗАПАД: КОНТАКТЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ EAST AND WEST: CONTACTS AND CONTRADICTIONS

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-398-419

Научная статья / Research article

Цели монгольских захватчиков согласно европейским источникам середины XIII в. Часть 2

Ю.И. Дробышев

Институт востоковедения РАН,
107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, д. 12
altanus@mail.ru

Аннотация. Середина XIII века – апогей могущества единой Монгольской империи. В 1241–1242 гг. происходит первое, самое кровавое и разрушительное вторжение монголов в Европу. Разумеется, для европейцев жизненно важным было найти ответ на вопрос: чего хотели захватчики, какие цели они преследовали? В данной статье автор показывает, что, ввиду обилия противоречивой информации и острой нехватки на первых порах объективного понимания нового врага, европейские политические и церковные деятели приписывали монголам множество целей (не менее восемнадцати!), из которых полностью подтвердились лишь три – нападение на Русь, Польшу и Венгрию, а остальные либо не были по каким-либо причинам реализованы, либо возникли в умах самих европейцев. Все эти «цели», выявленные в различных официальных и неофициальных европейских источниках, преимущественно датируемых серединой XIII в., обсуждаются с учетом информации синхронных восточных источников. Несмотря на широко известные идеи «мироустроительной монархии», возможно, на самом деле вынашивавшиеся монгольскими ханами, события в Европе позволяют предполагать, что их главной целью там было наказание венгерского короля Белы IV, отказавшегося выдать монголам скрывавшихся в Венгрии половцев.

Ключевые слова: европейские источники, XIII век, Монгольская империя, цели монголов

История статьи: Поступила в редакцию: 26.11.2020. Принята к публикации: 05.02.2021.

¹ Первая часть опубликована в Вестнике Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 2. С. 123–156.

Для цитирования: Дробышев Ю.И. Цели монгольских захватчиков согласно европейским источникам середины XIII в. Часть 2 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 4. С. 398–419. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-398-419

The goals of the Mongol invaders according to European sources of the middle of the XIII century Part 2

Yu.I. Drobyshev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
12 Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031
altanus@mail.ru

Abstract. The middle of the XIII century – the apogee of power of the unified Mongol Empire. In 1241–1242, the first, bloodiest and most destructive Mongol invasion into Europe took place. Certainly, it was vital for the Europeans to find an answer to the question: what did the invaders want, what goals did they pursue? In this article, the author shows that, due to the abundance of contradictory information and the acute lack of an objective understanding of the new enemy at first, European political and ecclesiastical figures attributed many goals to the Mongols (at least eighteen!), of which only three were fully confirmed – an attack on Russia, Poland, and Hungary, and the rest were either not realized for some reason, or arose in minds of the Europeans themselves. All these “goals”, identified in various official and unofficial European sources, mainly dating from the middle of the XIII century, are discussed here taking into account information from synchronous Eastern sources. Despite well-known ideas of a “world-building monarchy”, perhaps actually hatched by the Mongol khans, events in Europe suggest that their main goal there was to punish the Hungarian king Bela IV, who refused to hand over the Polovtsians hiding in Hungary to the Mongols.

Keywords: European sources, XIII century, Mongol Empire, Mongol goals

Article history: Received: 26.11.2020. Accepted: 05.02.2021.

For citation: Drobyshev YuI. The goals of the Mongol invaders according to European sources of the middle of the XIII century. Part 2. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(4):398–419. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-398-419

Подчинение/уничтожение римской церкви

По меткому высказыванию Т. Мэя, папство так старалось подняться выше светских правителей, что если бы монголы дошли до Рима, папу римского постигла бы та же участь, что и багдадского халифа [49. С. 430]. Для монголов и тот и другой были не просто духовными пастырями их врагов, а наднациональными лидерами, которым подчинялись цари и султаны, т.е. людьми, претендовавшими на универсальное правление – по сути, на ту же самую святыню, к овладению которой стремились потомки Чингис-хана. В своих посланиях монгольским властям папа Иннокентий IV ясно обнаружил

свои притязания на роль вселенского монарха, поэтому он невольно позиционировал себя для них как мишень, но планировался ли монголами поход на Рим, трудно говорить с уверенностью, хотя некоторые сведения об этом имеются.

Уже в 1238 г. брат Юлиан не только предупредил о готовящемся вторжении в Венгрию, но и сообщил о слухах, что следующей целью монголов намечен Рим и даже дальше: «говорят, что они имеют намерение прийти и напасть на Рим и за пределами Рима» [13. С. 388]. Очевидно, речь в данном отрывке идет именно об угрозе римской церкви и ее главе. Несколькими годами позже хаган Гуюк прямо требовал от Иннокентия IV личного визита в Каракорум с изъявлением покорности в знаменитом письме, оригинал которого был обнаружен в 1920 г. в архиве Ватикана.

Впрочем, были опасения продемонстрировать подчинение римской церкви и самого папы его посланниками, если бы они совершили перед монгольским властелином или его полномочным представителем коленопреклонение, как вассалы перед господином. Этот очень важный ритуальный аспект взаимоотношений подробно рассмотрел финский историк А. Руотсала [34. Р. 78–88]. О нем особо предупреждал членов миссии Асцелина Гвихард Кремонский, примкнувший к ней в Тбилиси: «Бояться следует не того, чтобы перед нойоном Байотом (Байджу – Ю.И.) совершить идолопоклонство, ибо не этого он для себя хочет добиться от вас, но бойтесь выказать такое, как вы слышали, вошедшее в обычай у всех прибывающих к нему послов почитание, которое будет сочтено знаком покорности господина Папы и всей Римской церкви, которая по приказу Хана должна быть покорена» (цит. по: [9. С. 97]). Монах доминиканского ордена Асцелин был отправлен папой Иннокентием IV на Ближний Восток в 1245 г. с заданием достичь первого же отряда монголов и вручить их военачальнику папское послание. На пути Асцелина оказались воины нойона Байджу, которому и было передано письмо. Под внушением слов Гвихарда Кремонского папский посол и его спутники категорически отказались совершить коленопреклонение перед Байджу, что, наряду с заявлениями о величии папы, отсутствием подарков и отказом проследовать в Каракорум, едва не стоило им жизни [50. Р. 232–249].

Проведший немало лет на Востоке Гвихард должен был иметь некоторое представление о замыслах монголов. Его заявление относительно ханского приказа о покорении римской церкви находит подтверждение в надежном источнике – у Плано Карпини: «Этот вышеназванный Куйюк-кан поднял со всеми князьями знамя против Церкви Божией и Римской Империи, против всех царств христиан и против народов Запада, в случае если бы они не исполнили того, что он приказывает Господину Папе, государям и всем народам христиан на Западе» [27. С. 62–63].

Фридрих II в «Энциклике против татар» от 20 июня 1241 г. выразил убежденность в том, что монголы хотели дойти до Рима: «Как мы твердо уверены, мать нашей религии и веры, святую римскую церковь, татары желают осквернить, а столицу и главный город нашей империи по праву господства или лучше [сказать] насилия – захватить» [30. С. 161]. Император

был далеко не одинок в этом убеждении. В том же году, видя постигшее Венгрию несчастье, европейцы «начали укреплять города и замки, волнуясь, что они (монголы – Ю.Д.) хотят пройти до Рима, опустошая все на своем пути» [18. С. 115].

Своеобразной вариацией этих слухов является сообщение историка-францисканца Салимбене де Адама (Пармского) (1221–1288?), который насчитал в истории четыре народа, собиравшихся завоевать Италию, а «пятым и последним народом... являются татары, как об этом рассказал брат Иоанн да Плано Карпини, который дружески беседовал с великим повелителем татар» [51. С. 228]. Интересно, что сам Плано Карпини, видимо, не писал о планах монголов по захвату Италии, но вполне могло быть, что такие замыслы существовали и обсуждались при дворе Гуюка (и Мункэ), и в этом случае кочевников должен был интересовать понтифик, а не итальянские земли.

Исправление христианства

Среди обилия фантастических слухов, предшествовавших и сопровождавших монгольскую инвазию в Европу, особняком стояла идея о приходе с далекого Востока огромного христианского воинства, среди которого в особой повозке ехал некто, претендующий называться Иисусом Христом, и вез некую «Книгу исполнения Нового Завета в обуздание власти непокорных и сохранение справедливости к смиренным». Копии этой книги переводились на разные языки и рассылались в разные страны с требованием исполнять то, что в ней написано. Кардинал-пресвитер церкви Святой Сабины Уго утверждал, что отправил такую копию епископу Констанца [13. С. 148]. По мнению Д. Девиза, видящего в этом сообщении отголоски легенды о пресвитере Иоанне, целью миссии якобы было обеспечить подчинение христиан требованиям Нового Завета; они пришли, чтобы распространить очищенное христианство, и их врагами представляются правители и клирики, престаупающие законы Господа [52. Р. 53]. Другой точки зрения придерживается Б. Грант. Он полагает, что информация исходила из Иерусалимского королевства и основывалась на данных относительно второй волны монгольского нашествия в Закавказье в 1235–1236 гг., привезенных восточными христианами, возможно, из Грузинского царства. «Книгой» на самом деле был указ монгольского хана о божественном праве монголов на всеобщее господство с требованием подчинения согласно небесной воле, который был в руках нойона Чормагана. Копию указа посланцы доставили в Иерусалим, откуда она попала в Европу [53. Р. 117–177]. К сожалению, похоже, что европейские архивы и библиотеки не донесли до нас ничего, что можно было бы уподобить этой загадочной «книге».

Другой текст представляет собой письмо, написанное человеком, называющим себя «Мессией», к императору Фридриху II, чье официальное низложение на Первом Лионском соборе в 1245 г. произошло всего за несколько лет до предполагаемой даты составления данного письма. «Мессия» заявляет, что он связан с правителем монголов, и грозит наказать тех, кто преследует

Фридриха, а именно римскую курию. Таким образом, в обоих этих сочинениях пострадать от «тартар» должна именно Церковь, а не христианство как таковое [52. P. 53].

Уничтожение христианства

В настоящее время общеизвестно, что монголы не вели религиозных войн, не заставляли никого отречься от его веры и поощряли деятельность любой церкви, лишь бы молитвы в ней возносились за здоровье монгольского хагана. Законы Монгольской империи (Великая Яса), авторство которых, как правило, приписывается самому Чингис-хану, ставили все религии в равное положение. Однако в середине XIII в. кочевники представлялись европейцам безбожными слугами Антихриста, явившимися с целью искоренения христианства, для чего, надо признать, они предоставили исчерпывающие подтверждения. Во-первых, основную массу монгольского войска составляли монголо- и тюркоязычные народы, поклонявшиеся Вечному Небу – Тэнгри и верившие в многочисленных божеств и духов, что давало христианам повод характеризовать их как язычников. Во-вторых, невиданная жестокость, которую монголы обрушивали не только на тех, кто им сопротивлялся, но и на беззащитное мирное население. Наконец, в-третьих, их абсолютное презрение ко всему, что было свято для христиан: храмы, монастыри, святые мощи, богослужebные книги, кресты, могилы, – все разрушалось, разграблялось и осквернялось, а священнослужители и монахи предавались смерти. Собственно, то же самое происходило и в исламском мире, который имел даже более весомые причины видеть в монголах губителей истинной веры, так как на начальном этапе монгольской экспансии среди монголов практически не было мусульман.

Восприятие европейцами монголов как предвестников конца света облегалось широко известным «Откровением», приписываемым Мефодию Патарскому (ок. 260–312), но составленным, по-видимому, в конце VII в. Согласно этому тексту, в последние дни с севера придут дикие народы, которые были заперты там Александром Македонским, и подчинят всю землю, кроме Эфиопии. Монгольская инвазия живо напомнила современникам об этом пророчестве, вследствие чего события первоначально воспринимались многими в апокалипсическом ключе, но впоследствии в сознании европейцев произошло постепенное «очеловечивание» монголов, понимание их как хотя и крайне опасной, но все же не демонической силы. Парадокс ситуации состоял в том, что среди монголов было некоторое число христиан несторианского толка, великие ханы Угэдэй, Гуюк и Мункэ благоволили христианству, а среди ханских жен и матерей встречались ревностные христианки. В любом случае монголы не имели никаких оснований заявлять об уничтожении этой религии и не делали таких заявлений; все, что на этот счет донесли до нас источники, было рождено в умах самих христиан. Этого заблуждения не смогли избежать даже те, кто побывал в самом сердце

Монгольской империи: «А Оккодай, будучи очень силен множеством [людей], подобно тому как ранее сделал его отец, организовал три [войска]. Над первым он назначил Бати, сына брата, и послал его на Запад против церкви Божьей и всех областей Запада» [10. С. 111]. Дело Угэдэя по искоренению христианства якобы продолжил Гуюк, также отрядивший на это треть своего войска: «Он же, после избрания, поднял триумфальное знамя против Церкви Божией, и господства христиан, и всех государств Запада и третью часть всей своей мощи направил на войну» [10. С. 114]. Скорее всего, автор этих строк Ц. де Бридиа, как истинный европеец своей эпохи, не проводит различия между народами Европы, воевать против которых собирались монголы, и христианской религией.

В числе наиболее активных проводников этой идеи ожидаемо оказались важнейшие фигуры европейской политики начала 1240-х гг. – Бела IV, Фридрих II и папа римский Григорий IX [17. Р. 142], причем каждый играл свою привычную роль: первый продолжал пугать монголами Европу в поисках помощи против них, второй не забывал упрекать папу римского в бездействии перед лицом монгольской катастрофы, а третий был больше озабочен усмирением германского императора, чем организацией крестового похода против монголов. Их высказывания довольно стереотипны. Приведем несколько примеров. Из письма Бела IV в Рим от 19 января 1242 г.: «Ибо упомянутые хулители имени Христова, если это им позволить, не удовлетворившись нашими пределами, готовятся с лютой неистовой жестокостью напасть на все христианские королевства и разрушить Божьи церкви» [30. С. 196]. Из письма императора Фридриха II английскому королю (август 1241 г.): пришедший «из восточных тартарских пределов» враг «стремится до основания уничтожить как само имя, так и ревнителей христианской веры» [30. С. 192]. Из письма папы римского Григория IX от 16 июня 1241 г. с призывом помогать Беле IV: «Ибо как, не без пролития многих слез, мы узнали из писем нашего возлюбленного во Христе сына венгерского короля Б[елы], не знающие Бога татарские народы Господним попущением частично захватили венгерское королевство и хотят не только погубить оставшуюся часть, но и всю христианскую землю стремятся превратить в пустыню» [30. С. 146–147]. Остальные высказывания о намерении монголов стереть христианство с лица земли, сохранившиеся в европейских источниках рассматриваемого периода, повторяют эту мысль без каких-либо принципиальных вариаций [12. С. 141, 145–146, 160; 30. С. 15, 149, 176]; ср.: [54. С. 58].

Впрочем, по меньшей мере, в одном случае средневековый хронист живописует разорение христианских святынь как свершившийся факт и приписывает это «тартарам». В Пространных анналах церкви в Шефтларне на Изаре (Бавария) в записи под 1241 г. утверждается, что неведомое варварское племя, которое называлось татарами или измаильтянами, учинило «великое избиение людей и в особенности христиан, ибо оно появилось ради преследования оных и изничтожения их имени» [55. С. 24]. Двумя годами позже датируются подробности погрома на Святой Земле: «Появившиеся за грехи наши татары,

то есть агаряне, словно саранча покрывшие поверхность земли, сокрушили множество Божьего люда, великое множество – перебили и, осквернив Гроб Господень, а также святые места, полностью сровняли с землей Иерусалим и места, где обитали христиане» [55. С. 24]. Скорее всего, автор ошибочно истолковал и неверно датировал информацию из письма папы Иннокентия IV о бесчинствах в Иерусалиме хорезмийцев в 1244 г. Согласно бенедиктинскому монаху Альберту Штаденскому (1197?–после 1256), папа в 1245 г. разослал «скорбное письмо» по всей Германии, в котором сетовал на то, что «Гроб Господень безобразно осквернен неким сарацинским народом, который он называл народом хорезмийцев», и что «эти неверные до основания разрушили и уничтожили досточтимую гробницу Господню, а святое место – уже сровняли с землей» [56. С. 368].

Вторая волна опасений относительно судьбы церкви Христовой была вызвана усилением монгольской активности в 1259–1260 гг. Оживилась переписка Белы IV с Римом. Папа Урбан IV (1261–1264) писал венгерскому королю 28 января 1264 г.: «По очевидным фактам тобой и всеми правоверными королевства Венгрии признается, как к прискорбию христианского народа, постыдная дикость тартар прилагает свою силу к уничтожению христианской религии» (цит. по: [19. С. 298]).

Итак, монголы на самом деле не покушались на христианство, однако оно постепенно угасло в их собственной среде, и более поздние попытки католических миссионеров в Сарае или Юаньской империи имели крайне ограниченный и эфемерный успех.

Уничтожение священнослужителей и монахов

Эта псевдоцель монголов была сформулирована еще в начале 1230-х гг. иерусалимским патриархом в послании папе римскому, а также дошла до нас в более полной копии этого послания, которую Уго, кардинал-пресвитер церкви Святой Сабины, адресовал епископу Констанца. В нем говорится, что в наказание за грехи людские Иисус Христос выпустил из заточения многочисленный варварский народ, почти никого не щадящий и жаждущий «крови клириков и, в высшей степени, монахов» [13. С. 145, 148]. Подобная избирательность кровожадных захватчиков находит, на наш взгляд, свое объяснение в авторстве указанных посланий. Впоследствии, когда Восточная Европа приняла на себя удар армий Бату, современники неоднократно отмечали убийства монголами священников, но это уже никак не подавалось в качестве их цели или, по крайней мере, основного занятия.

Уничтожение всего человечества

Разумеется, такую цель монголы не преследовали и, видимо, никогда даже не рассматривали (1). Будучи весьма прагматичными (что явствует из анализа их действий), они прибегали к массовым убийствам при вполне

определенных обстоятельствах и не утруждали себя всеобщей бойней без необходимости [58. С. 160–169]. Поэтому мы можем отнестись с доверием к словам проведенного много лет на Востоке доминиканского монаха Андре де Лонжюмо (?–ок. 1253): «Царь тартарский стремится только к господству надо всеми, а также к монархии всего мира и не жаждет ничьей смерти, но каждому позволяет пребывать в своей вере после того, как подчинит себе, и никого не заставляет обращаться в чуждую ему веру» [12. С. 160–161]. Действительно, своевременное подчинение монголам чаще всего (но вовсе не всегда!) уберегало людей от гибели, но не будем забывать, что европейцы находились под сильным впечатлением от резни в Венгрии, которая была спровоцирована упорным нежеланием короля Белы IV склонить голову в ответ на ультиматумы Бату (в сообщении Юлиана их названо 30, что, очевидно, ошибка) и выдать бежавших в Венгрию половцев, а также вооруженным сопротивлением (2).

Тот факт, что в Европе, как и в Азии, монголы убивали не только воинов, но и мирное население, не разбирая женщин, детей и стариков, несомненно, подогревал опасения, что безжалостные пришельцы намереваются положить человечеству конец. Бела IV был по-своему прав, сообщая германскому королю Конраду IV Гогенштауфену в июле 1241 г.: «Этот народ не имеет жалости ни к чьей участи, полу или возрасту, но, напротив, жаждет крови всех и погибели» [30. С. 187]. В свою очередь, Конрад IV поделился этой мыслью с королем Англии Генрихом III: «намереваясь уничтожить весь род человеческий, считая себя единственными достойными править во всех землях благодаря своей великой и безмерной силе и численности» [12. С. 142]. Это убеждение также разделяла экс-королева Франции Бланка Кастильская (1188–1252), обращаясь к своему сыну – королю Людовику IX: «Ныне неудержимое нашествие тартар грозит полным уничтожением всем нам и святой церкви» [12. С. 141]. Фома Сплитский дал религиозную оценку поведения захватчиков: «У них не было никакого почтения к женщинам, любви к детям, сострадания к старости; с одинаковой жестокостью уничтожая весь род человеческий, они казались не людьми, а демонами» [18. С. 110].

В целом, мысли о стремлении монголов уничтожить все человечество встречаются в европейских сочинениях не часто. Более или менее объективные сведения о монголах и их целях стали доходить до Европы со второй половины 1240-х гг. Становилось очевидным, что в их намерения не входила тотальная резня, являвшаяся не целью, а средством ведения войны.

Подчинение/уничтожение непокорных Богу народов

Это еще один пример монгольской риторики, призванной оправдать военные действия и массовые убийства, – оправдание, в которое, возможно, верили и сами монголы. Первоисточник этой информации не европейский, видимо, он попал в сочинение Матфея Парижского со слов исмаилитского посольства, побывавшего в 1248 г. у Людовика IX на Кипре, куда тот прибыл

перед началом неудачного Седьмого крестового похода. Исаииты пытались договориться об отпоре новому противнику и поведали Людовику об «ужасных посланиях», которые рассылали монголы: «Их предводитель утверждает, что он – посланец всевышнего бога, [для того] чтобы усмирить [и] подчинить народы, восставшие против него» [12. С. 135–136; 13. С. 188]. Судя по дате, послы имели в виду хагана Гуюка, пожалуй, наиболее активного на дипломатическом поприще монгольского суверена. К сожалению, его письма «Старцу горы», т.е. главе исаиитов, не сохранились, ввиду чего подтвердить справедливость приведенных выше слов затруднительно. Тем не менее, косвенно их подтверждает письмо самого Гуюка папе Иннокентию IV, в котором великий хан объясняет разорение христианских стран тем, что их население не послушалось Божьего повеления, переданного им через монголов: «Чингис-хан и Каан послали к обоим выслушать приказ Бога. Но приказа Бога эти люди не послушались. Те, о которых ты говоришь, даже держали великий совет, они показали себя высокомерными и убили наших послов, которых мы отправили. В этих землях силою вечного Бога люди были убиты и уничтожены» [59. С. 393].

Армянский государственный деятель, военачальник и историк Смбат Спарапет (1208–1276) совершивший в 1247–1250 гг. путешествие в Каракорум, знал о содержании этого письма и передал его основные тезисы кипрскому королю Генриху II де Лузиньяну (1218–1253): «Да будет вам известно, что его святейшество посылал послов к великому хану, чтобы узнать, христианин ли он или нет и почему он послал армию для уничтожения и разрушения мира. Но хан ему ответил, что бог заповедал его предкам и ему посылать своих людей, чтобы истребить все развратные и злые народы...» [60. С. 66].

Для ильханов «злым народом» были мусульмане, о которых они отзывались в своих посланиях в Европу как о «презренных вавилонских крысах», которые «выползли из своих щелей» (из письма Хулагу Людовику IX, 1262 г.) [38. Р. 258], или как о «неверных собаках племени вавилонского» (из письма Абаги Клементу IV, 1268 г.) [33. Р. 225]. Следует заметить, однако, что этих эпитетов удостоились не те или иные народы, исповедовавшие ислам, а определенные политические группировки: исаииты в первом случае и египетские мамлюки во втором. Напомним, что монголы не вели войн за веру и не имели намерения искоренить ислам, а время спустя многие из них сами стали мусульманами.

Монгольская классификация народов в XIII в. выглядит достаточно простой: добровольно покорившиеся должны были считаться хорошими, а сопротивляющиеся – плохими. Это не просто проявление этноцентризма, как кажется на первый взгляд. Монголы считали себя исполнителями воли Вечного Неба – истины в последней инстанции, и были столь же ему подотчетны, как и прочие люди. Поэтому народ, не склонившийся перед монгольским хаганом, – это народ, непокорный Богу, и хаган обязан принять соответствующие меры, чтобы не быть наказанным самому за непротивление силам, вносящим в мироздание хаос.

Заключение

Обилие целей, приписываемых монголам в европейских источниках XIII в. и порой кажущихся противоречивыми одна другой, на самом деле не обязывает исследователя пытаться выбирать какую-то одну как истинную и отбраковывать остальные как ложные. Идеальная стратегическая цель монгольских хаганов – мировое господство – достигалась путем решения ряда тактических задач, которые оставили свой отпечаток в средневековой европейской историографии. Монголы воевали и в Азии, и в Европе, подчиняли и мусульман, и христиан, а тех, кто сопротивлялся, уничтожали безо всякого сожаления. Они устанавливали свой мировой порядок, а для этого требовались походы и в Сирию, и в Ливонию. Все эти цели были или могли быть реальными.

Несомненно, идея мирового господства постепенно эволюционировала. Первые годы главенства Чингис-хана в Монголии «весь мир» составляли монгольские степи, затем мировое господство могло означать подчинение всех кочевых народов степного пояса Евразии наряду с навязыванием даннических отношений всем, кому только было возможно. Кульминацией могло бы явиться безраздельное правление монгольского хагана над всей Евразией и, возможно, Северной Африкой. Поскольку «весь мир», конечно, не хотел добровольно подчиняться монгольской власти (в Европе о ней были хорошо наслышаны, а венгры даже испытали ее на себе), войны и убийства становились неизбежными, однако, и здесь прослеживается определенная трансформация: постепенный отход от тактики поголовного уничтожения населения целых городов и предъявления военачальникам в качестве доказательства мешков с отрезанными ушами.

Замыслы не обязательно превращались в практические цели, а намеченные цели не всегда могли быть воплощены. Кроме того, услышанное в монгольских станах послами, миссионерами или частными людьми могло оказаться намеренной дезинформацией или запугиванием, а могло быть неверно переведено толмачами или неадекватно воспринято слышавшими. Иво Нарбоннский приводит несколько предлогов, которые якобы выдвигались монголами в оправдание своего вторжения в Европу: «Они измышляют, что покидают родину то для того, чтобы перенести к себе царей-волхвов, чьими мощами славится Кельн; то, чтобы положить предел жадности и гордыне римлян, которые в древности их угнетали; то, чтобы покорить только варварские и гиперборейские народы; то из страха перед тевтонами, дабы смирить их; то, чтобы научиться у галлов военному делу; то, чтобы захватить плодородные земли, которые могут прокормить их множество; то из-за паломничества к святому Якову, конечный пункт которого – Галисия. Из-за этих вымыслов некоторые из доверчивых королей, заключив с ними союз, разрешали им свободно проходить по своим землям, но все равно погибли, так как они союзы не соблюдают» [12. С. 150]. Следовательно, монголы ставили своих противников в известность о ложных целях, что было одной из их многочисленных военных хитростей, которой они придерживались и век спустя,

и незаслуженно названной папой Бенедиктом XII «нелепыми оправданиями» [20. С. 503].

Разница мировоззрения европейцев и монголов вела к неодинаковому пониманию одних и тех же идей, например, такого принципиально важного внешнеполитического понятия, как «заключение мира», что блестяще показано в труде А. Руотсалы [34. Р. 107–108] (3). Суждения, высказанные в Европе в условиях жестокой войны, очевидно, преувеличивали возможности и желания монголов и наделяли их несуществующими целями. Информацию искажала как монгольская, так и европейская дипломатия, впоследствии ее перетолковывали политические деятели, затем – авторы исторических трудов, позже какие-то ошибки и домыслы могли внести переписчики, переводчики и издатели. Наконец, уже в наше время поиску истины порой мешает догматизм, когда идеальная цель хаганских ультиматумов – всемирная монархия монголов – расценивается как обязательная к исполнению.

Из рассмотренных в настоящей статье восемнадцати целей, которые приписывали монголам их европейские современники, три находят полное подтверждение (нападение на Русь, Венгрию и Польшу), десять были теоретически в той или иной степени вероятны либо реально выдвигались монголами (подчинение «всего мира», Европы, Азии, Германии, Чехии, Франции, Иерусалимского королевства, Сирии, Египта; подчинение/уничтожение римской церкви (как института, а не вероучения)), а пять следует расценивать как умышленную дезинформацию, ошибочные интерпретации либо просто порождение страхов (исправление христианства; уничтожение христианства, клириков и монахов, всех людей; подчинение/уничтожение непокорных Богу народов).

Независимо от их истинности или ложности, цели можно объединить в три группы: 1) захватнические, 2) религиозные, 3) карательные, причем вторая и третья группы во многом перекрываются и находятся в прямой зависимости от первой, поскольку без подчинения территорий там невозможно проводить религиозные или иные чистки.

Захватнические цели варьируются от локальных (Русь, Венгрия, Польша, Германия, Чехия, Франция, Иерусалимское королевство, Сирия, Египет) до субконтинентальных (Европа, Азия) и глобальных («весь мир»). Локальные цели при этом могут расцениваться как частные случаи субконтинентальных и, далее, глобальных.

Религиозные цели направлены только на христианство, все остальные религии и культы монголов не интересуют. Как правило, речь идет о его уничтожении, причем под христианством всегда подразумевается только римская церковь. Опыт православия, сумевшего выжить под монгольским ярмом, никак не учитывается. Равным образом, игнорируется то, что среди захватчиков имеются несториане, хотя о них прекрасно известно в Европе. Иногда цель суживается до истребления лишь монахов и священнослужителей. В редких случаях монголы идут в мир христиан «не нарушить, а исполнить» (Матф. 5:17), т.е. заставить христиан соблюдать евангельские заповеди.

Подобно захватническим, карательные цели тоже имеют разный масштаб: от выборочного уничтожения людей в пределах одной религиозной

общности (разумеется, христианской) до ликвидации неугодных Богу народов и христианства в целом и, наконец, до тотального истребления всего человечества. Карательные цели часто принимают религиозную окраску и оправдываются неисправимой греховностью жертв. В высшем смысле всеми деяниями монголов руководило Вечное Небо, поэтому цели можно понимать как его приказы, переданные через великого хана, послушаться которого было равносильно самоубийству.

Распад Монгольской империи после 1260 г. привел к угасанию имперской идеологии и снятию с повестки дня важнейших обусловленных ею целей, таких как захват и подчинение всей земли или «искоренение человечества». По мере ослабления центральной власти, утраты военного потенциала и боевого духа цели отбрасывались в иерархическом порядке: сначала глобальные, потом общие и в последнюю очередь частные. Внимание улусных ханов направлялось на решение конкретных задач, многие из которых возникали в связи с усилением центробежных процессов на контролируемых монголами землях. Улус Джучи и Ильханат переключились на проблемы, имевшие к Европе косвенное отношение, а центральное правительство, которое формально олицетворял двор Хубилая (1260–1294), находилось слишком далеко, чтобы оказывать эффективное влияние на монголо-европейские отношения. Для Хулагу и его потомков Запад стал потенциальным союзником в борьбе с египетскими мамлюками, а для ханов и темников Улуса Джучи он оставался объектом все менее и менее успешных грабительских набегов. Соответственно изменяющейся обстановке, ставились иные цели. Подписание ильханом Абу Саидом Бахадур-ханом (1317–1335) мирного соглашения с султаном Египта Мухаммадом I ан-Насиром в 1323 г. поставило в союзе Европы и Ильханата точку, тогда как «великая замятня» 1357–1380 гг. в государстве Джучидов фактически положила предел монгольской активности у европейских границ.

Провозглашая свое сакральное право владеть всей ойкуменой, монгольские хаганы добивались его осуществления довольно непоследовательно и порой более на словах, чем на деле, что, очевидно, предопределялось объективной невозможностью подчинить все страны и народы военной силой или дипломатией. Декларирование права безраздельного господства не подразумевало его немедленной реализации. Последовавшие вскоре утрата имперского единства и разрушение «вертикали власти» привели к неспособности сконцентрировать достаточное количество сил на стратегических направлениях. В постимперский период максимального успеха монголы достигли на Дальнем Востоке, где под власть кочевников впервые в истории попал весь Китай, а Запад так и остался непокоренным.

В реконструкции монгольской внешней политики XIII в. современные исследователи вынуждены исходить, главным образом, из данных, предоставляемых внешними, не собственно монгольскими источниками, но, даже имея подробные записи о жизни хаганского двора, подобные китайским «*ши лу*» («правдивым записям»), все равно было бы слишком рискованным утверждать, что нам известны все экспансионистские замыслы монгольских

владык, включая оперативные и долгосрочные цели, сроки, логистику, администрирование и т.д., не говоря уже об особенностях мировоззрения того или иного из них. На каждом театре военных действий, находившемся под руководством разных представителей рода Чингис-хана или других военачальников, воплощение монгольской мироустроительной идеи протекало различным образом, что зависело в том числе и от человеческого, и от временного факторов. Поэтому вопрос, чего же добивались монголы в Европе, следует поставить в четкие хронологические рамки и учесть специфику кочевого менталитета.

Если мы говорим о событиях 1241–1242 гг., то, по-видимому, корректнее всего было бы предположить, что вооруженные имперской идеологией армии Бату вторглись с целью подчинить либо уничтожить тех кочевников, которые еще оставались вне монгольской орбиты, укрывшись в Венгрии, – без этого власть *кочевого вождя* не могла бы считаться *абсолютной*. Несмотря на то, что к тому времени представления монголов о пределах обитаемой вселенной значительно расширились, в их действиях еще заметны рудименты прежних воззрений. Их главные враги – такие же степняки, как и они сами, поскольку именно такими людьми и была населена монгольская ойкумена. Остальное человечество, представлявшее оседлые цивилизации, расценивалось ими как нечто ущербное и маргинальное, и не вызывало у них особого интереса. Средневековая европейская литература содержит много наблюдений, подтверждающих это предположение; выше мы привели несколько примеров. Здесь же, вероятно, находится и объяснение той ненависти, которую монголы питали к непокорным мамлюкам. Выходцы из степей, монголы пытались переносить на оседлый мир традиционную номадную модель властных отношений, рассылали соответствующие ультиматумы и использовали отработанные методы глубоких рейдов.

Эта стратегия проявилась и в Европе. Надо сказать, что венгры облегчили задачу Бату накануне его прихода, убив одну часть команов и вынудив бежать другую. Монголам оставалось наказать непослушного венгерского короля и, хотя тот смог сохранить себе жизнь, его земли лежали в руинах. Теперь можно было уходить – и монголы, действительно, ушли. Впрочем, мы воздержимся от утверждения, что это была единственная причина возвращаться в приволжские степи. Хотелось бы обратить внимание еще на один факт. Установление прочной власти на завоеванных территориях подразумевает налаживание административного аппарата, коммуникаций, а в случае средневековых монголов также взимание десятой части доходов с покоренного населения после его переписи и призыв мужчин на военную службу, как это происходило, например, на Руси. В Польше и Моравии не было сделано ничего похожего, в Венгрии эти мероприятия проводились фрагментарно. Непосредственный свидетель нашествия магистр Рогерий Апулийский (?–1266), попавший к монголам в плен, описал зачатки монгольского управления: «Назначили канезиев, то есть балыи (4), которые следили за справедливостью, заботились о своих лошадях, животных, оружии, имуществе и одежде. Моим управляющим был один из таких господ, и управлял он почти

тысячей поселений, а было канезиев всего почти сто. У нас был мир и покой, а также была соблюдена надлежащая и одинаковая для всех справедливость. Им были отданы самые красивые девицы, но овец, быков и лошадей их проводители за значительный выкуп вернули. Собирались же канезии почти каждую неделю» [30. С. 51–52]. Рогерий также сообщает о разделе венгерских земель между «знатнейшими татарскими королями», которые еще не пришли в Венгрию [30. С. 43], но с какой целью это было сделано, остается неясным. Возможно, эти «уделы» предназначались не более чем для упорядоченного выпаса скота и боевых лошадей, так как Венгрия располагала ограниченными пастбищами ресурсами. Долгое пребывание монголов в этой стране было вызвано, скорее всего, не их желанием занять ее самим и сделать плацдармом для нападений на соседние государства, а вынужденной задержкой в ожидании возможности форсировать замерзший Дунай и покончить с Белой (5), хотя, возможно, при благоприятном стечении обстоятельств монголы могли бы оставить там гарнизоны и обеспечить прямое управление.

Повсеместные грабежи, разорения и убийства, а также подчинение всех, кого удавалось подчинить и обложить данью (6), несомненно, были побочными, но, тем не менее, тоже очень важными целями в обреченном на незавершенность монгольском «мироустроительном» проекте (7). Впоследствии они выдвинулись на передний план, затмив, в конце концов, высокую идею санкционированного Вечным Небом всемирного господства.

Примечания

- (1) Контраргументом мог бы быть известный эпизод из биографии Елюй Чуцай (1189–1243), киданьского советника Чингис-хана и Угэдэя. В 1230 г. приближенные советовали Угэдэю истребить население Северного Китая как бесполезное, а освободившиеся земли обратить в пастбища. Елюй Чуцай доказал, что правильное налогообложение китайских крестьян даст больше выгоды, и хаган одобрил его план [57. С. 73, 190]. На самом деле сложно судить, насколько реальной была в тот момент угроза гибели десятков и сотен тысяч земледельцев, и нет ли в этом рассказе сильного преувеличения, задуманного с целью еще более оттенить гуманизм Елюй Чуцай. В любом случае речь не шла об уничтожении всего человечества.
- (2) По словам Плано Карпини, венгры сражались столь мужественно, что монголы утратили боевой дух, и только речь Бату убедила их продолжить войну [27. С. 51]. Эта информация выглядит не вполне правдоподобно, но она косвенно подтверждается сообщением Плано Карпини о специальном кладбище в Монголии, где хоронили погибших в венгерской кампании, и запретом шаманов на возобновление войны в Венгрии [27. С. 39; 35. С. 171].
- (3) Образ монголов на Западе также раскрывается в ставших классическими работах: [61–63].
- (4) А.В. Майоров предположительно выводит эти термины из венг. *knez* «князь» и фр. *bailli* «наместник» [64. С. 108].
- (5) Данные естественных наук говорят об аномально холодной зиме 1241–1242 гг., несомненно, сыгравшей захватчикам на руку. Полагают, что монгольское вторжение пришлось на первую фазу долговременного похолодания в Европе [65. Р. 434].

- (6) В нашем случае – Болгарию и Сербию, вообще не указанных в европейских источниках как заранее запланированные цели монгольской агрессии. Вопреки хорошо известному монгольскому принципу тщательно продумывать военные походы, предугадать все нюансы было невозможно. Представляется, что подчинение этих стран произошло все-таки спонтанно. О событиях в Юго-восточной Европе см.: [66. С. 25–39; 67. С. 101–118; 68].
- (7) Стратегия монголов в Европе очень похожа на политику кыргызов в Центральной Азии. В 840 г. кыргызы разбили Уйгурский каганат, разграбили все, что смогли, совершили несколько карательных экспедиций в разных направлениях, а затем в большинстве своем вернулись на родину [69. С. 102–109]. Походы монголов и кыргызов роднит их карательный, а не захватнический характер.

Библиографический список

- [1] *Оллсен Т.Т.* Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Т. 6: Золотоордынское время. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2008. С. 351–362.
- [2] *Майоров А.В.* Завершающий этап западного похода монголов: военная сила и тайная дипломатия // *Золотоордынское обозрение*. 2015. № 1. С. 68–94.
- [3] *Майоров А.В.* Завершающий этап западного похода монголов: военная сила и тайная дипломатия // *Золотоордынское обозрение*. 2015. № 2. С. 21–50.
- [4] *Хаутала Р.* В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019.
- [5] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / пер. Л.А. Хетагурова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
- [6] Книга Марко Поло // *Путешествия в восточные страны*. М.: Мысль, 1997. С. 190–380.
- [7] *Козин С.А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- [8] *Рязановский В.А.* Монгольское право (преимущественно обычное). Исторический очерк. Харбин: Типография Н.Е. Чинарева, 1931.
- [9] *Юрченко А.Г.* Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. СПб.: Евразия, 2006.
- [10] Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. «История Тартар» брата Ц. де Бридиа / критич. текст, пер. С.В. Аксенова и А.Г. Юрченко. Экспозиция, исслед. и указ. А.Г. Юрченко. СПб.: Евразия, 2002.
- [11] *Жуанвиль Ж. де.* Книга благочестивых речений и добрых деяний нашего святого короля Людовика / пер. Г.Ф. Цыбулько. СПб.: Евразия, 2007.
- [12] *Матузова В.И.* Английские средневековые источники IX–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1979.
- [13] *Хаутала Р.* От «Давида, царя Индий» до «Ненавистного плебса сатаны». Антология ранних латинских сведений о татаро-монголах. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015.
- [14] *Винсент из Бове.* Великое зеркало / пер. Н. Горелова // *Книга странствий*. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 79–116.
- [15] *Biran M.* Chinggis Khan. Oxford: Oneworld Publications, 2007.
- [16] *Maiorov A.V.* They Intend to Come and Attack Rome...: The Real and Sacred Spaces of the Mongol Conquests (в печати).
- [17] *Jackson P.* The Mongols and the West, 1221–1410. London; New York: Routledge, 2014.

- [18] *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита / пер. О.А. Акимовой. М.: Индрик, 1997.
- [19] *Хаутала Р.* От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 2. С. 272–313.
- [20] *Хаутала Р.* От Бату до Джанибека: военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4. № 3. С. 485–528.
- [21] *Rogers G.S.* An Examination of Historians' Explanations for the Mongol Withdrawal from East Central Europe // *East European Quarterly*. 1996. Vol. 30. № 1. P. 3–26.
- [22] *Pow L.S.* Deep Ditches and Well-built Walls: A Reappraisal of the Mongol Withdrawal from Europe in 1242. A thesis submitted to the faculty of graduate studies in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Arts. Calgary, 2012.
- [23] *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941.
- [24] *Почекаев Р.Ю.* Батый. Хан, который не был ханом. М.: АСТ, 2006.
- [25] *Храпачевский Р.П.* К вопросу о так называемом «списке покоренных народов» Восточной Европы в «Сокровенном сказании монголов» (1240 г.) // *Studia Historica Europae Orientalis*. 2013. № 6. С. 91–102.
- [26] *Райт Дж.К.* Географические представления в эпоху крестовых походов: Исследование средневековой науки и традиции в Западной Европе / пер. с англ. М.А. Кабанова. М.: Наука, 1988.
- [27] *Плано Карпини*. История монгалов // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 29–85.
- [28] *Giztan G.* The Encyclopedist Vincent of Beauvais and His Mongol Extracts from John of Plano Carpini and Simon of Saint-Quentin // *Speculum*. 1974. Vol. 49. № 2. P. 287–307.
- [29] *Савченко С.В.* Письмо магистра тамплиеров к Людовику Св. о вторжении татар в Западную Европу // Киевские университетские известия. 1919. № 1–4. С. 1–4.
- [30] *Магистр Рогерий*. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / пер. А.С. Досаева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012.
- [31] *Рыкин П.О.* Создание монгольской идентичности: термин «монгол» в эпоху Чингисхана // Вестник Евразии. 2002. № 1(16). С. 48–85.
- [32] *Дробышев Ю.И.* Монгольская имперская идеология: понятийный аппарат исследования // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований: Сборник научных статей IV международного конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–21 сентября 2019 г.). Кн. 2 / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2019. С. 28–31.
- [33] *Lupprian K.-E.* Die Beziehungen der Päpste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13 Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels. Città del Vaticano, 1981.
- [34] *Ruotsala A.* Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century: Encountering the Other. Helsinki: The Finnish Academy of Science and Letters, 2001.
- [35] *Гильом де Рубрук*. Путешествие в восточные страны // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 86–189.
- [36] *Somer T.* Forging the Past: Facts and Myths behind the Mongol Invasion of Moravia in 1241 // Золотоордынское обозрение. 2018. Vol. 6. № 2. С. 238–251.
- [37] *Sophoulis P.* The Mongol Invasion of Croatia and Serbia in 1242 // *Fragmenta Hellenoslavica*. 2015. Vol. 2. P. 251–277.
- [38] *Meuvaert P.* An Unknown Letter of Hulagu, Il-Khan of Persia, to King Louis IX of France // *Viator*. 1980. Vol. 2. P. 245–261.
- [39] *Гайтон*. Цветник историй стран Востока / пер. Н. Горелова // Книга странствий. СПб.: Азбука-классика, 2006. С. 211–274.
- [40] *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии / пер. С.А. Аннинского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938.
- [41] *Maiorov A.V.* The first Mongol Invasion of Europe: Goals and Results (в печати).

- [42] *Каргалов В.В.* Монголо-татарское нашествие на Русь. XIII век. М.: Просвещение, 1966.
- [43] Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / под ред. В.Л. Янина. М.: Изд-во МГУ, 1987.
- [44] *Rady M.* The Mongol Invasion of Hungary // *Mediaeval World*. 1991. Vol. 3. P. 39–46.
- [45] Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб.: Типография М.А. Александрова, 1908.
- [46] *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III / пер. А.К. Арендса. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.
- [47] *Richard J.* The Mongols and the Franks // *Journal of Asian History*. 1969. Vol. 3. № 1. P. 45–57.
- [48] *Николов А.* Образ татаро-монголов Золотой Орды и ильханов в сочинениях пропагандистов крестовых походов (конец XIII – начало XIV вв.) // *Золотоордынское обозрение*. 2015. № 4. С. 14–28.
- [49] *Мэй Т.* Монголы и мировые религии в XIII веке // *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 424–443.
- [50] *Guzman G.* Simon of Saint-Quentin and the Dominican Mission to the Mongol Baiju: A Reappraisal // *Speculum*. 1971. Vol. 46. № 2. P. 232–249.
- [51] *Салимбене де Адам*. Хроника / пер. и комм. И.С. Култышевой и др. М.: РОССПЭН, 2004.
- [52] *DeWeese D.* The Influence of the Mongols on the Religious Consciousness of Thirteenth Century Europe // *Mongolian Studies*. Bloomington, 1978–1979. Vol. 5. P. 41–78.
- [53] *Grant B.C.* The Mongol Invasions between Epistolography and Prophecy: the Case of the Letter “Ad Flagellum”, с. 1235/36–1338 // *Traditio*. 2018. Vol. 73. P. 117–177.
- [54] *Юрасов М.* Восприятие венграми монголо-татар во время походов орд Бату в Европу // *Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени*. Нижний Новгород, 2011. Вып. 2. С. 51–69.
- [55] Книга странствий. СПб.: Азбука-классика, 2006.
- [56] *Альберт Штаденский*. Анналы / пер. И.В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2020.
- [57] *Мункуев Н.Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах. М.: Наука, 1965.
- [58] *Дробышев Ю.И., Юрченко А.Г.* «Заповедники смерти» Монгольской империи // *Сибирский сборник-1: Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий*. Кн. 2 / отв. ред. Л.Г. Павлинская. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 160–169.
- [59] *Джованни дель Плано Карпини*. История монгалов. Гильом де Рубрук. Путешествия в восточные страны. Книга Марко Поло / перев. И.М. Минаев. М.: Мысль, 1997.
- [60] Армянские источники о монголах / пер. А.Г. Галстяна. М.: Восточная литература, 1962.
- [61] *Bezzola G.A.* Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270): ein Bei-trag zur Frage der Volkerbegegnungen. Bern, 1974.
- [62] *Klopprogge A.* Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolen-bildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1993.
- [63] *Schmieder F.* Europa und die Fremden: die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert. Sigmaringen: Thorbecke, 1994.
- [64] *Майоров А.В.* К вопросу об исторической основе и источниках «Повести о убиении Батыея» // *Средневековая Русь*. Вып. 11. Проблемы политической истории и источниковедения / Отв. ред. А.А. Горский. М.: Индрик, 2014. С. 105–147.

- [65] Laszlovszky J., Pow S., Romhányi B.F., Ferenczi L., Pinke Z. Contextualizing the Mongol Invasion of Hungary in 1241–42: Short- and Long-Term Perspectives // *Hungarian Historical Review*. 2018. Vol. 7. № 3. P. 419–450.
- [66] Камалов И.Х. Отношения Золотой Орды с Болгарским княжеством // *Золотоордынская цивилизация*. 2011. Вып. 4. С. 35–39.
- [67] Узелац А. Сербские письменные источники о татарах и Золотой орде (первая половина XIV в.) // *Золотоордынское обозрение*. 2014. № 1. С. 101–118.
- [68] Узелац А. Под сенком пса: Татари и јужнословенске земље у другој половини XIII века. Београд: Утопија, 2015.
- [69] Дробышев Ю.И. Кыргызы в Центральной Азии (IX в.) // *Восток (Oriens)*. 2010. № 6. С. 102–109.

References

- [1] Ollsen TT. Preljudiya k zapadnym pohodam: mongol'skie voennye operacii v Volgo-Ural'skom regione v 1217–1237 godah [Prelude to Western campaigns: Mongol military operations in the Volga-Ural region in 1217–1237]. *Stepi Evropy v epohu srednevekov'ya. T. 6: Zolotoordynskoe vremya [Steppes of Europe in the Middle Ages. Vol. 6: The Golden Horde time]*. Donetsk: Izdatel'stvo DonNU; 2008, p. 351–362. (In Russ.).
- [2] Mayorov AV. Zavershayushchij etap zapadnogo pohoda mongolov: voennaya sila i tajnaya diplomatiya [The final stage of the Western campaign of the Mongols: military power and secret diplomacy]. *Zolotoordynskoe obozrenie [The Golden Horde Review]*. 2015;(1):68–94. (In Russ.).
- [3] Mayorov AV. Zavershayushchij etap zapadnogo pohoda mongolov: voennaya sila i tajnaya diplomatiya [The final stage of the Western campaign of the Mongols: military power and secret diplomacy]. *Zolotoordynskoe obozrenie [The Golden Horde Review]*. 2015;(2):21–50. (In Russ.).
- [4] Hautala RV. zemlyah «Severnoj Tartarii»: Svedeniya latinskih istochnikov o Zolotoj Orde v pravlenie hana Uzbeka (1313–1341) [In the lands of “Northern Tartary”: Information from Latin sources about the Golden Horde in the reign of Khan Uzbek (1313–1341)]. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT; 2019. (In Russ.).
- [5] Rashid al-Din. *Sbornik letopisej [Collection of Chronicles]*. Vol. I. Book 1. Tr. by LA. Khetagurov. Moscow; Leningrad: AN SSSR publ.; 1952. (In Russ.).
- [6] Kniga Marko Polo [The book of Marco Polo]. *Puteshestviya v vostochnye strany [Travels to Eastern countries]*. Moscow: Mysl' publ.; 1997, p. 190–380. (In Russ.).
- [7] Kozin SA. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya hronika 1240 g. [The Secret History. Mongolian Chronicle of 1240]*. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR; 1941. (In Russ.).
- [8] Riazanovsky VA. *Mongol'skoe pravo (preimushchestvenno obychnoe). Istoricheskij ocherk [Mongolian law (mainly customary). Historical essay]*. Harbin: Tipografiya NE. Chinareva; 1931. (In Russ.).
- [9] Yurchenko AG. *Istoricheskaya geografiya politicheskogo mifa. Obraz Chingis-hana v mirovoj literature XIII–XV vv. [Historical geography of the political myth. The image of Genghis Khan in the world literature of the XIII–XV centuries]*. St. Petersburg: Evraziya publ.; 2006. (In Russ.).
- [10] Hristianskij mir i «Velikaya Mongol'skaya imperiya». Materialy franciskanskoj missii 1245 goda. «Istoriya Tartar» brata C. de Bridia [The Christian World and the “Great Mongol Empire”. Materials of the Franciscan mission of 1245. “The History of Tartary” by Brother C. de Bridia] Critic. text, trans. by SV. Aksenov and AG. Yurchenko. Exposure, research, and index by AG. Yurchenko. St. Petersburg: Evraziya; 2002. (In Russ.).

- [11] Jean de Joinville. *Kniga blagochestivnyh rechenij i dobryh deyanij nashego svyatogo korolya Lyudovika* [The Book of Pious speeches and good deeds of our holy King Louis]. Tr. by G.F. Tsybulko. Saint Petersburg: Evraziya publ.; 2007. (In Russ.).
- [12] Matuzova VI. *Anglijskie srednevekoveye istochniki IX–XIII vv. Teksty, perevod, kommentarij* [English medieval sources of the IX–XIII centuries. Texts, translation, commentary]. Moscow: Nauka publ.; 1979. (In Russ.).
- [13] Hautala R. *Ot «Davida, tsarya Indij» do «Nenavistnogo plebsa satany»*. *Antologiya rannih latinskih svedenij o tataro-mongolah* [From “David, King of the Indies” to “The Hated Plebs of Satan”. An anthology of early Latin information about the Tatar-Mongols]. Kazan’: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT; 2015. (In Russ.).
- [14] Vinsent iz Bove. Velikoe zertsalo [Great Mirror]. *Kniga stranstvij* [Book of wanderings]. Tr. by N. Gorelov. St. Petersburg: Azbuka-klassika publ.; 2006, p. 79–116. (In Russ.).
- [15] Biran M. Chinggis Khan. Oxford: Oneworld Publications; 2007.
- [16] Maiorov AV. They Intend to Come and Attack Rome...: The Real and Sacred Spaces of the Mongol Conquests (in print).
- [17] Jackson P. *The Mongols and the West, 1221–1410*. London; New York: Routledge; 2014.
- [18] Foma Splitskij. *Istoriya arhiepiskopov Salony i Splita* [History of the Archbishops of Salona and Split]. Tr. by OA Akimova. Moscow: Indrik; 1997. (In Russ.).
- [19] Hautala R. Ot Batu do Dzhaniybeka: voennye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol’shej i Vengrijej [From Batu to Janibek: military conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [The Golden Horde Review]. 2016;4(2):272–313. (In Russ.).
- [20] Hautala R. Ot Batu do Dzhaniybeka: voennye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol’shej i Vengrijej [From Batu to Janibek: military conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [The Golden Horde Review]. 2016;4(3):485–528. (In Russ.).
- [21] Rogers GS. An Examination of Historians’ Explanations for the Mongol Withdrawal from East Central Europe. *East European Quarterly*. 1996;30(1):3–26.
- [22] Pow LS. Deep Ditches and Well-built Walls: A Reappraisal of the Mongol Withdrawal from Europe in 1242. A thesis submitted to the faculty of graduate studies in partial fulfilment of the requirements for the degree of Master of Arts. Calgary; 2012.
- [23] Tizengauzen VG. *Sbornik materialov, otnosyashchihsia k istorii Zolotoj Ordy* [Collection of materials related to the history of the Golden Horde]. Vol. II. Moscow; Leningrad: Izdatel’stvo AN SSSR; 1941. (In Russ.).
- [24] Pochekaev RYu. Batyj. Han, kotoryj ne byl hanom [Baty. The khan, who was not a khan]. Moscow: AST publ.; 2006. (In Russ.).
- [25] Khrapachevsky RP. K voprosu o tak nazyvaemom «spiske pokorenyh narodov» Vostochnoj Evropy v «Sokrovennom skazanii mongolov» (1240 g.) [On the question of the so-called “List of conquered peoples” of Eastern Europe in the “Secret History of the Mongols” (1240)]. *Studia Historica Europae Orientalis*. 2013;(6):91–102. (In Russ.).
- [26] Rajt JK. Geograficheskie predstavleniya v epohu krestovyh pohodov: Issledovanie srednevekovoj nauki i tradicii v Zapadnoj Evrope [Geographical representations in the Era of the Crusades: A study of Medieval science and tradition in Western Europe]. Tr. by MA Kabanov. M.: Nauka; 1988. (In Russ.).
- [27] Plano Carpini. Istoriya mongalov [History of the Mongols]. *Puteshestviya v vostochnye strany* [Travel to Eastern countries]. Moscow: Mysl’ publ.; 1997, p. 29–85. (In Russ.).
- [28] Guzman G. The Encyclopedist Vincent of Beauvais and His Mongol Extracts from John of Plano Carpini and Simon of Saint-Quentin. *Speculum*. 1974;49(2):287–307.

- [29] Savchenko SV. Pis'mo magistra tamplierov k Lyudoviku Sv. o vtorzhenii tatar v Zapadnuyu Evropu [*A Letter of the Master of the Templars to St. Louis on the invasion of the Tatars into Western Europe*]. Kievskie universitetskie izvestiya [*Kiev University News*]. 1919;(1–4):1–4. (In Russ.).
- [30] Magistr Rogerij. *Gorestnaya pesn' o razorenii Vengerskogo korolevstva tatarami* [*Lament about the destruction of the Hungarian kingdom by the Tatars*]. Tr. by AS Dosaev. St. Petersburg: Dmitrij Bulanin; 2012. (In Russ.).
- [31] Rykin PO. Sozdanie mongol'skoj identichnosti: termin «mongol» v epohu Chingiskhana [*Creation of the Mongolian identity: the term “Mongol” in the era of Genghis Khan*]. *Vestnik Evrazii* [*Bulletin of Eurasia*]. 2002;1(16):48–85. (In Russ.).
- [32] Drobyshev Yul. Mongol'skaya imperskaya ideologiya: ponyatijnyj apparat issledovaniya [*Mongolian Imperial ideology: conceptual framework of the study*]. *Kochevye imperii Evrazii v svete arheologicheskikh i mezhdisciplinarnykh issledovanij: Sbornik nauchnykh statej IV mezhdunarodnogo kongressa srednevekovoj arheologii evrazijskikh stepej, posvyashchennogo 100-letiyu rossijskoj akademicheskoy arheologii (Ulan-Ude, 16–21 sentyabrya 2019 g.)* [*Nomadic Empires of Eurasia in the light of archaeological and interdisciplinary investigations: Proceedings of the IV International Congress on the Medieval Archaeology of the steppes, dedicated to 100 years Russian Archeology (Ulan-Ude, September 16–21, 2019)*]. Book 2. Ed. by B.V. Bazarov, NN Kradin. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN; 2019, p. 28–31. (In Russ.).
- [33] Lupprian K.-E. *Die Beziehungen der Päpste zu islamischen und mongolischen Herrschern im 13 Jahrhundert anhand ihres Briefwechsels*. Città del Vaticano, 1981.
- [34] Ruotsala A. *Europeans and Mongols in the Middle of the Thirteenth Century: Encountering the Other*. Helsinki: The Finnish Academy of Science and Letters, 2001.
- [35] Guillaume de Rubruk. Puteshestvie v vostochnye strany [*Travel to the Eastern countries*]. *Puteshestviya v vostochnye strany* [*Travels to the Eastern countries*]. Moscow: Mysl'; 1997, p. 86–189. (In Russ.).
- [36] Somer T. Forging the Past: Facts and Myths behind the Mongol Invasion of Moravia in 1241. *The Golden Horde Review*. 2018;6(2):238–251.
- [37] Sophoulis P. The Mongol Invasion of Croatia and Serbia in 1242. *Fragmenta Hellenoslavica*. 2015;(2):251–277.
- [38] Meyvaert P. An Unknown Letter of Hulagu, Il-Khan of Persia, to King Louis IX of France. *Viator*. 1980;2:245–261.
- [39] Gajton. Cvetnik istorij stran Vostoka [Flower garden of stories of the East]. *Kniga stranstvij* [*Book of travels*]. Tr. by N Gorelov. St. Petersburg: Azbuka-klassika; 2006, p. 211–274. (In Russ.).
- [40] Genrih Latvijskij. *Hronika Livonii* [*Chronicle of Livonia*]. Tr. by SA. Anninskiy. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR; 1938. (In Russ.).
- [41] Maiorov AV. The first Mongol Invasion of Europe: Goals and Results (in print).
- [42] Kargalov VV. *Mongolo-tatarskoe nashestvie na Rus'. XIII vek* [*Mongol-Tatar invasion of Russia. XIII century*]. Moscow: Prosveshchenie publ.; 1966. (In Russ.).
- [43] Velikaya hronika o Pol'she, Rusi i ih sosedyah XI–XIII vv. [The Great Chronicle on Poland, Russia and their neighbors of the XI–XIII centuries]. Ed. by VL. Yanina. Moscow: Izdatel'stvo MGU; 1987. (In Russ.).
- [44] Rady M. The Mongol Invasion of Hungary. *Mediaeval World*. 1991;3:39–46.
- [45] Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 2. Ipat'evskaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Vol. 2. Hypatian chronicle]. St. Petersburg: Tipografiya MA. Aleksandrova; 1908. (In Old Russ.).
- [46] Rashid al-Din. *Sbornik letopisej* [*Collection of Chronicles*]. Vol. III. Tr. by. AK. Arends. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR; 1952. (In Russ.).
- [47] Richard J. The Mongols and the Franks. *Journal of Asian History*. 1969;3(1):45–57.

- [48] Nikolov A. Obraz tataro-mongolov Zolotoj Ordy i il'hanov v sochineniyah propagandistov krestovyyh pohodov (konets XIII – nachalo XIV vv.) [The image of the Tatar-Mongols of the Golden Horde and the Ilkhans in the writings of propagandists of the Crusades (late XIII – early XIV centuries). *Zolotoordynskoe obozrenie* [*The Golden Horde Review*]. 2015;(4):14–28. (In Russ.).
- [49] Mej T. Mongoly i mirovye religii v XIII veke [Mongols and World religions in the XIII century]. *Mongol'skaya imperiya i kochevoj mir* [*The Mongolian Empire and Nomadic world*]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTs SO RAN; 2004, p. 424–443. (In Russ.).
- [50] Guzman G. Simon of Saint-Quentin and the Dominican Mission to the Mongol Baiju: A Reappraisal. *Speculum*. 1971;46(2):232–249.
- [51] Salimbene de Adam. *Hronika* [*Chronika*]. Tr. by I.S. Kultysheva. Moscow: ROSSPEN; 2004. (In Russ.).
- [52] DeWeese D. The Influence of the Mongols on the Religious Consciousness of Thirteenth Century Europe. *Mongolian Studies*. Bloomington. 1978–1979;(5):41–78.
- [53] Grant BC. The Mongol Invasions between Epistolography and Prophecy: the Case of the Letter “Ad Flagellum”, c. 1235/36-1338. *Traditio*. 2018;(73):117–177.
- [54] Yurasov M. Vospriyatie vengrami mongolo-tatar vo vremya pohodov ord Batu v Evropu [Perception by Hungarians of the Mongol-Tatars during the campaigns of Batu Hordes to Europe]. *Al'manah po istorii Srednih vekov i rannego Novogo vremeni* [Almanac on the history of the Middle Ages and Early Modern times]. Nizhnij Novgorod. 2011;2:51–69. (In Russ.).
- [55] *Kniga stranstvii* [The Book of wanderings]. St. Petersburg: Azbuka-klassika; 2006. (In Russ.).
- [56] Al'bert Shtadenskij. *Annaly* [Annals]. Tr. by IV. D'yakonov. Moscow: Russkaya panorama; 2020. (In Russ.).
- [57] Munkuev NTs. *Kitajskij istochnik o pervyyh mongol'skih hanah* [*Chinese source about the first Mongol khans*]. Moscow: Nauka; 1965. (In Russ.).
- [58] Drobyshev YuI., Yurchenko AG. «Zapovedniki smerti» Mongol'skoj imperii [“Death Reserves” of the Mongolian Empire]. *Sibirskij sbornik-1: Pogrebal'nyj obryad narodov Sibiri i sopredel'nyh territorij* [*Siberian collection-1: The funeral rite of the peoples of Siberia and adjacent territories*]. Book 2. Ed. by LG. Pavlinskaya. St. Petersburg: MAE RAN; 2009, p. 160–169. (In Russ.).
- [59] Giovanni del Plano Carpini. The history of the Mongols. Guillaume de Rubruk. Travel to Eastern countries. The book of Marco Polo. M.: Mysl, 1997. (In Russ.).
- [60] *Armyanskije istochniki o mongolah* [Armenian sources about the Mongols]. Tr. AG. Galstyan. Moscow: Vostochnaya literatura publ.; 1962. (In Russ.).
- [61] Bezzola GA. *Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220–1270): ein Bei-trag zur Frage der Volkerbegegnungen*. Bern; 1974.
- [62] Klopprogge A. *Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolen-bildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag; 1993.
- [63] Schmieder F. *Europa und die Fremden: die Mongolen im Urteil des Abendlandes vom 13. bis in das 15. Jahrhundert*. Sigmaringen: Thorbecke; 1994.
- [64] Mayorov AV. K voprosu ob istoricheskoy osnove i istochnikah «Povesti o ubienii Batyya» [To the question on the historical basis and sources of “The tale on the murder of Batu]. *Srednevekovaya Rus'. Vypusk 11. Problemy politicheskoy istorii i istochnikovedeniya* [*Medieval Rus'. Vol. 11. Problems of political history and source studies*]. Ed. by AA. Gorskiy. Moscow: Indrik; 2014, p. 105–147. (In Russ.).
- [65] Laszlovszky J., Pow S., Romhányi BF., Ferenczi L., Pinke Z. Contextualizing the Mongol Invasion of Hungary in 1241–42: Short- and Long-Term Perspectives. *Hungarian Historical Review*. 2018;7(3):419–450.

- [66] Kamalov IH. Otnosheniya Zolotoj Ordy s Bolgarskim knyazhestvom [Relations of the Golden Horde with the Bulgarian Principality]. *Zolotoordynskaya civilizaciya* [*The Golden Horde civilization*]. 2011;(4):35–39. (In Russ.).
- [67] Uzelats A. Serbskie pis'mennye istochniki o tatarah i Zolotoj orde (pervaya polovina XIV v.) [Serbian written sources about the Tatars and the Golden Horde (the first half of the XIV century)]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [*The Golden Horde Review*]. 2014;(1):101–118. (In Russ.).
- [68] Uzelats A. Pod senkom psa: Tatari i juzhnoslovenske zemle u drugoj polovini XIII veka [Under the shadow of a dog: Tatars and South Slavic lands in the second half of the XIII century]. Beograd: Utopija; 2015. (In Serbian).
- [69] Drobyshev YuI. Kyrgyzy v Central'noj Azii (IX v.) [Kyrgyzs in Inner Asia (IX century)]. *Vostok (Oriens)*. 2010;(6):102–109. (In Russ.).

Информация об авторе:

Дробышев Юлий Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Истории Востока Института востоковедения РАН, г. Москва, e-mail: altanus@mail.ru

Information about the author:

Drobyshev Yuliy Ivanovich – PhD in History, senior researcher of the Department of the History of East, the Institute of Oriental studies RAS, Moscow, e-mail: altanus@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-420-430

Научная статья / Research article

Миграции ойратов в первой четверти XVII в. накануне возвращения в Джунгарию

Б.У. Китинов

Институт востоковедения РАН,
107031, Российская Федерация, Москва, ул. Рождественка, 12
kitinov@mail.ru

Аннотация. В 1541 г. ойратам удалось сформировать Среднюю конфедерацию, которую возглавили хошуты как наиболее сильный народ. Во второй половине того же XVI в. ойраты, страдавшие от нападений со стороны своих соседей – тюркских народов с запада и юга и восточных монголов с востока, стали продвигаться в сторону Южной Сибири. Они и прежде кочевали вдоль Черного Иртыша и севернее оз. Зайсан, но теперь стали выдвигаться ниже оз. Ямыш. Существующие в литературе мнения о маршрутах миграций ойратов нуждаются в уточнениях. Автор предлагает свое видение, основываясь на архивных материалах и монгольских источниках: хойты, вытесненные из Харахото тумэтским Алтан-ханом, пошли в сторону Алтайских гор. Следующими были торгуты, совместно с дербетам ушедшие вниз по Иртышу. Элеты, будущие джунгары, из Западной Монголии ушли к Енисею. Уже во втором десятилетии XVII в. ойраты кочевали по Оми, Камышлову, Тоболу и Ишиму, т. е. были по среднему течению Иртыша. В 1623 г. у Ямышева озера они нанесли поражение войскам хотогойтского Алтын-хана Шолой Убаши-хунтайджи, однако эта победа не исключила внутренней борьбы в правившем доме хошутов, что в результате привело их к ослаблению. Дальнейшая междоусобица вынудила торгутов уходить дальше на запад, и в начале 1630-х гг. они вышли к Волге. Миграции на столь дальние расстояния были возможны лишь при условии наличия эффективного управленческого аппарата, при сохранении традиций и идентичности.

Ключевые слова: Алтан-хан, Алтын-хан, дербеты, джунгары, Иртыш, ойраты, торгуты, хойты, хошуты, элеты, Ямыш

История статьи: Поступила в редакцию: 26.05.2021 Принята к публикации: 05.08.2021.

Для цитирования: Китинов Б.У. Миграции ойратов в первой четверти XVII в. накануне возвращения в Джунгарию // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 4. С. 420–430. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-420-430

© Китинов Б.У., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Migration of the Oirats in the first quarter of the 17th century on the eve of returning to Dzungaria

B.U. Kitinov

Institute of Oriental Studies RAS,
12 Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031
kitinov@mail.ru

Abstract. In 1541 the Oirats managed to form the Middle Confederation, which was led by the Khoshuts as the most powerful people. In the second half of the same XVI century the Oirats, suffering from attacks of their neighbors – the Turkic peoples from the west and south and the eastern Mongols from the east, began to move towards southern Siberia. Earlier they used to roam along the Black Irtysh river and north of the lake Zaysan, but now they began to move below the lake Yamysh. Opinions on the migration routes of the Oirats, existing in the literature, need clarification. The author offers his vision based on the archival materials and the Mongolian sources: the Hoyt Oirats, driven out of Kharakhoto by the Tumat Altan Khan, were the first to go towards the Altai Mountains. The next were the Torgut Oirats, who crossed the Altai, and then, together with the Derbets, they moved down the Irtysh river. The Elelets, the future Dzungars, left Western Mongolia for the Yenisei river sources. Already in the second decade of the 17th century the Oirats wandered along Om', Kamyshlov, Tobol and Ishim rivers, that is, they were roaming along the middle reaches of the Irtysh river. In 1623, at lake Yamysh, they defeated the troops of the Hotogoit Altyn Khan Sholoi Ubashi-Khuntaiji, but this victory did not exclude an internal struggle in the ruling house of the Khoshuts, which resulted in weakening of this people. Further civil strife forced the Torguts to move towards west, and in the early 1630s they reached the Volga river. Migrations over such long distances were possible only if there was an effective management apparatus, while maintaining traditions and identity.

Key words: Altan Khan, Altyn Khan, Derbets, Dzungars, Elets, Hoyts, Irtysh, Khoshuts, Oirats, Torguts, Yamysh

Article history: Received: 26.05.2021. Accepted: 05.08.2021.

For citation: Kitinov BU. Migration of the Oirats in the first quarter of the 17th century on the eve of returning to Dzungaria. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(4):420–430. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-420-430

XVI в. прошел у западных монголов – ойратов – в военных действиях с набравшими могущество тюркскими народами с юга и запада, и халхасами – с востока. Ситуация ухудшалась внутриойратскими распрями и социально-экономическими условиями проживания.

Для внешнего мира ойраты были, как правило, объединяемы понятиями «ойрат», «калмык», «сог-по», «вэй-ла-те» и др., иначе говоря, их выделяли и отождествляли. Источники излагали историю ойратов как единую, но это была история отдельных ойратских групп. Было понимание наличия отдельных этнических групп элетов, торгутов, хошуттов, дербетов, хойтов и др., однако их политическое размежевание случится после первой трети XVII в. Вместе с тем нельзя считать, что ойратам рассматриваемого периода была чужда идея единения: они мотивировались внутренними и внешними

обстоятельствами на объединение, однако эволюция их политического развития диктовала разделение и распад. Отмеченное подтверждается событиями военно-политической истории ойратов первой четверти XVII в., своими истоками уходящие в процессы, случившиеся в предшествующий период.

Лидерство хошутов

Из всех ойратов хошуты были самыми сильными и организованными. Прежде они были ответвлением восточно-монгольских хорчинов и обитали на юго-востоке Монголии. По Х. Окаде, они с конца XIV в. кочевали на восточных склонах гор Большого Хингана [1. Р. 207]. Ввиду раздоров на прежней родине в XV в. хошуты бежали в Западную Монголию, где присоединились к ойратам. По К. Лидже, они стали ойратами в 1418 – 1425 гг. [2. С. 95], т. е. при правлении чороского Тогон-тайши, К. Этвуд и Дж. Мияваки считают, что это случилось при его сыне Эсэн-тайши ([3. Р. 310]; [4. Р. 143 – 144]). На наш взгляд, хошуты вошли в состав ойратов при Эсэне.

В то время ойраты представляли собой конфедерацию народов, где наиболее важные вопросы решались на собраниях знати. Такие собрания (съезды) называли чуулганами (монг. *ciyulγan*), их созывали для решения вопросов, представлявших совместный интерес. Такой съезд был наследием родового строя, совета старейшин, на него съезжались родственники основного правителя (хана), родовая знать и высшее звено управления. Основные задачи, которые решал съезд – утверждение новых законов, разрешение конфликтов и т. п. Он не являлся органом власти, хотя от его решений могло зависеть многое. «Съезды знати играли большую роль в жизни монголов XVI–XX вв. Это были сеймы (чуулган) и съезды (хурал) нойонов данного ханства или аймака с выборными должностями» [5. С. 378]. Роль таких съездов возрастала в условиях опасностей и проблем. Как писал И. Я. Златкин: «... частые войны и связанное с ними длительное политическое и хозяйственное напряжение сделали необходимыми периодические съезды («чулганы», или «хуралы») владетельных князей и вызвали к жизни институт «чулган-дарги» (руководителя, председателя чулгана), в задачу которого входило согласование действий владетельных князей» [6. С. 71].

Поскольку хошуты вели свое происхождение от Хабуту-Хасара, младшего брата Чингисхана, то на одном из таких собраний в 1541 г. хошутский правитель Бубэй-мирза был избран главой (даруга) ойратского союза (конфедерации) [7. С. 114], он также принял ханский титул. То, что ойратов возглавили «пришлые» хошуты, т. е. не являвшиеся изначально ойратами, не выглядит необычным, поскольку восточномонгольские народы еще и ранее могли включаться в их состав. Это было благоприятное время и для начала создания новой конфедерации, поскольку у восточных монголов начиналась очередная междоусобица, которая усугубится после смерти Даян-хагана в 1543 г.

В конце XVI в. ойратским лидерам стало ясно, что их новая конфедерация, начавшая формироваться под председательством хошутского дома,

столкнулась с трудностями по причине перемен в составе самих ойратов, усилении одних и ослаблении других, и в связи с изменениями в окружавшем их политическом пространстве. В то время Московское государство стало расширяться на Восток и в целом закреплялось в Сибири, продвигаясь в том числе в сторону ойратских кочевий – вверх по Иртышу, Оби и Енисею. Переговорный процесс между русскими и ойратами имел место, начиная с первых лет XVII в. Однако основные внешнеполитические проблемы у ойратов уже много лет были связаны с восточными монголами и минским Китаем, в частности, это предотвращение и разрешение вооруженных конфликтов. Нахождение консенсуса получало должное одобрение со стороны минского императорского двора, выражавшееся во вручении титулов правителям кочевников и возможности вести торг.

Ситуация резко ухудшалась из-за поражений ойратов от халхасов и казахов, они вытеснялись из Западной Монголии и из восточных регионов Семиречья, и поэтому были вынуждены искать новые маршруты кочевок.

Миграция ойратов в Южную Сибирь

Специалистами еще в недостаточной степени изучены вопросы, связанные с территориями, где кочевали ойраты до их миграции к Иртышу, и отдельные вопросы все еще требуют уточнений. Так, в «Истории Калмыкии» отмечается, что на рубеже XVI–XVII вв. они на западе доходили до верховьев рек Нарын и Чу (Семиречье), войдя в соприкосновение с казахами. Севернее были дербеты, занимавшие земли вдоль Черного Иртыша и близ Зайсана, южнее – хошуты, чьи кочевья достигали Восточного Туркестана. Вдоль Тарбагатая шла территория торгутов; на востоке граница шла близ оз. Баркуль [8. Т. 1. С. 252]. В качестве источника информации указывается карта, составленная на основе документов, опубликованных в сборнике МИРМО, изданная в 1959 г. [8. Т. 1. С. 742]. Следует заметить, что та карта ценна прежде всего указателями миграции дербетов и торгутов вдоль Иртыша, но, например, она ничего не сообщает о продвижении джунгаров и других ойратов.

За прошедшие 50 и более лет вышли и продолжают публиковаться источники и работы, где местоположение ойратов постоянно уточнялось. Так, несколько более подробную информацию, в целом приложимую к обсуждаемому вопросу, дает И.Я. Златкин: «в 70–80-х годах XVI в. на восточном фланге ойратских кочевий, ближе всего к восточно-монгольским владениям находились хойты, за которыми располагались торгуты, а еще дальше – чоросы, дербеты и хошоуты» (1) [6. С. 68].

Мнение И. Я. Златкина в целом является верным. Судя по всему, ойраты занимали следующие земли: хойты были на самом востоке ойратских кочевий, занимая земли и вокруг Хангайских гор и у Каракорума – их оттуда в 1552 г. вытеснил Алтан-хан, глава тумэтов-монголов. Западнее были торгуты (2), занимая земли были вдоль Черного Иртыша и вероятно ниже оз. Зайсан, а также у Тарбагатая. На торгутов спустя 10 лет Алтан-хан напал со своим племянником Хутухтай Цэцэн-хунтайджи: они убили их лидера Хара-Бугура

и наполовину уничтожили торгутскую армию [9. Р. 79]. Еще западнее, вдоль Черного шли кочевья дербетов [10. С. 72]. Хошуты занимали регион бывшего Бешбалыка, т. е. обитали на юго-востоке Джунгарской котловины. Уместно отметить, что таково было расположение этих ойратов уже около середины XVI в. После своего разгрома торгуты стали продвигаться ниже по Иртышу, к дербетам. Таким образом возникла объединенная торгуто-дербетская группировка вдоль среднего течения Иртыша, которая стала угрожать землям сибирского «царя» Кучума – последний был вынужден до 1583 г. поставить городок Кулары для защиты от нападений калмыков, на левом берегу Иртыша, в междуречье Ишима (левый приток) и Туи (правый приток).

Вероятно, уже после победы над торгутами Алтан-хан пошел на север Западной Монголии – он пересек горы Кокей (3) и напал на кочевавших там олетов и баатутов (4) [11. Р. 110]. Под олетами следует понимать будущих джунгаров, которые продолжали так называть себя после трагических событий конца XV в., когда значительная часть олетов (элетов) была уничтожена правителем Могулистана Ахмад-ханом [12].

Таким образом, картина миграции этих ойратов в сторону Южной Сибири в конце XVI в. выглядит следующим образом: первыми пострадали хойты, которые во многом подчинились восточным монголам и позже составят едва ли не основную массу населения земель Алтын-ханов; затем торгуты, которые стали уходить вниз по Иртышу, и с ними пошли дербеты. Олеты двинулись на север, т. е. не столько в сторону Иртыша, сколько к истокам Енисея. Хошуты пошли к Иртышу после 1570-х гг., когда войска Алтан-хана направились к Кукунору, где осталась меньшая группировка хошутов. Именно такие маршруты перемещений этих ойратов и позволяют понять хронологию и локализацию их вступления в контакт с русскими властями.

К 1582 г. ойраты уже были у р. Кулунда в Иртышско-Обском междуречье, значительно севернее оз. Ямыш. Можно предположить, что это были дербеты и торгуты. Ситуация быстро менялась: И.Я. Златкин, приводя сведения о «колмацкия улусы», «колмыки», «калмыки» из Строгановской, Есиповской и Ремезовской летописей, пишет, что народ вышел на верховья Ишима и Оми и оказался непосредственно у Тары уже в 1590-х гг., и что отмеченное отражает «уже начавшуюся откочевку из Джунгарии» дербетов, торгутов и некоторых других ойратов [6. С. 74–75].

Тайши дербетский Далай-Батыр и торгутский Изеней, дядя другого торгутского тайши, Хо-Урлюка, в 1608 г. уже кочевали по рекам Омь и Камышлов, где (в междуречье Камышлова и Ишима) еще тремя годами ранее начал кочевать Хо-Урлюк [13. С. 25, 28]. Калмыцкие посольства обычно посещали Тару, однако от Далай-Батыра и Изенея также бывали в Тобольске и Тюмени, до 1616 г. в Тюмени побывали послы от хошутского Байбагаса-гайджи [13. С. 46]. Эти данные позволяют заключить, что в первые два десятилетия XVII в. на севере своих кочевий ойраты занимали Тоболо-Иртышское междуречье. Ойраты-джунгары впервые были зафиксированы в русских документах конца 1618 г. по причине их появления в Барабинской степи, в междуречье Оми и Оби [13. С. 78]. Скорее всего, их к западной миграции из

верховьев Енисея вынудило давление Алтын-хана, самого могущественного противника ойратов. Он тоже входил в «послованье» с русскими властями, но обычно это происходило через Томск (осн. в 1604 г.) и Кузнецк (осн. в 1618 г.), т. к. дорога в Тару была перекрыта ойратами.

Несмотря на то, что в рассматриваемое время ойраты все еще пребывали в составе конфедерации, их лидерам не удавалось организовать согласованную стратегию по борьбе с восточными монголами. В силу таких сложных обстоятельств какая-то часть ойратов на западе Джунгарской впадины, у оз. Балхаш, была вынуждена подчиниться власти казахского хана Тевеккеля [14. С. 16], но уже в 1599 г., после его гибели, они вновь стали независимы. Вероятно, существовала еще одна группа ойратов на востоке, которая оказалась под властью восточных монголов – скорее всего это были хойты. После того, как прекратились военные действия, Лайхур-хан, лидер халхаского правого крыла, в 1590-х гг. поставил Шолоя Убаши-хунтайджи, своего двоюродного брата, правителем пограничного региона. Это и был Алтын-хан, «хотогойтский князь», именующийся в русских архивных документах как «Алтын-царь». Его государство, состоявшее в основном из хотогойтов (вероятно, происходивших в основном из хойтов) и урянхайцев, возникло на просторах между озерами Убсу-Нур и Хубсугул (северо-западная Халха), достигая на севере Саян, на юге – предгорий монгольского Алтая.

В 1620 г. давление Алтын-хана вынудило ойратов (тайшей Хо-Урлюка, Байбагаса, Чокура) перевести свои кочевья в междуречье Ишима и Тобола, Далай-Батыр пребывал «на Итыковых горах» (5) [13. С. 101]. В начале 1623 г. Байбагас «с товарищи» находился западнее Тюмени, близ Уфимской волости, Далай-тайша – «на Пенных горах в Казачьей земле» [13. С. 120–121]. Но уже в июне 1623 г. тюменский воевода М. Б. Долгоруков сообщал тобольскому воеводе Ю.Я. Сулешеву, что «збираютца они все тайши к Комышлову... а наряжаютца де оне все тайши войной на мунгальских людей, а жон своих и детей и скот и живот оставливают на Камышлове» [13. С. 123] (6).

В конце лета 1623 г. в долине р. Иртыш у Ямышева озера развернулась трехдневная битва между армией Алтын-хана Шолой Убаши-хунтайджи и объединенными силами ойратов. У первого было 80 тыс. войска, ойраты выставили 50 тыс., названные в источнике как «Четыре ойрата» [qarǵı dörbön oyırad] ([15. С. 198]; [16. С. 37, 42]). Перед битвой хунтайджи принес в жертву своему черному знамени 7-летнего ойратского мальчика, т. е. совершил шаманское подношение. Мальчик же, как оказалось, был духом-хранителем ойратов, и отомстил за свою смерть уничтожением всего войска Шолой Убаши-хунтайджи и гибелью его самого [16. С. 47]. Несмотря на крупную победу и очевидную необходимость сохранения союзнических отношений, личные обиды и желание отомстить за «несправедливость» вновь стали актуальны во взаимоотношениях между элитами ойратских этнических групп. Власть и роль хошуттов, лидеров ойратов, были поколеблены – борьба между хошутами, начавшаяся в 1625 г., превратилась в крупномасштабную междоусобную войну среди ойратов, что также вызвало их общее ослабление. Вместе с тем такие процессы позволили ойратам определиться с направлениями своих дальнейших перемещений.

Западная миграция торгутов и начало распада Средней конфедерации

Ойраты были заняты разрешением внутритерриториальной проблемы, т. к. в их среде шли процессы размежевания и консолидации: усиливавшиеся элеты (будущие джунгары) стремились подчинить себе других ойратов и захватывали земли их кочевий. Согласно цинскому источнику «вначале Илийский край служил общим достоянием всех ойратских старшин, из которых каждый самостоятельно управлял своим народом. Потом, когда чжунгарский старшина Батур-хун-тайцзи, отец знаменитого впоследствии Галдана, кочевавший у Алтая, опираясь на свою силу, стал обижать остальных ойратов, тогда [торгутский тайша] Хо-урлэк, возмущенный этим, эмигрировал с своим родом в Россию и поселился на р. Волге (Эцзил). Тургуты помогали русским в их войнах...» ([17. С. 143–144]; [18. С. 145]). В середине 1620-х гг., на фоне углубившихся противоречий (спровоцированных, во многом, межхошутскими столкновениями), случился раскол между торгутами и дербетами, когда первые продолжили движение далее в западном направлении, к Эмбе и Волге, вторые же оставались кочевьями в Прииртыше.

Уход части ойратов в Россию издавна является объектом исследования исторической науки, самые разные мнения были высказаны о целях такой миграции; в целом их можно объединить в три группы: 1. Это возрождение Монгольской империи (Сторонниками первой группы мнений были Н.Я. Бичурин, А.М. Позднеев, архимандрит Гурий); 2. Это вынужденная необходимость (В.М. Бакунина следует отнести к тем, кто считал такое решение вынужденным шагом («за ссорой с хошоутскими и зенгорскими калмыками»); Ш.Б. Чимитдоржиев также считал продвижение ойратов в Сибирь вынужденной экспансией); 3. Это было естественным, возможно, временным решением. Основную позицию третьей группы мнений можно условно определить словами Н.Н. Пальмова: «Джунгария стала тесна для ойратов», он отмечает скученность населения и недостаток пастбищ [19. С. 4]. Специалисты советского и постсоветского периода более акцентируют экономические причины, в целом сближаясь с точкой зрения третьей группы. К последним следует отнести и тех, кто не считал причины, по которым калмыки ушли в Россию, принципиальными. И.Я. Златкин в своей работе рассмотрел соответствующие точки зрения ряда ученых (Н.Я. Бичурин, А.М. Позднеев, Н. Веселовский, С.А. Козин, Б.Я. Владимирцов), и выделил социально-экономические и политические причины.

Если в 1613 г. торгуты кочевали у Эмбы и Иргиза (7), вынуждая живших там ногайцев уходить далее, на правый берег Волги, то уже в 1632 г. улусы Лоузана, сына Хо-Урлюка, вышли к левобережью этой реки ([20. С. 6, 13]; [21. С. 36–37, 43–44]). Их дальнейшая история и развитие будет определяться как взаимодействием с Российским государством (8), так и спецификой профессионально-этнического окружения. Уход этих торгутов положил начало завершению существования Средней ойратской конфедерации.

В изучаемое время все крупные этнополитические объединения ойратов были фактически независимыми образованиями, со своей определенной

территорией обитания (кочевков). Во главе стоял правитель, обладавший титулом *тайша* (тайш/тайши) (9), которому подчинялись *нойоны* и *зайсанги*. Аппарат управления был не сложным, но достаточно эффективным. Такие образования обладали общим термином *улус*, величина (значимость) которого зависела, например, от количества подданных, места обитания, наличия боеспособного войска и др. Улус мог по тем или иным причинам дробиться, во главе таких частей (аймаков) могли стоять зайсанги – родственники правителя улуса. Безусловно, свою роль сохраняла и этническая идентичность, и понимание (сохранение) культурной, исторической, политической и этнической преемственности с более ранними ойратами. Как следствие, происходило укрепление властной вертикали и в целом эффективности административной системы, что создавало потенциал для дальнейших миграций.

Заключение

Ухудшение с середины XVI в. экономических возможностей и череда войн ойратов с соседними народами, нарастание внутренних противоречий способствовали процессу распада Средней конфедерации, с выделением крупных этнополитических объединений элетов (джунгаров и дербетов), торгутов и хошутов. Ойраты вытеснялись с Джунгарской котловины и Западной Монголии, причем если торгуты, дербеты и хошуты были вынуждены уходить на северо-запад вниз по р. Иртыш, то будущие джунгары шли на север – к р. Енисей. В 1620-х гг. произошли важные события – разгром Алтын-хана Шолой Убаши-хунтайджи и межойратская усобица. Результатом была дальнейшая миграция торгутов западнее, когда они, тесня Ногайскую орду, в 1632 г. вышли к Волге – это событие следует оценить как важный этап в процессе завершения существования Средней конфедерации, когда формировались связи и структуры, позволившие появиться ойратским государствам.

Примечания

- (1) И.Я. Златкин не приводит уточнений по поводу чоросов, вероятно, он не углублялся в их связи с дербетами. Также очевидно, что он не дает точное расположение остальных указанных им ойратов.
- (2) Здесь подразумевается более многочисленная северная группа этих ойратов, была еще южная, проживавшая в северной части Амдо (северо-восток Тибета), т. е. на своей прежней родине.
- (3) Находятся в западной части совр. пров. Увс Монголии.
- (4) Баатуы, в числе двух других ойратских народов – баргутов и хойтов – в событиях второй половины XVI – начала XVII вв. окажутся в числе наиболее пострадавших, и их судьба будет специально оговорена в монголо-ойратских законах, принятых в 1640 г.
- (5) Скорее всего, это гора Едыге (горная сеть Улытау) в центральном Казахстане. Есть также мнение, что Итыкова гора – это массив Еликты в Акмолинской области Казахстана, но такое маловероятно, поскольку Еликты находится в правобережье верховьев Ишима, а к тому времени (1620 г.) войска Алтын-хана могли совершать набеги вниз по Иртышу вплоть до оз. Ямыш, т.е. близко от Еликты, поэтому ойраты ушли за Ишим.

- (6) Видимо, на прежних кочевьях продолжали пребывать некоторые мелкие тайши. Так, когда в мае 1623 г. посланники от уфимского воеводы Г. Измайлова искали тайшей, они встретили дербетского Мангита-тайшу «в поле против Итыка горы железные», который сообщил им, что «брат его Талай с товарищи ныне пошли битись против муганского Алтына-царя им... до него, Талая, ехать месяца з 2» [13. С. 124].
- (7) Согласно Н.Н. Нефедьеву, в 1620 г. правители торгутов Лоузанг и Йелден (Эйденг) появились на берегах Ори и Эмбы, за ними шли хошуты и дербеты [22. С. 16].
- (8) В политическом взаимодействии с русской стороной принимали участие и калмыцкие ламы. Так, согласно документу из РГАДА, в 1636 г. в Тобольск прибыло посольство от Хо-Урлюка, в составе которого были ламы или их представители (упоминаются Чорти и Бутурай) [23. Л. 86 об.] (см. также: [23. Л. 216 об.]).
- (9) У ойратов система тайшей, запрещенная в 1510 г. Даян-хаганом, была возобновлена в 1570-х гг. Алтан-ханом, но она отсутствовала в чингисидской системе власти. Тайшами были только главы самых крупных этнополитических объединений ойратов. В период Джунгарского ханства его лидер, как самый сильный среди всех глав ойратских государственных образований, примет титул *хунтайдж*.

Библиографический список

- [1] *Okada H.* Origins of the Dörben Oyirad // *Ural-Altische Jahrbücher. Neue Folge. Band 7.* Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1987. Pp. 181–211.
- [2] *Lijei K.* Oyirad-un teüke šasin-u sudulul. Urumji: Šinjiyang-un arad-un keblel-ün qorii-a, 2002. 248 p. (Исследование истории буддизма у ойратов.) (на ойр. яз).
- [3] *Atwood Ch.* Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire. Fact on Line, Inc., 2004. 678 p.
- [4] *Miyawaki J.* History of the Dzungars: Introductory survey // *History of Civilizations of Central Asia: Development in contrast: from the sixteens to the mid-nineteenth century.* UNESCO Publishing, 2003. Vol. 5.
- [5] *Непомнин О.Е., Иванов Н.А.* Типология азиатских обществ. М.: Восточная литература РАН, 2010. 439 с.
- [6] *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. 2-е изд. М.: Наука, 1983. 331 с.
- [7] *Сухбаатар На., Баярсайхан Д. Хойдын туух.* Улаанбаатар: Соембо принтинг, 2016. (История хойтов.) (на монг. яз).
- [8] История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста: ИД «Герел», 2009. Т. 1. 848 с.; Т. 3
- [9] *Цэнгэл Х.* Ойрад ба дээд монголын туух, сурвалж бичгийн судлал. Улаанбаатар, 2017 (Изучение истории и источниковедения ойратов и верхних монголов). – на монг. яз.
- [10] *Успенский В.* Страна Кукэ-Нор, или Цинхай, с прибавлением краткой истории ойратов и монголов, по изгнании последних из Китая, в связи с историей Кукэ-Нора // *Записки Императорского Русского Географического Общества.* 1880. Т. 6. С. 59–196
- [11] *Elverskog J.* The Jewel Translucent Sutra. Altan Khan and the Mongols in the Sixteenth Century. Leiden-Boston: Brill, 2003. 388 p.
- [12] *Китинов Б.У.* Ойраты-огеледы... пересекли реку Манкан: этно-религиозная ситуация у ойратов в середине XV – начале XVI вв. // *Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история.* 2017. Т. 9. № 4. С. 370–382.
- [13] Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1607–1636: Сборник документов / сост. Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н. В. Устюгов. М.: ГРВЛ, 1959. 352 с.

- [14] *Моисеев В.А.* Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата: ГЫЛЫМ, 1991. 238 с.
- [15] *Гомбоев Г.* Алтан тобчи. Монгольская летопись в подлинном тексте и переводе с приложением калмыцкого текста истории Убаши-Хунтайджия и его войны с ойратами // Труды восточного отделения императорского археологического общества. Часть 6. 1858.
- [16] История Убаши хунтайджия и его войны с ойратами // Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2003. С. 37–47.
- [17] *Чжан-му, Хэ Цютао.* Мэн-гу-ю-му-цзи (Записки о монгольских кочевьях) / пер. с кит. П. С. Попова. СПб.: Паровая скоропечатня П.О. Яблонского, 1895. 487+92 с.
- [18] *Джамбадорджи.* Хрустальное зеркало // История в трудах ученых лам. М.: Т-во научных изданий КМК, 2005. С. 62–154
- [19] *Пальмов Н.Н.* Калмыки. Астрахань, 1928. 48 с.
- [20] *Пальмов Н.Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Часть 1. XVII–XVIII века. Астрахань: Издательство Калмыцкого Областного Исполнительного Комитета, 1926. 264 с.
- [21] *Колесник В.И.* Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII and XVIII веках. М.: Восточная литература, 2003. 286 с.
- [22] *Нефедьев Н.* Подробные сведения о волжских калмыках. Санкт-Петербург. Типография Карла Крайя. 1834. 287 с.
- [23] Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. Д. 2. 1636 г.

References

- [1] Okada H. Origins of the Dörben Oyirad. *Ural-Altäische Jahrbücher. Neue Folge.* Band 7. Wiesbaden: Otto Harrassowitz; 1987, p. 181–211.
- [2] Lijei K. *Oyirad-un teüke šasin-u sudulul.* Urumji: Šinjyang-un arad-un keblel-ün qorii-a; 2002. 248 p. (Study of the history of Buddhism among the Oirats.)
- [3] Atwood Ch. *Encyclopedia of Mongolia and the Mongol Empire.* Fact on Line, Inc.; 2004. 678 p.
- [4] Miyawaki J. History of the Dzungars: Introductory survey. *History of Civilizations of Central Asia: Development in contrast: from the sixteens to the mid-nineteenth century.* UNESCO Publishing; 2003. Vol. 5.
- [5] Nepomnin OE., Ivanov NA. *Typology of Asian societies.* Moscow: Vostochnaya literatura RAN; 2010. 439 p.
- [6] Zlatkin IYa. *History of the Dzungar Khanate. 1635-1758.* 2nd ed. Moscow: Nauka; 1983. 331 p.
- [7] Suhbaatar Na., Bajarsajhan D. *Hojdyn tuuh.* Ulaanbaatar: Sojombo printing; 2016. (History of the Hoyts). (In Mongol.)
- [8] *History of Kalmykia from Ancient Times to the Present Day.* Elista: Publishing House “Gerel”; 2009. Vol. 1. 848 p.
- [9] Cjengjel H. *Ojrad ba djejed mongolyn tuuh, survalzh bichgijn sudlal.* Ulaanbaatar; 2017. (The Study of the History and Sources of the Oirats and Deed Mongols). (In Mongol.)
- [10] Uspensky V. *Country of Kuke-Nor, or Qinghai, with the addition of a brief history of the Oirats and Mongols, after the expulsion of the latter from China, in connection with the history of Kuke-Nor.* St. Petersburg: V Tipographii V. Bezobrazova i comp.; 1880. 140 p.

- [11] Elverskog J. *The Jewel Translucent Sutra. Altan Khan and the Mongols in the Sixteenth Century*. Leiden-Boston: Brill; 2003. 388 p.
- [12] Kitinov BU. Oirats-Ogeleds ... crossed the Mankan River: the ethno-religious situation among the Oirats in the mid-15th – early 16th centuries. *Bulletin of RUDN. Series: World History*. 2017;9(4):370–382.
- [13] Materials on the history of Russian-Mongolian relations. 1607–1636: Collection of documents. Comp. by LM. Gataullina, MI. Golman, G I. Slesarchuk. Resp. ed. IYa. Zlatkin, NV. Ustyugov. Moscow: GRVL; 1959. 352 p.
- [14] Moiseev VA. *Dzungar Khanate and Kazakhs (XVII–XVIII centuries)*. Alma-Ata: Gylym; 1991. 238 p.
- [15] Gomboev G. *Altan tobchi. Mongolian chronicle in the original text and translation with the attachment of the Kalmyk text of the history of Ubashi-Khuntaidzhiya and his war with the Oirats*. Proceedings of the Eastern Branch of the Imperial Archaeological Society. Part 6; 1858.
- [16] The story of Ubashi Khuntaiji and his war with the Oirats. *Moonlight. Kalmyk historical and literary monuments*. Elista: Kalmyk Book Publishing House; 2003, p. 37–47.
- [17] Chang-mu, He Qiutao. *Meng-gu-yu-mu-tszu (Notes on the Mongol nomads)*. Transl. from Chinese by PS. Popov. St. Petersburg: P.O. Yablonsky; 1895.
- [18] Djambadorji. *Crystal Mirror. History in the works of learned lamas*. Moscow: Tovarischestvo of scientific publications KMK; 2005, p. 62–154.
- [19] Palmov NN. *Kalmyks*. Astrakhan; 1928. 48 p.
- [20] Palmov NN. *Etudes on the history of the Volga Kalmyks*. Part 1. XVII–XVIII centuries. Astrakhan: Publishing house of the Kalmyk Regional Executive Committee; 1926. 264 p.
- [21] Kolesnik VI. *The Last Great Roam. Transition of Kalmyks from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17th and 18th centuries*. Moscow: Vostochnaya literatura; 2003. 286 p.
- [22] Nefediev N. *Detailed information about the Volga Kalmyks*. St. Petersburg: Karl Kraya printing house; 1834. 287 p.
- [23] Russian State Archive of the Ancient Acts (RGADA). F. 119. Kalmyk affairs. List 1. Case 2. 1636 year.

Информация об авторе:

Китинов Баатр Учаевич – д-р истор. наук, доцент, старший научный сотрудник, отдел истории Востока, институт Востоковедения РАН, e-mail: kitinov@mail.ru

Information about the author:

Kitinov Baatr Uchaevich – Doctor Habilitatus, Associates Professor, Senior research fellow, Department of History of East, Institute of Oriental studies of RAS, e-mail: kitinov@mail.ru

СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ YOUNGS SCHOLARS REPORTS

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-431-445

Научная статья / Research article

Большая игра в Передней и Центральной Азии в XIX веке: историография вопроса

Г.В. Ибрайымов

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 10–2, Москва, Россия, 117198
georgy.ibraimov@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования стало изучение событий Большой игры, их отражение и сравнение в российской и английской историографии. Для ее осуществления было использовано немалое количество материалов, относящиеся как ко времени указанных событий, так и современных авторов. Так как исследования касается темы политического соперничества двух государств, то наблюдение субъективного отношения в некоторых работах не является чем-то неожиданным. Однако представленные в статье труды в общем и целом соответствуют исторической объективности. Большая игра – это важное событие в том плане, что по сути является предтечей последующих глобальных конфликтов, в первую очередь «холодной войны».

Ключевые слова: Большая игра, Передняя Азия, Центральная Азия, Англия, Российская империя, историография

История статьи: Поступила в редакцию: 17.04.2021. Принята к публикации: 15.06.2021.

Для цитирования: *Ибрайымов Г.В.* Большая игра в Передней и Центральной Азии в XIX веке: историография вопроса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 4. С. 431–445. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-431-445

The Great Game in Front and Central Asia in the XIX century: historiography of the question

G.V. Ibrahimov

Peoples' Friendship University of Russia,
10–2 Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198
georgy.ibraimov@yandex.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the events of the “big game”, their reflection and comparison in Russian and English historiography. For its implementation,

© Ибрайымов Г.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

considerable amounts of materials related both to the time of these events and to modern authors were used. Since the research concerns the topic of political rivalry between the two states, the observation of a subjective attitude in some works is not unexpected. However, the works presented in the article generally stand up to historical objectivity. The “Big Game” is an important event in terms of what is essentially a forerunner of subsequent global conflicts, primarily the “cold war”.

Key words: Big Game, Front Asia, Central Asia, England, the Russian Empire, historiography

Article history: Received: 17.04.2021. Accepted: 15.06.2021.

For citation: Ibrahimov GV. The Great Game in Front and Central Asia in the XIX century: historiography of the question. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(4):431–445. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-431-445

Введение

К Большой игре в историографии относят события политического противоборства двух крупных колониальных империй в Передней и Центральной Азии в XIX в. – Российской и Британской. Исследование этой темы раскрывает ряд особенностей международных отношений центральных политических сил XIX века. Для исторической науки важным остается объективное отражение данной эпохи в исторических трудах. Но на практике обычно сложно придерживаться объективного подхода в исследованиях, особенно когда тема политична и полярна. Именно проблеме освящения темы Большой игры в монографиях разных авторов, преимущественно английских и российских, а также их сравнению и оценке посвящена данная статья.

На протяжении двух в., XVII и XVIII, Британская империя постепенно устанавливала контроль в Индии и близлежащих территориях. К началу XIX в. территория современной Индии, Пакистана и Бангладеш находилась под полным контролем британской короны. Была организована Ост-Индская торговая компания, осуществлявшая контроль на территории полуострова Индостан, сбором налогов и морской торговлей. Последнее имело наибольший приоритет для британского правительства. Из Индии в европейские рынки вывозились различные культурные изделия, драгоценные металлы и камни, ткани, пряности, специи и даже наркотические вещества, опиаты. Британия наладила морские торговые пути, по которым товар везли в Европу. При этом правительство Британской империи стремилось также наладить сухопутные пути из Индии в средиземноморье. Это позволило бы Британии значительно сократить время перевозки товаров в Европу и усилить свое влияние в регионах Центральной и Передней Азии. Однако в процессе возникла конкуренция с Российской империей, самой стремившейся распространить свое влияние на эти земли. Существовало так же опасение вторжения русских войск в Индию. Поводом для него был организованный Павлом I в 1801 г. поход казаков в Британскую Индию [1]. Тут немалую роль сыграла внешняя политика Наполеона Бонапарта, подстрекавшего Павла на открытый

конфликт с Англией. Данный ход сильно напугал британское руководство. Отношения между 2-я государствами стали напряженными [2. С. 4]. Ни Россия, ни тем более Британия отказываться от своих претензий на азиатской регион не намеревались. Результатом стала конфронтация, вошедшая в историю как Большая игра.

Обе стороны старательно избегали открытых столкновений, грозившихся перерасти в крупномасштабную войну, действовали в основном дипломаты и разведчики.

Методы и материалы

В методологической основе представленной статьи превалирует, в основном, историко-генетический и историко-сравнительный анализ. Первый метод способствовал реконструкции исторических событий, связанных с событиями Большой игры, второй позволил выделить определенные закономерности и аналогии с другими историческими событиями для поиска характерных черт в политике России и Британии. Также сравнительному анализу подверглись историографический материал статьи, представленный работами как отечественных, так и зарубежных (преимущественно англоговорящих) авторов. Сделано с целью выявления разных взглядов и подходов к исследованию на одно и то же историческое событие.

Результаты и обсуждение

Первые столкновения Большой игры проходили на территории Персии в Передней Азии, современный Иран. Российская империя осуществляла экспансию в Закавказье. Причиной называлась защита местных народов от персидской и османской тирании. Со стороны политического руководства местных государств, в первую очередь Грузии, было официальное прошение о подданстве Российской империи с целью защиты от исламских государств – Османской империи и Персии. Предположительно были и планы на подчинение территории Персии, по крайней мере британское руководство было в этом полностью уверено. Россия же, если и имела такие планы, то не афишировала их. Но британцы стояли на своем. Россия, в их понимании, желала получить выход в Персидский залив, а оттуда прямой путь в Индию. Они не могли допустить такого исхода, поэтому активно настраивали персидское руководство против России. А так как и самих персов не устраивало продвижение России на Закавказье, их без особых усилий удалось подвести к открытому конфликту с русскими (русско-персидская война 1804–1813 гг.). Основные моменты конфликта, причины, действия сторон, включая и Британию, подробно изложены в трудах Н.Ф. Дубровина. К таким работам относится «Закавказье от 1803–1806 года» [3] и «История войны и владычества на Кавказе» [4]. Также о событиях войны хорошо написано в труде Дж.Л. Ватейшвили «Генерал П.С. Котляревский: Очерк жизни и боевой деятельности» [5], посвященной генералу Котляревскому, командовавшему

русскими войсками в войне. Ну и во многих российских справочниках и энциклопедиях затрагивается этот эпизод.

Все вышесказанное, правда, относится к российской историографии. Англоязычные историки не рассматривают русско-персидскую войну как часть Большой игры. В британской историографии Большая игра начинается с 1830-х годов. Поэтому работ, посвященных русско-персидской войне, не так много на английском языке, слишком мал интерес к ней. Можно выделить разве что исследования Мюриэль Экин в области взаимоотношений России и народов Передней и Центральной Азии. В ее труде «Russia and Iran 1780–1828» [6] русско-персидской войне посвящена целая глава. Данная работа хорошо передает точку зрения Британии на события войны, а также раскрывает действия последней на указанные события.

О конкретных действиях британцев против России в Персии сказать что-то конкретно сложно, так как информации довольно мало, особенно в английских источниках. Точно известно, что Британия заключала дипломатические отношения с Персией и открыто поддерживала ее в войне. В 1812 г. послом в Персии от Британии был назначен сэр Гор Оусли. В различных русскоязычных источниках утверждается, что Оусли стал инициатором военной поддержки британских войск персидской армии [7. С. 141–156]. Об этом написано в статье «The Treaty of Gulistan: 200 years after (the Russo-Persian war of 1804–1813 and the Treaty of Gulistan in the context of its 200th anniversary)» Олега Кузнецова, опубликованной на английском языке. В ней сказано, что в 1812 г. в Персию прибыли британский военный флот с 300 офицерами во главе с генерал-майором Джоном Малькольмом, и с 30 тыс. ружьями, 12 орудиями и сукном для мундиров [7. С. 151].

В англоязычной же историографии утверждения, что Г. Оусли заключал договор о военной помощи Персии, почти не встречается. Такой позиции, например, придерживается уже ранее упомянутая М. Экин [6]. В других англоязычных источниках Г. Оусли упоминается лишь как посредник в мирных переговорах России и Персии. Однако факт участия английских офицеров в войне на стороне персов подтверждается английской историографией, в первую очередь работами участников тех событий, таких как генерал-майор Дж. Малькольм. Свое участие в войне он описал в работе «The History of Persia. From the Most Early Period to the Present Time» [8], посвященной истории Персии в целом. Среди других современников можно отметить У. Монтейна, британского военного, дипломата и историка. В 1810 г. он сопровождал посольство Дж. Малькольма в Персию. Участвовал в боевых операциях, имел знакомство со многими офицерами. О своем участии в персидской операции написал труд «Kars and Erzeroum» [9]. Также стоит упомянуть работу сэра Дж. У. Кея, военного историка, в двух томах «1856: Life and Correspondence of Sir John Malcolm» [10]. В ней представлена биография Дж. Малькольма, а также его личные записи. Разумеется, затронут персидский эпизод его биографии.

В период 1812–1814 гг. во время войны с Наполеоном, отношения между Россией и Великобританией заметно потеплели. Внимание двух империй

переключилась временно с Азии на Европу. Конфликт в Персии стал тратой сил и ресурсов для обоих государств, поэтому его надо было быстро завершить. Был подписан Гюлистанский мирный договор 1813 года [11], по которому за Россией закреплялась территория Закавказья. Ни России, ни Британии так и не удалось закрепиться в Персии.

Конфликты двух империй на территории Передней Азии продолжались до середины XIX века. В 20-е гг. XIX в. между Россией и Персией назрела новая война, вошедшая в историю как русско-персидская 1826–1828 годов. Инициатором его стала Персия, желавшая вернуть себе потерянные в прошлой войне территории. Ряд русскоязычных исследователей указывают на участие Британии в конфликте на стороне Персии. Так, в работе «Россия в международных отношениях 1815–1829 гг.: от Венского конгресса до Адрианопольского мира» Орлика О.В. дается информация о крупном финансировании британским правительством военных расходов Персии [12. С. 151–153]. В «Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX века» Абдуллаева Ф., которая в целом и посвящена проблеме политики русских и англичан в Персии, говорится о поставках оружия и военных специалистов [13. С. 74–75]. Британское посольство в Персии постоянно давило на Фетх Али-шаха, призывая его начать войну с Россией, указывая на слабость нынешнего руководства Российской империи в лице Николая I. Об этом пишет в своей научной диссертации «Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века» Салихова Д.Б. [14. С. 51].

Данные же в англоязычных источниках и литературе по войне 1826–1828 гг. довольно скудны. Кроме уже в который раз упомянутой работы «Russia and Iran 1780–1828» М. Экин, по этому историческому событию практически отсутствуют научные труды. Опять-таки причина кроется в слабой заинтересованности англоязычных исследователей русско-персидских отношений. В работе самой М. Экин нигде не сказано о военной помощи британцев персам. Но отрицать действия со стороны британцев было бы ошибочно. Британия просто так от своих интересов бы не отказалась.

В российской историографии русско-персидскую войну 1826–1828 гг. принято относить к эпизоду Большой игры. Итогом войны стала победа России и подписание Туркманчайского мирного договора, по которому за Россией окончательно закреплялись завоеванные в войне 1804–1813 гг. территории [15]. Британские позиции в Персии были подорваны, чему англичане были сильно не рады. По этой причине часть российских исследователей видят в резне в русском посольстве 1829 г., в котором погиб А.С. Грибоедов, британский след. По их мнению, Англия пытались спровоцировать новый русско-персидский конфликт. Так, например, пишет в своей работе «Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг.» Балаян Б.П. [16. С. 244]. Есть так же статья за авторством Сухова И. «Солдат Большой игры». Тайна гибели российского посла в Персии А. Грибоедова», опубликованная на официальном сайте Н.В. Старикова [17]. Правдивость данных утверждений и их научная достоверность находится под вопросом.

Британское руководство после провала в Персии стало действовать более активно. Но вести открытую войну с Россией в одиночку она опасалась. Необходимо было сформировать антироссийскую коалицию европейских стран, саму Россию спровоцировать на конфликт и превратить ее в агрессора в глазах европейской общественности. Одной из самых известных провокаций стало дело «Виксена». Подробно об этом деле в российской историографии написано в книге «Внешняя политика Российской империи (1801–1914)» О. Айрапетова. Британия, через морскую поддержку горским племенам и народам Кавказа и Закавказья, провоцировала Россию совершить перехват одного из британских судов. Это позволило бы британцам обвинить Россию в нарушении принципа «свободной торговли». Этим судном стал «Виксен», перевозивший оружие на Кавказ. Его захватило русское судно «Аякс», однако в трюмах «Виксена» на тот момент уже не было оружия, из чего вышло, будто Россия задержала мирное торговое судно [18. С. 149–153].

В английской историографии наиболее всего данный исторический эпизод раскрыт в книге П. Хопкирка «Большая Игра против России: Азиатский синдром» [19. С. 81–82], переведенную на русский язык. Описания событий ведется от лица Дэвида Уркварта, британского посла в Османской империи и организатора этой провокации. Британские и российские версии тех событий принципиально не отличаются.

Провокация в итоге удалась. Реакция Британии была моментальной и резкой, тут же она начала призывать европейских государств к войне. К счастью для России, британское правительство не смогло найти союзников для континентального противодействия России. Конфликт был замят, но он показал, что война между двумя державами вполне реальна.

Наибольшее число столкновений между Британией и Россией пришлось на Центральную Азию. Российская империя вела экспансию в этот регион еще с XVIII века. В первой половине XIX в. проникновение стало ускоряться. Ко дворам местных ханов и эмиров отправляли дипломатические миссии с видными политическими и военными деятелями. В дальнейшем часть из них посвятят научные труды историческим и географическим исследованиям народов Центральной Азии. Среди таких были дипломат и путешественник Н.Н. Муравьев-Карский, написавший «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров» [20], историк Н.В. Ханьков с «Описанием бухарского ханства» [21. С. 302] и др.

Среди британских исследователей, посетивших Центральную Азию в период Большой игры, в англоязычной историографии выделяют Уильяма Мукрофта, работавшего врачом и ветеринаром Ост-Индской Компании. В 1820-е гг. он посетил Бухару, и многие англоязычные историки предполагают, что Мукрофт занимался разведкой для правительства, даже не подозревая об этом. Такой позиции придерживаются авторы статьи «Турнир Теней: Большая Игра и гонка за империю в Центральной Азии» Мейер К.Е. и Бризак Ш.Б., переведенной на русский язык [22]. По мнению авторов, исследовательскую миссию Мукрофта организовал его друг и колониальный

администратор Чарльз Метклаф, который использовал научные изыскание Муркрофта как разведанные по региону.

Такая же ситуация произошла и с исследованиями Чарльза Массона «Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan and the Panjab: Including a Residence in Those Countries from 1826 to 1838» [23], Артура Коннели (тот, кто ввел в оборот термин «Большая игра») «Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan» [24] и многими другими.

Официальными причинами экспансии в Центральную Азию российское руководство называло стремление принести европейские ценности и культуру центральноазиатским народам и защиту их от тирании местных правителей. Но большинство исследователей сходятся на том, что настоящей причиной стало противодействие Британии. На такой позиции стоит М.А. Терентьев. Процессам и причинам освоения Центральной Азии историк посвятил 3-томный труд «История завоевания Средней Азии» [25] и «Россия и Англия в Средней Азии» [26]. М.А. Терентьев утверждает, что политика России на расширение в Центральной Азии была продиктована угрозой со стороны Англии и имела исключительно оборонительные цели. Британия с таким заявлением была не согласна, и продолжала считать, что главной целью России является Индия. При этом говорить об беспочвенности таких заявлений не приходится. Российская империя, скорее всего, имела в долгосрочных планах проникновение в Индию, так как от центральноазиатских территорий особо большой пользы не было, а выстраивать свою политику в регионе исключительно на противодействии Британии было бы крайне недальновидно и затратно. Другое дело Индия, один из мировых торговых центров того времени и источник редких и дорогих товаров. Как минимум Россия имела планы на сухопутные торговые маршруты, шедшие из Индии.

Главным «камнем преткновения» стал Афганистан. Именно здесь вплотную столкнулись Россия и Британия. Афганистан всегда вызывал интерес крупных империи прошлого и передовых государств настоящего, в первую очередь из-за его стратегически удачного географического положение в регионе. На западе он граничит с Персией, на востоке с Китаем, на северных границах лежат государства Центральной Азии, а за ними Россия, на юге открывается Индия. Это делает из Афганистана хороший плацдарм для контроля региона континентальными войсками. Плюс через Афганистан проходят торговые пути Азии.

Каждая из сторон старалась перетянуть руководство Афганистана к себе. В 1830–1840-х гг. в Кабуле велась борьба между разведывательными и дипломатическими ведомствами обоих государств. Позиции России представлял офицер и востоковед Я.В. Виткевич. Его отчеты о проделанной работе в Кабуле представлены в «Записках о Бухаре» [27]. В них Виткевич говорит об успехе своей операции. Ему удалось склонить афганского эмира Дост-Мухаммед-шаха на пророссийскую сторону. Британскую же сторону представлял А. Бернс. Он возглавлял дипломатическую миссию в Кабуле и был основным конкурентом Виткевича. Бернс без успеха склонял Дост-Мухаммеда действовать против России, о чем он сам написал в своих трудах.

К ним относится «*Travels into Bokhara. Being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia; Also, Narrative of a Voyage on the Indus, from the Sea to Lahore, with Presents from the King of Great Britain*» в 3-х томах [28]. После провала миссии Бернса Британия в спешном порядке стала оказывать давление на Россию, угрожая ей полномасштабной войной в регионе. России пришлось отступить, так как ее силы в Центральной Азии были на тот момент малы. О деятельности Виткевича и Бернса писал уже ранее упомянутый английский журналист и историк Хопкирк, в [19. С. 81–92], посвятив ему целую главу.

Одним из направлений британской политики в Центральной Азии было сотрудничество и поддержка мелких княжеств. Британия надеялась в будущем сделать их частью своего протектората. Ярким примером такой политики стала поддержка сепаратистских настроений в Гератском ханстве, тогда находившемся под влиянием Персии. Это привело к ухудшению англо-персидских отношений, чем не могла не воспользоваться Россия. Так, согласно статье А.Г. Бугаева «Борьба за Герат 1837–1841 гг.» российские дипломаты убедили персидское руководство выступить открыто против Британской Империи. Итогом боевых столкновений британских и персидских войск стала Осада Герата в 1837–38 годах [29. С. 58–61]. И.О. Симонич, российский посол в Персии, в своей частично автобиографической работе «Воспоминания полномочного министра» раскрывает моменты Гератской осады. Для Персии Герат представлял экономическую ценность, через него проходит один важных азиатских торговых путей. Россия, в случае успеха персов, получала бы часть контроля за торговыми путями Герата, что сулило сильным финансовым притоком и стратегическим преимуществом в регионе. Однако Персия войну проиграла [30].

К несчастью для британцев, несмотря на все свои успехи, афганское руководство сохраняло симпатии к России и не спешило становиться их подданными. Такое недоверие к Британии, скорее всего, исходило из известий в британских колониях, о суровых методах управления британцев на территории Индии. Можно предположить, что Россия для Афганистана была куда более безопасным вариантом, чем Британия. Для последней этого оказалось достаточно, чтобы начать военную операцию на территории Афганистана. Так началась Первая англо-афганская война 1838–1842 годов.

В исторической науке как на русском, так и на английском языке принято считать англо-афганскую войну частью Большой игры. На русском языке можно выделить монографию В.М. Массона и В.А. Ромодина «История Афганистана» [31]. Работа эта посвящена в целом истории Афганистана с древнейших времен и охватывает не только события англо-афганской войны, но и многих событий, освященных ранее в этой статье. Монографии Н.А. Халфина «Провал британской агрессии в Афганистане» более узконаправлена. В ней исключительно освящаются события войны, причем с позиции афганцев [32].

Англоязычная историография англо-афганской войны куда богаче. Множество отчетов британских офицеров: Моубрей Моррис «Первая афганская

война», Г.Р. Глейг «Бригада Сэйла в Афганистане с отчетом о захвате и обороне Джелалабада», сэр Генри Хэвлок «Рассказ о войне в Афганистане в 1838–39 гг.» и другие. Известной работой по этой теме считается труд шотландского историка Уильяма Далримпла «Возвращение короля: Битва за Афганистан» [33]. Автор монографии называет англо-афганскую войну первым крупным конфликтом Большой игры. Есть еще много трудов и монографий по этой теме, но перечислять их всех не имеет смысла. Понятно, что англо-афганская война занимает важное место в английской историографии, так как несмотря на начальные успехи в ней для Британии она оказалась серьезным провалом. Британцам в начале войны удалось убрать Дост-Мухаммеда и посадить Шах-Шуджа, представлявшего их интересы. Но вскоре начались восстания во всех провинциях, большинство английских отрядов оказались в окружении и вскоре были уничтожены. Среди погибших был и Бернс. Части британской армии удалось отступить. По авторитету Британии и ее армии был нанесен существенный урон. Закрепится полностью в Афганистане они не смогли. Правда, военное присутствие они частично сохранили. Этот факт не позволил России воспользоваться неудачей британцев и самим укрепиться в Афганистане.

После Крымской войны 1853–1856 гг. и потери своего положения в Европе Россия переориентировалась на Восток. Увеличилось количество походов в Центральную Азию. Разумеется, Британия была недовольна этим. Активных действий в это время, правда, не предпринималось. В 1872–1873 гг. было заключено англо-русское соглашение, по которому на территории между Бухарой и Афганистаном создавалась буферная зона. Этой теме посвящена работа А. Шохуморова «Разделение Бадахшана и судьбы исмаилизма» [34].

Начиная с 1878 г. начинается новый виток столкновений Британии и России. Событиям этого времени много трудов посвятил военачальник и востоковед А.Е. Снесарев. В работе «Афганистан» освящены события дипломатической миссии генерала Н.Г. Столетова к эмиру Афганистана Шир-Али. Это первое открытое действие против Британии после Крымской войны [35]. В английской историографии тоже есть этот эпизод. Работа Майкла Барторпа «Afghan Wars: And the North-West Frontier 1839–1947» затрагивает один важный момент. Когда Россия отправила свою миссию к эмиру, Британия в срочном порядке организовала свою под началом Н.Б. Чемберлена. Но эмир, в отличие от русской миссии, отказался принимать англичан, и даже пригрозил им уничтожением, если те попробуют перейти границы его государства [36]. Этот эпизод показал, что симпатия Афганистана к России сохранялась. После такого неприятного откровения Британия пошла на новую конфронтацию с Афганистаном, вторую англо-афганскую войну 1878–1880 годов. Война завершилась относительным успехом Британии, Афганистан сделать своей колонией не получилось из-за сильного партизанского движения, но удалось подчинить внешнюю политику государства.

Серьезным инцидентом стали события в районе Пандже в 1885 г., в русской историографии названные «Афганским кризисом». Монография М.Ю. Сергеева

«Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии» описывает этот кризис как «кульминационный» в Большой игре [37]. Здесь 2 империи наиболее близко подошли к открытой войне за весь период их соперничества в Азии. С этим согласны и британские историки, только в их историографии данное событие названо просто «инцидентом в Пандже». Хорошо эту тему в английской литературе раскрыл английский русист Ч.Т. Марвин в работе «*The Russians at the gates of Herat*» [38]. Марвин посещал Россию в конце XIX в. и посвятил немало работ изучению ее политики в Центральной Азии. Россия, потеряв возможность влиять на политику Афганистана после англо-афганской войны, стала действовать более решительно и прямолинейно. В 1885 г. в районе Пандже на границе между Туркменистаном и Афганистаном произошло столкновение русских и афганских войск, в историю эта битва войдет как «сражение при Кушке». В ней Россия одержит полную победу, а приобретенные земли откроют ей прямой доступ к Афганистану. Видя такой расклад, Британия вмешалась в конфликт. Появилась серьезная угроза открытой войны двух империй. К счастью, дипломатические ведомства обеих сторон смогли урегулировать конфликт.

Последнее значимое столкновение произошло в горном Памире в 1890-х годах. В русской и английской исторической литературе указана незначительность для обеих империй Памира. Однако к концу XIX в., с изменением границ и сфер влияний, Памир приобретает стратегическую значимость, так как через ее перевалы можно попасть в Афганистан и Индию [39]. Первым действовать начала Британия, отправив свою экспедицию в княжества Хунзу и Нагар, расположенные в Северном Пакистане в горном Памире. Британцы хотели не допустить попадания этих территорий под контроль России [40]. В ответ на это Россия послала свою экспедицию в Пакистан под командованием М.Е. Ионова. Военный журналист и писатель Б.Л. Тагеев принимал участие в этом походе, описав все события в труде «*Памирский поход. (Воспоминания очевидца)*» [41]. Вновь пытаясь не допустить конфронтации, обе стороны отступили и заключили соглашение 1895 года. Соглашение позволило решить все территориальные споры двух государств, четко разграничив сферы влияния в Азии. Официально Большая игра закончилась с подписанием Россией и Британией военного союза, известного как «Антанта».

В целом оценить Большую игру можно как масштабное и продолжительное событие в истории. Многие исследователи называют ее «холодной войной XIX века», и это сравнение не случайно. И в «холодной войне», и в Большой игре идет не прямое столкновение двух сверхдержав за сферы влияния. Разница лишь в действующих лицах (Российская и Британская империя в Большой игре, и СССР и США в «холодной войне») и в масштабах (Азиатский континент в одном случае и целый мир в другом).

Можно так же провести параллели и в действиях сторон. Так, в Британии и США наблюдается весьма гибкий подход в международной политике. Частое использование сторонних сил в конфликтах во избежание собственных потерь, упор на разведку и «скрытую» дипломатию (подкупы, шантаж и

т.д.), глубокое планирование собственных операций и политики. Такой подход к делу хорошо играет на интересы этих стран, хотя нередко их за это осуждают во всем мире. Россия применяет больше прямой подход, часто сама участвует в конфликтах и редко прибегает к «скрытым» ресурсам. Российская империя, а позже и СССР, часто пренебрегали собственными интересами в угоду неких глобальных планов, не всегда продуманных и довольно абстрактных вроде «величия России» (единого понимания «величия» в российском обществе не было) или «построение мирового коммунистического общества». Это большой недостаток российской международной политики, наблюдать который мы можем и в современности.

Однако положительного результата Большой игры удалось достичь лишь России. Не добившись успехов в Персии, Россия получила часть территорий Закавказья и значительную часть Центральной Азии и не допустила укрепление позиций Британии на азиатском континенте. Сама же Британия, несмотря на свои успехи и гибкую политику, из-за ряда дипломатических просчетов не достигла своих глобальных целей, по этой причине в английской исторической науке принято считать Большую игру провалом.

Монографии по Большой игре весьма обширны, представленная статья освятила не все имеющиеся исторические труды ввиду их большого объема. Интерес к теме в русской и английской исторической науке существует до сих пор. Особенно интересна она в разрезе англо-русских отношений. Истоки взаимного недоверия как раз берут начала из событий XIX века. Это отразилось и на исследованиях, создав хоть и слабый, но заметный идеологический фон. В российской исторической литературе прослеживаются мнения о вредоносной политике британцев (знаменитое выражение «Англичанка нагадила»). В британской же, в зависимости от эпохи, в более ранней литературе существует мнение о «диких русских», залезших в Азию, и современное мнение о авторитарной политике русских, лишавших свободы азиатские народы. К счастью, особо критичных высказываний в научных трудах нет, большинство исследователей выдерживают научный стиль и не впадают в популизм.

Большая игра сильно повлияла на международные отношения XIX в. и на облик Передней и Центральной Азии, а ее следы можно увидеть и в наше время.

Библиографический список

- [1] Индийский поход при императоре Павле I // Военная энциклопедия: [в 18 т.] / под ред. В.Ф. Новицкого ... [и др.]. СПб.; [М.]: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1911.
- [2] *Ewans Martin. The Great Game: Britain and Russia in Central Asia, Volume 1, Documents, RoutledgeCurzon, Oxon. UK, 2004.*
- [3] *Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе, том 4–6. СПб., 1886–88.*
- [4] *Дубровин Н.Ф. Закавказье от 1803–1806 года. СПб. 1866. 542 с.*
- [5] *Ватейшвили Д.Л. Генерал П.С. Котляревский: Очерк жизни и боевой деятельности. Тбилиси: Мецниереба, 1980. 139 с.*

- [6] *Muriel Aiken*. Russia and Iran 1780–1828. University of Minnesota Press, Minneapolis, 1980. p. 216.
- [7] *Kuznetsov O.* The Treaty of Gulistan: 200 years after (the Russo-Persian war of 1804–1813 and the Treaty of Gulistan in the context of its 200th anniversary) // *The Caucasus & Globalization*. 2013. Vol. 7, no. 3–4. pp. 162–182.
- [8] *Malcolm Sir John*. The History of Persia. From the Most Early Period to the Present Time. London: John Murray, 1829. p. 1360.
- [9] *Monteith W.* Kars and Erzeroum. L.: Printed by Spottiswoode & Co., 1856. p. 360.
- [10] *Kaye John William Sir*. The life and correspondence of Major-General Sir John Malcolm. London, Smith, Elder, and co.; [etc., etc.] 1856, Vol. 1, 2.
- [11] *Веселовский Н.И.* Гюлистанский трактат // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.
- [12] *Орлик О.В.* Россия в международных отношениях 1815–1829 гг.: от Венского конгресса до Адрианопольского мира. М.: Наука, 1998. 266 с.
- [13] *Абдуллаев Ф.* Из истории русско-иранских отношений и английской политики в Иране в начале XIX века. Ташкент: Фан, 1971. 135 с.
- [14] *Салихова Д.Б.* Российско-иранские отношения во второй четверти XIX века: дисс. ... к.и.н. Махачкала, 2007. 184 с.
- [15] Туркманчайский мирный договор 1828 // *Дипломатический словарь / А.Я. Вышинский, С.А. Лозовский*. М.: Государственное издательство политической литературы, 1948.
- [16] *Балаян Б.П.* Международные отношения Ирана в 1813–1828 гг. Ереван: Изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1967. 295 с.
- [17] *Сухов И.* Солдат «большой игры». Тайна гибели российского посла в Персии А. Грибоедова // *Николай Стариков*. URL: <https://nstarikov.ru/i-sukhov-soldat-bolshoy-igry-tayna-gib-73276>.
- [18] *Айрапетов О.* Внешняя политика Российской империи (1801–1914). Изд. «Европа», 2006. 672 с.
- [19] *Хопкирк П.* Большая игра против России: Азиатский синдром. Изд. «Рипол Класик», 2004. 269 с.
- [20] *Муравьев Н.Н.* Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 годах, гвардейского Генерального Штаба капитана Николая Муравьева, посланного в сии страны для переговоров. М.: тип. Августа Семена, 1822 // *Военная литература (милитера)*. URL: http://militera.lib.ru/explo/muraviev_karsskiy_nn/index.html.
- [21] *Ханыков Н.В.* Описание Бухарского ханства. Типография Императорской Академии наук (СПб), 1843. стр. 302.
- [22] *Мейер К.Э., Бризак Ш.Б.* Турнир Теней: Большая Игра и гонка за империю в Центральной Азии Meyer K.E., Brysac S.B. Tournament of shadows: The Great Game and the race for empire in Central Asia. N.Y.: Basic Books, 2006. 648 p. Стр. 92–121 // *Геополитические проблемы Центральной Азии «Большая игра» в прошлом и настоящем: Реф. сб. Сер. «Проблемы общественного развития стран Азии и Африки» Центр науч.-инф. исслед. глобал. и регионал. проблем. Отд. Азии и Африки; Отв. ред. А.И. Фурсов*. Москва, Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2012. 166 с.
- [23] *Masson Charles*. Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan and the Panjab: Including a Residence in Those Countries from 1826 to 1838. Vol. I–IV. Richard Bentley, London, 1844.
- [24] *Arthur Conolly*. Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan. Vol. I–II. London, Richard Bentley, 1834.
- [25] *Терентьев М.А.* История завоевания Средней Азии. Т. I–III. СПб, 1906. 1632 с.
- [26] *Терентьев М.А.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: тип. П.П. Меркульева, 1875. 361 с.

- [27] Записки о Бухарском ханстве (Отчеты П.И. Демезона и И.В. Виткевича). М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 149 с. с ил. (Центральная Азия в источниках и материалах XIX – начала XX века).
- [28] *Alexander Burnes. Travels into Bokhara. Being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia; Also, Narrative of a Voyage on the Indus, from the Sea to Lahore, with Presents from the King of Great Britain. Vol. 1–3. London: J. Murray, 1834.*
- [29] Бугаев А.Г. Борьба за Герат в 1837–1841 гг. / Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. СПб, 2007. стр. 58–61.
- [30] Симонич И.О. Воспоминания полномочного министра. 1832–1838 гг.: пер. с фр. / АН СССР. Ин-т народов Азии. Москва: Наука, 1967. 176 с.
- [31] Массон В.М., Ромодин В.А. История Афганистана: Т. 1–2 / [Акад. наук СССР. Ин-т народов Азии]. М.: Наука, 1964–1965. Т. 1: С древнейших времен до начала XVI века. 1964. 464 с.: ил. Библиогр.: с. 479–501; Т. 2: Афганистан в новое время. 1965. 551 с.
- [32] Халфин Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959. 210 с.
- [33] *William Dalrymple. Return of a King: The Battle for Afghanistan. Bloomsbury Publishing, London, 2012. p. 578.*
- [34] Шохуморов А. Разделение Бадахшана и судьбы исмаилизма / Емельянова Н.М. Москва-Душанбе: ИВ РАН, 2008. 128 с.
- [35] Снесарев А.Е. Афганистан. М.: Рус. панорама, 2002.
- [36] *Barthorp M. Afghan Wars and the North-West Frontier 1839–1947, London: Cassell, 2002, p. 304.*
- [37] Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2012. 454 с.
- [38] *Charles Thomas Marvin. The Russians at the gates of Herat. London F. Warne, 1885, p. 384.*
- [39] Широкопад А.Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 541 с.
- [40] *Shafqat Hussain. Remoteness and Modernity: Transformation and Continuity in Northern Pakistan. Yale University Press, 2015. p. 66.*
- [41] Тагеев Б.Л. Памирский поход. (Воспоминания очевидца) // Исторический вестник. 1898. № 7.

References

- [1] The Indian campaign under Emperor Paul I. Military encyclopedia: [in 18 t.]; ed. by V.F. Novitsky ... [et al.]. St. Petersburg.; [M.]: Type. t-va I. D. Sytin; 1911.
- [2] Ewans Martin. *The Great Game: Britain and Russia in Central Asia*, Volume 1, Documents, RoutledgeCurzon, Oxon. UK; 2004.
- [3] Dubrovin NF. *History of the War and Russian Rule in the Caucasus*, volume 4–6. St. Petersburg; 1886–88.
- [4] Dubrovin NF. *Transcaucasia from 1803–1806*. St. Petersburg; 1866. 542 p.
- [5] Batashvili DL. General C. P. Kotlyarevsky: an Essay on the life and military activities. Tbilisi: Metsniereba; 1980. 139 p.
- [6] Muriel Aiken. *Russia and Iran 1780–1828*. University of Minnesota Press, Minneapolis; 1980. 216 p.
- [7] Kuznetsov O. The Treaty of Gulistan: 200 years after (the Russo-Persian war of 1804–1813 and the Treaty of Gulistan in the context of its 200th anniversary). *The Caucasus & Globalization*. Lulea: CA&CC Press® AB. 2013;7(3–4):162–182.

- [8] Malcolm Sir John. *The History of Persia. From the Most Early Period to the Present Time*. London: John Murray; 1829. 1360 p.
- [9] Monteith W. Kars and Erzeroum. L.: Printed by Spottiswoode & Co.; 1856. 360 p.
- [10] Kaye John William Sir. *The life and correspondence of Major-General Sir John Malcolm*. London, Smith, Elder, and co.; [etc., etc.] 1856, Vol. 1, 2.
- [11] Veselovsky NI. Gulistan tract. Encyclopedic dictionary of Brockhaus and Efron: in 86 t. (82 t. and 4 add.). St. Petersburg; 1890–1907.
- [12] Orlik OV. *Russia in international relations 1815–1829: from the Vienna Congress to the Adrianople World*. Moscow: Nauka; 1998. 266 p.
- [13] Abdullaev F. *From the history of Russian-Iranian relations and British policy in Iran at the beginning of the XIX century*. Tashkent: Fan; 1971. 135 p.
- [14] Salikhova DB. Russian-Iranian relations in the second quarter of the XIX century: diss. ... Candidate of Historical Sciences Makhachkala; 2007. 184 p.
- [15] The Turkmanchay peace treaty of 1828. Diplomatic dictionary. A.Ya. Vyshinsky, S.A. Lozovsky. M.: *State Publishing House of Political Literature*; 1948.
- [16] Balayan BP. *International relations of Iran in 1813–1828*. Yerevan: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1967. 295 p.
- [17] Sukhov I. Soldier of the “Big Game”. The mystery of the death of the Russian Ambassador to Persia, A. Griboedov. Nikolai Starikov. URL: <https://nstarikov.ru/i-sukhov-soldat-bolshoy-igry-tayna-gib-73276>
- [18] Airapetov O. Foreign policy of the Russian Empire (1801–1914). Ed. “Europe”; 2006. 672 p.
- [19] Hopkirk P. The Big Game against Russia: The Asian Syndrome. Publishing house “Ripoll Classic”; 2004. 269 p.
- [20] Muravyov NN. *Journey to Turkmenistan and Khiva in 1819 and 1820, the Guards General Staff of Captain Nikolai Muravyov, sent to these countries for negotiations*. August Semyon, 1822; Military literature (militera). URL: http://militera.lib.ru/explo/muraviev_karsskiy_nn/index.html
- [21] Khanykov NV. Description of the Bukhara Khanate. Printing House of the Imperial Academy of Sciences (St. Petersburg); 1843. 302 p.
- [22] Meyer K.E., Brysac S.B. Tournament of shadows: The Great Game and the race for empire in Central Asia. N.Y.: Basic Books; 2006. 648 p. Pp. 92–121. *Geopolitical problems of Central Asia “The Great game” in the past and present* Ref. Ser. “Problems of social development of the countries of Asia and Africa” Center for Scientific Research. global. and regional. problems. Otd. Asia and Africa; Ed. edited by A.I. Fur-owls.. Moscow, 2012. Publishing house: Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow). 166 p.
- [23] Masson Charles. *Narrative of Various Journeys in Balochistan, Afghanistan and the Panjab: Including a Residence in Those Countries from 1826 to 1838*. Vol. I–IV. Richard Bentley, London; 1844.
- [24] Arthur Conolly. *Journey to the North of India through Russia, Persia and Afghanistan*. Vol. I–II. London, Richard Bentley; 1834.
- [25] Terentyev MA. *History of the conquest of Central Asia*. Vol. I–III. St. Petersburg; 1906. 1632 p.
- [26] Terentyev MA. *Russia and England in Central Asia*. St. Petersburg: type. P.P. Merkul’eva; 1875. 361 p.
- [27] Notes on the Bukhara Khanate (Reports of P.I. Demezov and I.V. Vitkevich). Moscow, The Main editorial office of the Eastern literature of the publishing house “Nauka”; 1983. 149 p. with ill. (Central Asia in sources and materials of the XIX – early XX century).

- [28] Alexander Burnes. *Travels into Bokhara. Being the Account of a Journey from India to Cabool, Tartary and Persia; Also, Narrative of a Voyage on the Indus, from the Sea to Lahore, with Presents from the King of Great Britain*. Vol. 1–3. London: J. Murray; 1834.
- [29] Bugaev AG. The struggle for Herat In 1837–1841. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. a. I. Herzen*. St. Petersburg; 2007, p. 58–61.
- [30] Simonich IO. *Memoirs of the Plenipotentiary Minister*. 1832–1838. [Text]: [Translated from French]; AS USSR. In-t of the Peoples of Asia. Moscow: Nauka; 1967. 176 p.
- [31] Masson VM., Romodin VA. *The History Of Afghanistan*: Vol. 1–2 [Akad. of Sciences of the USSR. In-t of the Peoples of Asia]. M.: Nauka, 1964–1965. Vol. 1: From ancient times to the beginning of the XVI century; 1964. 464 p.: ill. Bibliogr.: pp. 479–501.; Vol. 2: Afghanistan in modern times; 1965. 551 p.: ill.
- [32] Khalfin NA. *The failure of British aggression in Afghanistan (XIX century-early XX century)*. Moscow: Publishing House of socio-economic literature; 1959. 210 p.
- [33] William Dalrymple. *Return of a King: The Battle for Afghanistan*. Bloomsbury Publishing, London; 2012. 578 p.
- [34] Shokhumorov A. *The division of Badakhshan and the fate of Ismailism*. Emelyanova N.M. Moscow-Dushanbe: IV RAS; 2008. 128 p.
- [35] Snesev ANu. *Afghanistan*. M.: Russian. panorama; 2002.
- [36] Barthorp M. *Afghan Wars and the North-West Frontier 1839–1947*. London: Cassell; 2002. 304 p.
- [37] Sergeev EYu. *Bolshaya igra, 1856–1907: myths and realities of Russian-British relations in Central and Eastern Asia*. Moscow: Comradship of scientific publications KMK; 2012. 454 p.
- [38] Charles Thomas Marvin. *The Russians at the gates of Herat*. London F. Warne; 1885. 384 p.
- [39] Shirokorad AB. *Russia – England: the Unknown War, 1857–1907*; A.B. Shirokorad. M: LLC “Publishing House ACT” ; 2003. 541 p.
- [40] Shafqat Hussain. *Remoteness and Modernity: Transformation and Continuity in Northern Pakistan*. Yale University Press; 2015. 66 p.
- [41] Tageev BL. Pamir campaign. (Memoirs of an eyewitness). *Historical Bulletin*. 1898(7).

Информация об авторе:

Ибрайымов Георгий Вадимович – аспирант кафедры всеобщей истории РУДН, г. Москва, e-mail: georgy.ibraimov@yandex.ru

Information about the author:

Ibraiyimov Georgy Vadimovich – postgraduate student of the Department of World History of the RUDN, Moscow, e-mail: georgy.ibraimov@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-446-453

Research article / Научная статья

Top-level diplomacy in the relations between Russia and the UAE

Al-Mahmadava Shahad Rissan Krabuit

Peoples' Friendship University of Russia,
6, Miklukho-Maklay str., Moscow, Russian Federation, 117198
shahadrissan@yahoo.com

Abstract. Multi-faceted partnership is developing between Russia and the UAE – in the trade, economic, political, humanitarian spheres, as well as in the field of high technologies. The positions of both countries on pressing international problems are close to each other particularly on security issues, fighting against terrorism, and the conflict settlement in the Middle East. There is a tendency for the establishing of the close bilateral relations in strategically important areas. The historical visit of President Putin to the UAE on October 15, 2019 was a clear proof of the development of friendly relations and close interaction between the two countries.

Keywords: Foreign policy, bilateral relations, Russian-Emirati cooperation, diplomacy, official visit

Article history: Received: 22.04.2021. Accepted: 18.07.2021.

For citation: Al-Mahmadava Shahad Rissan Krabuit. Top-level diplomacy in the relations between Russia and the UAE. *RUDN Journal of World History*. 2021;13(4):446–453. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-446-453

Дипломатия на высшем уровне в отношениях России и ОАЭ

Аль-Махмадава Шахад Риссан Крабуит

Российский университет дружбы народов,
117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
shahadrissan@yahoo.com

Аннотация. Между Россией и ОАЭ развивается многоплановое сотрудничество – в торгово-экономической, политической, гуманитарной сферах, а также в области высоких технологий. Позиции двух стран по актуальным международным проблемам близки, в частности, по проблемам безопасности, борьбы с терроризмом, конфликтному урегулированию на Ближнем Востоке. Прослеживается тенденция развития тесных двусторонних

© Ибрайымов Г.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

отношений в стратегически важных сферах. Исторический визит президента Путина в ОАЭ 15 октября 2019 г. стал ярким свидетельством развития дружеских отношений и тесного взаимодействия между двумя странами.

Ключевые слова: внешняя политика, двусторонние отношения, российско-эмиратское сотрудничество, дипломатия, официальный визит

История статьи: Поступила в редакцию: 22.04.2021. Принята к публикации: 18.07.2021.

Для цитирования: *Al-Mahmadava Shahad Rissan Krabuit*. Top-level diplomacy in the relations between Russia and the UAE // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2021. Т. 13. № 4. С. 446–453. DOI: 10.22363/2312-8127-2021-13-4-446-453

Introduction

In December 1971, the UAE became a federation of six emirates – Abu Dhabi, Dubai, Sharjah, Ajman, Umm Al-Quwain, and Fujairah, while the seventh emirate, Ras Al Khaimah, joined the federation in 1972. Since it was united, the UAE has developed rapidly and is now noted for its modern infrastructure, international events and status as a trade and transport hub.

The President of the UAE is His Highness (HH) Sheikh Khalifa bin Zayed Al Nahyan, who is also a Ruler of Abu Dhabi, the capital city. The Ruler of Dubai, HH Sheikh Mohammed bin Rashid Al Maktoum holds the posts of the Vice-President, Prime Minister and Defence Minister. The Crown Prince of Abu Dhabi and the Deputy Supreme Commander of the UAE armed forces is HH Sheikh Mohammed bin Zayed Al Nahyan.

The UAE is a member of the Gulf Cooperation Council (GCC), the Arab League, the Organization of Islamic Cooperation, the United Nations, the Organization of the Petroleum Exporting Countries, the Non-Aligned Movement and the World Trade Organization. The International Renewable Energy Agency, established in 2009, has its headquarters in Abu Dhabi [1].

The UAE is the Middle East's second largest economy, after Saudi Arabia, and one of the wealthiest countries in the region on a per capita income. Its GDP in 2020 was estimated at 373.15 billion U.S. dollars for 2021, a real GDP growth rate of around 3.3 percent [2]. The UAE owns 5.9% of the world's oil reserves and the eighth largest proven natural gas reserves. Petroleum exports were US dollars 145.7 billion in 2020. In the medium term, oil and gas (which account for over 70 % of exports and the bulk of government revenue) will continue to underpin the UAE's economy.

However, significant steps towards economic diversification have already been taken, with approximately 65% of GDP now generated by sectors other than oil and gas. The UAE is also developing a civil nuclear energy program and plans to build four nuclear power reactors. The first, the Barakah nuclear power plant, has already started working. Renewable energy generation is also a focus for the UAE, both for domestic energy needs and in terms of investment abroad.

The relationship between the Russian Federation and the United Arab Emirates stretches back to December 1971, when the Soviet Union and UAE established diplomatic relations. The relations between two countries have been described as strong and a “strategic partnership” [3].

The United Arab Emirates and the Russian Federation have forged a decades-long partnership based on mutual respect and definite objectives, leading to various successful outcomes. The UAE-Russia ties stretch back 50 years, with the former Soviet Union (USSR). The USSR established its embassy in Abu Dhabi in 1986, with the UAE following shortly afterwards, opening its embassy in Moscow in 1987. The UAE recognized the Russian Federation as the successor state of the USSR in December 1991. Characterised by high-level diplomacy and dialogue exchange, the UAE and Russia have continued to strengthen their diplomatic ties via numerous mutual visits by delegations from both countries [3].

President Vladimir Putin visited the United Arab Emirates on October 15 2019 with a delegation of Russian ministers, trade representatives, and officials. Putin’s trip to the Emirates (his first since 2007) was important for rapidly expanding Russian-UAE ties, which have grown in many areas such as investment, trade, culture, outer space, tourism, and security, in recent years [4]. Strategic partnership that the two countries signed in June 2018 [5] to cooperate in various sectors such as politics, security, economy and culture, along with cooperation in the humanitarian, scientific, technological and tourist domains was a watershed in bilateral affairs, underscoring the extent to which both Moscow and Abu Dhabi value their deepening relationship. Now the two countries are taking this partnership to new heights. While the Russian President and his delegation were in the Emirati capital, he held talks with the UAE’s de facto ruler and Crown Prince of Abu Dhabi, Mohammed bin Zayed, who met Putin at the airport upon his arrival from Saudi Arabia. While speaking to Emirati officials Putin gave them his word that they “will not be disappointed” with the more than US dollars 1.3 billion in Russian-UAE investment deals signed during his visit (partnership to cooperate in politics, security, economy and culture) [5]. For Russia, no Gulf Cooperation Council (GCC) member-state is as important in terms of trade. As Putin explained to the UAE’s state-owned media: “Of all the Gulf countries, we [Russia and the UAE] have the highest level of trade, US dollars 1.6 billion, but of course, this is not enough. We are all well aware of that and we are working with the UAE’s sovereign wealth fund [Mubadala] where the joint platform is valued at nearly US dollars 7 billion [6].”

Indeed, Russia and the UAE have a vibrant and long-standing economic relationships. The partners have also built a robust partnership. Russian exports to the Emirates are mainly commodities, such as precious metals and stones, steel, as well as ferrous metal products, machinery, equipment, vehicles, chemicals, food, wood, paper, and cardboard. Since the mid-2000s, Russian state-owned giants and private firms have done business in the Emirates and compete for some of the country’s project tenders. For Russia the UAE represents an attractive business hub for Africa, Asia, Europe, and the Middle East. Meanwhile, the Gulf state has invested in Russia’s gas, oil, real estate, infrastructure and logistics sectors, and seeks to boost its presence

in Russia's food production sector. Additionally, the two countries share natural resource extraction and are establishing diamond trade centers.

Like virtually all other Arab capitals, Abu Dhabi views Russia's role in the Middle East security architecture as increasingly important. Common concerns and overlapping interests are leading to growing alignment between the Russians and Emiratis. Two conflicts in the region that have drawn Moscow and Abu Dhabi closer are Yemen and Syria. "Al-Bayan" published a very important and positive article appreciated Russian President Vladimir Putin "historical" visit [7]. "Al-Bayan" said: "A milestone for UAE-Russia relations, Vladimir Putin's official visit is the first of its kind by a Russian president since relations between the two countries were established in 1986". Putin's historic visit to the UAE is also part of Russia's stated intention of bolstering ties with Arab and Muslim countries.

Putin's chief foreign policy aide Sergei Prikhodko told reporters that negotiations with the UAE leadership would focus on Middle East peace, Iran's atomic ambitions and sectarian violence in Iraq, according to Reuters [8]. Prikhodko said Russia would use the visit to promote the idea of holding an international conference on the Israeli-Palestinian conflict involving all regional players. The visit also comes amid growth in tourism and trade ties. A Russian diplomat in Abu Dhabi Sergei Kuznetsov told Gulf News that bilateral trade is expected to reach a record \$800 million (about Dh2.9 billion) in 2019 [4].

UAE Minister of Foreign Affairs Sheikh Abdullah highlighted the rapid growth in bilateral relations in the space sector. "I would like to extend our thanks and appreciation to the Russian minister and the Russian firms, especially the Russian space agency Roscosmos, for advancing our space partnership which culminated in the first space mission and the launch of the first Emirati astronaut into the International Space Station (ISS) in 2019. We are all proud of Hazzaa Al Mansoori and happy that these moments will live forever in the memory of the Emirati people, especially the youth," he said [9].

Hazzaa's eight-day space mission aboard a Russian spaceship to the ISS has a far-reaching impact on the scientific and knowledge aspects in the UAE and encourage many Emirati and Arab youth to venture into the journey of research, knowledge and adventure. The UAE and Russia have over recent years cooperated to maintain the balance in the world oil markets and "tackle imbalances in supply and demand fluctuations" to ensure stability. "The UAE is looking forward to consolidating this partnership with your country in sectors of energy, oil and renewable energy, which constitute the sustainable source of energy for future generations", the UAE Foreign Minister told the Russian minister [10].

The UAE Ministry of Industry and Advanced Technology has reported more than 2,900 Russian companies registered in the UAE, with some 20 Russian commercial agencies. 507 trademarks are also registered in the country bringing inward FDI stocks to US\$940 million (AED3.7 billion) in 2016 [10].

In 1994, the two countries established the Intergovernmental UAE-Russia Commission for Trade, Economic and Technical Cooperation. Since its establishment, the Commission has held many meetings, with a joint working group being established in 2014 to monitor the implementation of the Commission's

decisions. According to the Russian Ministry of Foreign Affairs, the Russian Fund for Direct Investment (RFDI) and the UAE's Mubadala Investment Company created a platform in 2013 for joint investment in Russia-based projects with a targeted amount of investment partnership worth up to US\$7 billion (AED25.7 billion). In 2016, the RFDI and Mubadala also looked into investing US\$ 300 million (AED1.1 billion) in Russian agricultural firms EFKO Group and AFG National as part of expansion of trade in commodities. In the same year, the RFDI and DP World announced a joint venture to invest around US\$2 billion (AED7.3 billion) in seaports, transport and logistical terminals in various regions across Russia. Abu Dhabi's Mubadala also acquired a 44 % stake worth at least US\$271 million (AED995 million) in an oil subsidiary of Russian company Gazprom [10].

The International Defence Conference (IDEX) and Naval Defense Exhibition and Conference (NAVDEX) 2017 saw a whopping Dh6.9billion worth military procurement deals between the UAE and other international entities. It included a contract between the UAE and Russia for anti-armor missiles, which amounted to over Dh2.6 billion [11]. The contract includes 5,000 anti-armor missiles, as well as training and support with Rosoboron export, said Brigadier General Rashid Mohammed Al Shamsi, official spokesperson for the 13th edition of IDEX during a press hearing [12].

Other contracts made between the UAE and foreign countries included Dh611million with Raytheon Company, a major US defense contractor; Dh865million with Swedish Aerospace company and Dh151million with German automotive parts supplier and military technology company, Rheinmetall Group.

ADNOC officials held talks with Russian counterparts discussing joint investment opportunities with Russia in a bid to further expand strategic partnership in the production of hydrocarbons and liquefied natural gas (LNG).

Emirates Nuclear Energy Corporation (ENEC) has renewed its 2017 Memorandum of Understanding on cooperation in the field of peaceful uses of nuclear energy with Russian state nuclear corporation Rosatom [13]. The document was signed by Mohamed Al Hammadi, CEO of ENEC, and Alexey Likhachov, Rosatom director general, in Abu Dhabi during Russian President Vladimir Putin's official visit to the United Arab Emirates.

Media cooperation between the two countries is extensive. Various Russian media outlets have set up offices in the UAE, including RIA Novosti and Russia Today. The Emirates News Agency, WAM, also signed Memoranda of Understanding with Russian media outlets Sputnik and RT, in 2018 and 2019 respectively, in a bid to facilitate information, news and broadcast content exchange [14].

The UAE and Russia continue to expand their cultural and tourism links, promoted by the visa exemptions initiated by the UAE in 2017, leading to an increase of Russian tourists into the UAE from 600,000 in the 2015–2016 period to around 1.2 million visited the country in 2018 [15]. Also, around 41,000 Russians are residing in the UAE (the number of the Russian residents in 2018 was 7,280. Meanwhile, the proportion of Russian residents increased during 2019 and 2020 by 14,558 residents.)

Russian pavilion at Expo 2020 Dubai is ready to open its door for visitors in 2021 under the name "Creative Mind: Driving the Future". Russian creativity is unique. Russia has always been an amazing source of great, creative minds.

The UAE and Russia are bonded by religion and culture. For example, the 20,000 capacity Russian Orthodox Church built in Sharjah illustrates the Russians' and Emiratis' mutual respect for the others' religious roots. To that point, there is a view in the UAE—held by Abu Dhabi's former ambassador to Moscow, Omar Ghobash, that Russia is a great Christian civilization. The international conference on Sunni Islam in Grozny 2016 was an important event in terms of Emirati and Russian efforts to provide visions for the future of Islam based on the rejection of interpretations of the faith considered by both governments to be extremist amid an “intra-Sunni geopolitical rivalry,” as Kristin Smith Diwan identified it in her analyses on Foreign Affairs.

Cultural exchange is inherent in the UAE's message of tolerance and coexistence. The country has hosted many Russian cultural events and performances; such activities include the ‘Peace International Youth Orchestra’ by Russian conductor Valery Gergiev, played in the UAE capital in January 2011. In September 2016, Russia's Krasnoyarsk Opera and Ballet Theatre were on tour in the UAE, where it performed on the Dubai Opera stage. H.H. Dr. Sheikh Sultan bin Muhammad Al Qasimi, Supreme Council Member and Ruler of Sharjah, attended the 32nd Moscow International Book Fair 2019.

Conclusion

Emirati-Russian exchanges in arts, music, and dance have also emerged as increasingly important aspects of bilateral affairs. Theodore Karasik recently wrote that “some of Russia's finest art and musical traditions are now part of the UAE's art scene,” adding that “the momentum of the corridor between Russia and the UAE represents a bridge between two civilizations and establishes a new model for Russian-Middle Eastern relations [16].”

Fig. 1. President Putin and Sheikh Mohamed bin Zayed Crown Prince of Abu Dhabi
Рис. 1. Президент В.В. Путин и наследный принц Абу-Даби Шейх Мухаммад ибн Заид

Fig. 2. President Putin and Sheikh Mohamed bin Zayed with the Emirati astronaut Hazaa Al Mansoori

Рис. 2. Президент В.В. Путин и Шейх Мухаммад ибн Заид с астронавтом из ОАЭ Хаззаа Аль-Мансури

References

- [1] UAE Ministry of Interior. Available from: <https://www.moi.gov.ae> NewsMinistry of Interior MOI – Under the patronage oh Mohammed bin Zayed [Accessed 17.01.2021]. (In Arab.).
- [2] Ministry of Energy and Infrastructure in UAE. Available from: <https://www.MOEI.ae/en/home.aspx> [Accessed 17.01.2021]. (In Arab.).
- [3] Ministry of Foreign Affairs and International Cooperation. Available from: <https://www.mofaic.gov.ae/en/mediahub/news/2021/3/9/09-03-2021-uae-minister> [Accessed 18.01.2021]. (In Arab.).
- [4] Gulf News. Available from: <https://gulfnews.com/amp/business/energy/uae-russia-to-strengthen-cooperation-in-oil-nuclear-energy-1.67123891> [Accessed 23.01.2021].
- [5] UAE Ministry of Finance. Available from: <https://www.mof.gov.ae/en/About/strategy/Pages/strategy2021.aspx> [Accessed 07.02.2021]. (In Arab.).
- [6] Emaratallyoum. Available from: <https://www.emaratalyoun.com/online/follow-ups/2019-10-15-1.1262456?ot=ot.AMPPageLayout> [Accessed 07.02.2021]. (In Arab.).
- [7] Al-Bayan. Available from: <https://www.albayan.ae/across-the-uae/news-and-reports/2019-10-15-1.3674868?ot=ot.AMPPageLayout> UAE, Dubai, 17 October 2019 [Accessed 16.02.2021].
- [8] Putin’s historic visit. *Reuters*. Available from: <https://www.reuters.com/2019/10/15/putin-in-abu-dhabi-and-mohammed-bin-zayed-describe-the-visit-as-historic>. 2019 [Accessed 16.02.2021].
- [9] The National News. Available from: <https://amp.thenationalnews.com/uae/science/sheikh-zayed-s-space-ambition-achieved-says-emirati-astronaut-hazaa-al-mansouri-1.919181> [Accessed 05.03.2021].

- [10] Mubadala Investment Company. Available from: <https://www.mubadala.com/> [Accessed 10.03.2021].
- [11] “Deloitte”. Available from: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/xe/Documents/About-Deloitte/mepovdocuments/mepov12/dtme_mepov12_whogoesthere.pdf [Accessed 12.03.2021].
- [12] Sky News Arabia. Available from: <https://www.skynewsarabia.com/> [Accessed 12.03.2021]. (In Arab.).
- [13] S&P Global. Available from: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/oil/101519-russia-uae-sign-new-energy-cooperation-agreements> [Accessed 14.03.2021].
- [14] World Nuclear News. Available from: <https://world-nuclear-news.org/Articles/Russia,-UAE-extend-MoU-on-cooperation> [Accessed 14.03.2021].
- [15] Business Live Middle East. Available from: <https://www.businessliveme.com/economy/tourism-news/rise-of-russian-tourists-in-uae-dubai-welcomes-8-36-mn-visitors-in-6-months/amp/> [Accessed 14.03.2021].
- [16] Theodore Karasik a former Advisor and Director of Research for a number of UAE institutions. Available from: <https://www.businessliveme.com/economy/tourism-news/rise-of-russian-tourists-in-uae-dubai-welcomes-8-36-mn-visitors-in-6-months/amp/> [Accessed 14.03.2021].

Информация об авторе:

Аль-Махмадава Шахад Риссан Крабуит – аспирант кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов, г. Москва, e-mail: shahadrissan@yahoo.com

Information about the author:

Al-Mahmadava Shahad Rissan Krabuit – postgraduate student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples’ Friendship University of Russia, Moscow, e-mail: shahadrissan@yahoo.com

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
